ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК
17

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1954

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

17

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1954

Дирекция Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики просит читателей — прокурорско-следственных работников присылать свои отзывы и замечания по поводу помещенных в настоящем выпуске «Следственной практики» материалов.

Адрес института: Москва, 151, Можайское шоссе, 37/45. Телефон: Г 1-20-00, доб. 3-54 и 3-56.

Ответственный редактор
настоящего выпуска «Следственной практики»
Государственный советник юстиции
3-го класса
Т. М. АРЗУМАНЯН

НИ ОДНО УБИЙСТВО НЕ ДОЛЖНО ОСТАТЬСЯ НЕРАСКРЫТЫМ

Нигде в мире человек не окружен такой заботой и вниманием, как в советском обществе. Всестороннее удовлетворение беспрерывно растущих материальных и культурных потребностей населения составляет важнейшую задачу Коммунистической партии и советской власти.

Советское государство зорко охраняет граждан от каких бы то ни было посягательств на их здоровье и жизнь. Такие посягательства рассматриваются как тяжкие и опасные преступления. Они вызывают всеобщее справедливое возмущение трудящихся, требующих от органов правосудия неукоснительного изобличения преступников и наказания их по всей строгости закона.

Борьба с преступными посягательствами на советских граждан, будь то бандитское или разбойное нападение или так называемые «бытовые» убийства, должна вестись решительно и последовательно. Ликвидация этих преступлений является первостепенной задачей органов дознания и следствия. Ни одно убийство не должно остаться нераскрытым. Все без исключения виновники убийства — исполнители, подстрекатели и пособники — должны быть разоблачены и разысканы, их вина точно установлена, и они строго наказаны советским судом.

Эта задача при нынешнем уровне развития советской криминалистической науки и оснащенности органов дознания и следствия научно-техническими средствами вполне по силам советскому правосудию. Случаи нераскрытых убийств, виновники которых остаются ненаказанными, не могут быть дальше терпимы.

Надо откровенно признать, что любой случай нераскрытого или раскрытого не в полном объеме убийства есть свидетельство неумелого использования возможностей, которыми располагает наш следственный аппарат, результат неспособности некоторых работников дознания и следствия выполнять свои обязанности на уровне предъявленных партией и правительством требований.

Настоящий выпуск «Следственной практики» посвящен расследованию убийств. Он содержит в себе ряд примеров инициативной и успешной работы следователей по раскрытию убийств. Этими примерами, конечно, не исчерпываются многочисленные случаи успешной работы наших следователей. Число следователей, для которых сложные дела об убийстве уже не представляют неразрешимой загадки, все более увеличивается.

Однако, к сожалению, еще не все следователи овладели искусством раскрытия и расследования таких преступлений. Нельзя закрывать глаза и на серьезные упущения, допускаемые отдельными следователями при расследовании убийств.

Чем выше поднимается общий уровень следственной работы, тем острее ощущаются промахи отдельных следователей, неумело, нерадиво, безинициативно выполняющих свой долг. Отдельные примеры такого никудышного расследования убийств приводятся в этом выпуске «Следственной практики».

Говоря об этих недочетах, надо отметить, что многие следователи зачастую приступали к расследованию убийств лишь после того, как расследование уже фактически произведено органами дознания и преступление ими раскрыто,— и следователю оставалось лишь выполнить требования ст. 109 УПК РСФСР [1],— или дознание доведено до такого состояния, когда раскрыть преступление становилось трудным, а то и невозможным.

В настоящее время, как того требует Генеральный Прокурор СССР, следователи прокуратуры должны немедленно приступать к расследованию убийств. Выполнение этого требования создаст возможность резкого повышения качества следствия по такого рода делам, обеспечит быстрое и полное раскрытие преступле-

[1] Как здесь, так и в дальнейшем следует иметь в виду соответствующие статьи УК и УПК других союзных республик.

ний, а вместе с тем позволит избежать ошибок, допускаемых менее квалифицированными работниками органов дознания. Указанное требование Генерального Прокурора СССР обязывает всех следователей прокуратуры не на словах, а на деле взяться за выполнение этой задачи.

Если говорить о конкретных вопросах, которые возникают перед прокурором или следователем, когда им становится известно о том или ином случае обнаружения трупа или исчезновения человека, то, безусловно, в первую очередь они должны разрешить вопрос о том, следует или не следует возбуждать уголовное дело.

Решение вопроса о возбуждении уголовного дела имеет принципиальное значение.

Следует помнить, что уголовное дело должно быть возбуждено по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению (ст. 9 УПК РСФСР). Значит, уголовное дело об убийстве должно быть возбуждено в случаях, когда есть основания считать, что имело место насильственное умышленное или неосторожное лишение жизни человека [1].

Конечно, факт убийства может быть точно установлен только в результате расследования, в итоге производства осмотров, экспертиз, допросов и т. д. Разумеется, только в результате расследования могут быть установлены виновники убийства, мотивы и цели преступления, его характер и обстоятельства совершения, юридическая квалификация и т. д.

Для возбуждения уголовного дела об убийстве достаточным основанием является наличие признаков убийства, реальное предположение, что в данном случае оно имело место.

Возбуждению уголовного дела об убийстве предшествует обнаружение трупа или факт исчезновения человека. Однако из вышеизложенного вытекает, что не всякое обнаружение трупа человека и не всякое заявление об исчезновении человека влечет за собой возбуждение уголовного дела.

[1] Как здесь, так и в дальнейшем изложении, где идет речь об убийствах, имеется в виду также ответственность в надлежащих случаях за приготовление и покушение на это преступление.

Если на трупе нет никаких признаков противоправного причинения ему смерти другим человеком, если по обстановке происшествия является очевидным, что смерть последовала в результате болезни, несчастного случая, не влекущего за собой уголовного преследования (поражение молнией, падение с высоты по неосторожности потерпевшего, утопление во время купания и т. п.), явного самоубийства при отсутствии признаков уголовно-наказуемого участия других лиц (например, имеется предсмертная записка, не вызывающая сомнения, что она добровольно написана самоубийцей; самоубийца страдал неизлечимой болезнью или психическим расстройством и высказывал намерение покончить жизнь самоубийством и т. п.), то не возникает необходимости в возбуждении уголовного дела, так как нет налицо преступления.

Практика показывает, что к отказу от возбуждения уголовного дела в случаях обнаружения трупа следует подходить с большой осторожностью, чтобы не допустить оставления нераскрытым убийства, замаскированного «несчастным случаем» или «самоубийством».

Правильно поступила прокуратура г. Медногорска, возбудив уголовное дело по поводу смерти мальчика Анатолия Стучинского (см. статью старшего следователя т. И. М. Глазова). В этом случае как раз и имела место попытка выдать за несчастный случай умышленное убийство.

Другой поучительный случай описывает бывший следователь Октемберянского района Армянской ССР т. С. А. Чобанян. По его инициативе было возбуждено уголовное дело по материалам, в которых милиция усмотрела лишь самоубийство, в то время как оно было ловко инсценировано преступниками. Самоубийство было поставлено под сомнение С. А. Чобаняном прежде всего потому, что характер странгуляционной борозды не был типичным для самоповешения и, кроме того, расположение трупных пятен по всей спине трупа давало основание заключить, что он перед повешением находился долгое время в горизонтальном положении.

Весьма поучительны также дела, приведенные в статье «Некоторые недостатки расследования убийств, сопровождавшихся инсценировкой самоубийства и разбойного нападения». В этой статье показаны серьезные

ошибки следователей, не сумевших своевременно распознать убийства, замаскированного самоповешением. Корень этих ошибок — небрежный осмотр места происшествия, чрезмерная доверчивость следователя к первоначальным сведениям о происшествии и некритическое отношение к заявлениям заинтересованных лиц.

Мы уже отмечали, что не всякое заявление об исчезновении человека должно повлечь за собой возбуждение уголовного дела, так как не исключена возможность, что исчезнувший выехал, не пожелав поставить об этом в известность своих родных и знакомых, что он стал жертвой несчастного случая, что он скоропостижно скончался и т. п. Но каждое заявление должно быть тщательно проверено, ибо тяжелые ошибки имеют место в результате того, что заявлениям об исчезновении людей зачастую не придается должного значения. Из-за невозбуждения уголовного дела по таким фактам иногда остаются нераскрытыми убийства, сопровождающиеся сокрытием или уничтожением трупа.

В статье следователя Свердловского района г. Ленинграда т. К. Ш. Кронгауза описывается случай, когда органы милиции, несмотря на неоднократные заявления отца об исчезновении его дочери, не приняли мер к выяснению причин ее исчезновения и не возбудили уголовного дела. Впоследствии оказалось, что исчезнувшая была убита.

Пример правильного решения вопроса о возбуждении уголовного дела по поводу заявления об исчезновении человека приводится в статье «Тщательный обыск уличил убийцу», написанной по материалам прокуратуры Грозненской области. Прокуратура Гудермесского района поступила правильно, возбудив уголовное дело по поводу исчезновения гражданина Кадиева, предварительно убедившись в том, что он не снялся с партийного учета и длительное время не получает пенсию.

Если по поводу исчезновения человека розыскные действия (производимые, как правило, органами милиции) не дали положительных результатов и тем более если имеются обстоятельства, исключающие добровольную перемену места жительства (отсутствие мотивов, неснятие с военного или партийного учета, непринятие мер к увольнению с работы, к оформлению перевода пенсии и других платежей и т. п.), то уголовное дело

подлежит возбуждению с тем, чтобы путем расследования установить действительные причины исчезновения и раскрыть возможное убийство. В последнем случае первоочередной задачей следователя является розыск трупа.

В целях успешного раскрытия убийств и разбойных нападений каждый следователь должен вести следствие таким образом, чтобы в наиболее короткий срок с применением новейших достижений криминалистической науки раскрыть преступление. В этих целях прежде всего требуется, чтобы следствие велось по плану. На основе имеющихся материалов следователь должен выдвинуть и проверить все возможные версии.

Одной из серьезных ошибок некоторых следователей является предвзятость при расследовании преступления, которая ведет к тому, что следователь увлекается проверкой лишь одной версии, кажущейся ему наиболее вероятной. В результате упускается время, и следователю приходится повторять некоторые действия для проверки других версий, которые он ранее игнорировал. Следователь должен творчески разработать основные вопросы, подлежащие выяснению, и путь, по которому возможно исследовать эти вопросы.

Раскрытие убийства — это итог большой оперативной и мыслительной работы следователя по собиранию и оценке доказательств по делу. Кажущиеся иногда на первый взгляд малозначительными, но своевременно подмеченные наблюдательным следователем обстоятельства, могут превратиться в источник версии, которая проложит путь к раскрытию преступления.

Интересен в этом отношении случай, который описан бывшим следователем Шадринского района, ныне прокурором Кировского района Курганской области т. В. Ф. Бухаревым. Потерпевшая от разбойного нападения, будучи некоторое время после получения ранений еще живой, успела сообщить, что преступник тащил ее с кровати одной рукой и при этом говорил другому преступнику: «Бей ее». В. Ф. Бухарев, расследовавший это дело, пришел к логическому выводу, что этот преступник был инвалидом. Тогда следователь стал выяснять, кто в окружающей местности имеет одну руку и, установив несколько человек, проверил, где каждый из них был в ночь убийства. Так внимание к детали в пока-

заниях потерпевшей привело к раскрытию тяжкого преступления.

Учет деталей в показаниях свидетелей и правильная разработка версий, а затем тщательная их проверка дали возможность помощнику прокурора Ухтинского района Коми АССР т. Б. Д. Ганкину установить виновника изнасилования и убийства девочки. Надо подчеркнуть, что раскрыть это преступление было очень тяжело, и т. Ганкин проявил большое мастерство, изобличив преступника.

Примеры подобного следственного мастерства приводятся в статьях тт. Л. П. Денисова, И. П. Меденцова и А. П. Костенко и других.

При расследовании каждого дела об убийстве следователь должен поставить перед собою задачу выяснить следующие обстоятельства:

1) кто убит;

2) каким способом совершено убийство и какова непосредственная причина смерти;

3) место совершения преступления;

4) время совершения преступления;

5) условия, при которых совершено убийство;

6) мотивы и цель убийства;

7) кто является исполнителем убийства и какова форма его вины;

8) нет ли соучастников убийства (подстрекателей, пособников, укрывателей) и недоносителей, несущих уголовную ответственность (если убийство совершено при разбойном или бандитском нападении или с контрреволюционной целью);

9) обстоятельства, способствовавшие совершению убийства.

Конечно, не все эти вопросы имеют одинаково важное значение для наступления уголовно-правовых последствий и, в частности, для наказания виновных.

Так, могут быть случаи, когда личность убитого не удается установить или не представится возможным точно установить место или время совершения убийства. Иногда могут остаться неясными способ убийства и обстоятельства, при которых оно было совершено.

Встречаются случаи, когда при необнаружении трупа не удается установить ни способ лишения жизни, ни

место, ни время, ни обстоятельства совершения убийства.

Но это не значит, что преступник, совершивший убийство и хитроумным способом спрятавший труп или уничтоживший его, или сумевший лишить следственные органы возможности установить все обстоятельства преступления, может остаться ненаказанным.

Необходимо отметить, что установление личности убитого является одной из первоочередных задач следователя, так как это дает в руки следователя нить, которая может привести к выяснению всех обстоятельств преступления и к изобличению виновных.

Правильно понял свою задачу упоминавшийся выше следователь К. Ш. Кронгауз, который при обнаружении скелета неизвестного человека на чердаке дома приложил много усилий для установления личности убитого вплоть до организации стоматологической экспертизы, давшей ценные результаты. Только выяснив, что убитой является проживавшая несколько лет тому назад в этом доме женщина, следователь сумел построить версии, основываясь на возможной заинтересованности некоторых лиц в смерти этой женщины. Проверка версий привела к раскрытию убийства.

Важность указанной задачи правильно поняла также старший следователь прокуратуры Тернопольской области т. А. А. Седнева. Благодаря установлению личности убитой, труп которой был обнаружен в земле уже в истлевшем виде, т. Седнева смогла раскрыть преступление также путем разработки и проверки версий, основанных на связях убитой и возможной заинтересованности некоторых лиц в ее смерти.

Одним из самых решающих следственных действий по делам об убийствах (когда обнаружен труп) является осмотр места происшествия (имеется в виду осмотр места совершения убийства и места обнаружения трупа).

Генеральный Прокурор СССР требует, чтобы и прокурор и следователь выезжали на место убийства немедленно после того, как им стало известно о совершенном преступлении.

Разумеется, осмотр места происшествия должен производиться при самом активном участии судебно-меди-

цинского эксперта, а также работников милиции, которые обязаны немедленно уведомлять прокурора и следователя о происшествии, обеспечивать охрану места происшествия до приезда следователя и прокурора, сохранять следы, обеспечивать порядок при осмотре, выполнять поручения прокурора и следователя, связанные с производством осмотра, принимать оперативные меры по розыску и задержанию преступников, организовывать доставку трупа в морг и т. д.

Задачей осмотра места происшествия и трупа являются:

1) тщательное изучение обстановки в целях уяснения обстоятельств совершения преступления;

2) обнаружение и собирание следов, а также вещественных доказательств;

3) фиксирование обстановки места происшествия в целях придания результатам осмотра значения судебного доказательства (ст. 58 УПК РСФСР).

Следователь, производящий осмотр, должен исходить из положения, что никакое убийство не может быть совершено без того, чтобы на месте преступления не остались следы, уличающие преступника. Значит, вопрос заключается в том, чтобы обнаружить эти следы и заставить их «заговорить» — послужить средством, выясняющим обстоятельства совершения преступления и уличающим преступника.

Результаты осмотра (вместе с заключениями судебно-медицинского эксперта, допросами свидетелей-очевидцев, свидетелей, первыми обнаруживших труп, и результатами других первоначальных следственных действий) служат основным материалом для правильной разработки версий и для принятия мер оперативно-розыскного характера (розыск преступников, обнаружение орудий совершения преступления, похищенных вещей потерпевшего и т. п.).

Следователь Юхновского района Калужской области т. П. Я. Сулимов рассказывает в своей статье, как ему удалось раскрыть убийство благодаря тщательно проведенному осмотру места происшествия.

Осматривая место обнаружения трупа на открытой местности, он заметил, что на трупе много крови, а под ним кровь отсутствует, и сделал правильный вывод, что

убийство произошло в другом месте. Так и оказалось в действительности — следы убийства удалось обнаружить в доме убитой. Осматривая место убийства, следователь обнаружил, что дверь в дом закрыта снаружи при помощи куска проволоки. Очевидно, преступник, желая навести следствие на ложный след, перенес труп с места убийства и закрыл дом, чтобы открытая дверь не привлекала к себе внимания. Этот кусок проволоки был изъят следователем.

По результатам осмотра у следователя возникла версия, что убийство совершено лицом, близко знавшим убитую (иначе не было бы надобности создавать ложное впечатление, что убийство произошло в другом месте). Эта версия подтвердилась. Убийцей оказалась соседка убитой. Одним из доказательств явилось заключение экспертизы, которая подтвердила сходство проволоки, изъятой следователем при осмотре, с проволокой, обнаруженной в квартире у обвиняемой.

Хороший пример умелого осмотра места происшествия описывает в своей статье следователь прокуратуры Осипенковского района Запорожской области т. Б. Д. Лопатин. На месте обнаружения трупа изнасилованной и убитой девушки следователь нашел разбросанную вермишель и конфету «Пуншевая» и обратил внимание на то, что в хозяйственной сумке, которую несла девушка, не было ни вермишели, ни конфет этого сорта. Когда у подозреваемого при обыске была обнаружена вермишель и конфеты «Пуншевая», это сыграло большую роль в изобличении преступника.

Обрывки полусгоревших бумаг, обнаруженные на месте происшествия, дали возможность прокурору г. Токмак Фрунзенской области т. А. А. Гордок установить личность убийцы.

Эти примеры показывают, насколько важно не оставлять без внимания при осмотре ни одну деталь, могущую иметь отношение к преступлению.

Нужно помнить и о том, что осмотр места происшествия является действенным методом проверки и оценки разного рода доказательств. В частности, протокол осмотра, как известно, и сам является одним из доказательств и может помочь в правильной оценке показаний обвиняемых или свидетелей; сравнивая их показания с протоколом осмотра, можно установить, правду ли

говорят обвиняемый или свидетель. Следователь должен включать в протокол кажущиеся иногда незначительными детали, которые в последующем могут приобрести важное значение для дела.

Пренебрежение осмотром места происшествия приводит, как правило, к большим осложнениям в расследовании, а иногда и к невозможности раскрыть убийство. Пример безответственного отношения к осмотру места убийства освещен в статье прокурора Следственного управления Прокуратуры СССР т. С. В. Ковалихина и старшего научного сотрудника ВНИИ криминалистики т. Г. И. Кочарова. Результатом плохо проведенного осмотра явилось прекращение дела за необнаружением виновных. Несмотря на ряд принятых впоследствии мер к исправлению допущенных при расследовании по делу ошибок, раскрыть преступление не удалось.

Важную роль в расследовании убийств играет проведение следственного эксперимента.

По делу об убийстве, которое расследовал названный уже нами выше т. С. А. Чобанян, свидетели показывали, будто они со двора видели труп, висевший на чердаке на веревке, что якобы подтверждало версию о самоубийстве. Проведенный т. Чобаняном следственный эксперимент показал, что свидетели с того места, где они находились, не могли видеть трупа, даже если бы он в тот момент действительно висел на веревке.

Так был разоблачен сговор преступников со «свидетелями», организованный в целях инсценировки самоубийства.

Выше мы упоминали дело об убийстве мальчика, которое расследовал т. И. М. Глазов. При расследовании сложилась обоснованная версия, что убийцей мальчика является его мачеха. Однако этой версии противоречили показания сестры убитого, которая, боясь мести со стороны мачехи, заявила, что брата накануне его смерти побили неизвестные мальчики во время катания на санках с горы. Когда следователь, выйдя с девочкой на место, в присутствии понятых предложил ей спуститься на санках с горы в том месте, где она якобы каталась со своим братом, оказалось, что санки проваливаются в глубоком снегу и кататься здесь невозможно. Далее, с того места на горе, где девочка якобы увидела, как ее брата избивают какие-то мальчики, в

действительности этого видно не было, так как это место закрывали сараи.

Этим следственным экспериментом было опровергнуто показание девочки о том, что ее брата будто бы избили мальчики.

По делам об убийствах исключительно важную роль играют экспертизы: судебно-медицинская, судебно-химическая, криминалистическая и другие. Даже кажущиеся для следователя бесспорными факты требуют специального исследования; без заключения эксперта они могут не иметь доказательственной силы.

Поэтому следователь должен, как правило, направлять вещественные доказательства на экспертизу, чтобы помимо своих собственных умозаключений иметь научно обоснованное и процессуально оформленное доказательство.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что во многих случаях следователь не может без заключения эксперта дать правильную оценку происшествия, не может установить характер телесных повреждений, причину смерти и т. д.

Развитие науки в настоящее время позволяет применять экспертизу во многих случаях. В ряде же случаев заключения экспертов решают исход дела.

При обнаружении трупа назначение судебно-медицинской экспертизы (исследование трупа) является обязательным для решения вопросов о причине смерти, о времени наступления смерти, о характере тех или иных повреждений, оказавшихся на трупе, о направлении раны или пулевого канала, о том, каким орудием нанесено ранение, и т. п. Нередко разрешение этих вопросов предопределяет исход расследования дела, а иногда и квалификацию преступления.

Роль судебно-медицинской экспертизы этим не исчерпывается. При наличии подозрения, что убийство женщины связано с ее изнасилованием, обязательно нужно ставить перед экспертизой вопрос о наличии следов изнасилования. При установлении на теле преступника следов борьбы необходимо произвести освидетельствование на предмет установления характера повреждений. При подозрении на отравление надо произвести химическое исследование остатков пищи, подозрительных ве-

ществ, обнаруженных в стакане или в иной посуде, рвотных масс и т. д.

Очень часто на месте обнаружения трупа или на месте происшествия, на одежде потерпевшего, убийцы и на различных предметах следователь может обнаружить следы крови. Для решения вопроса о том, является ли эта кровь человеческой и к какой группе относится, требуется заключение судебно-медицинской экспертизы.

Некоторые следователи (см., например, статью В. Ф. Бухарева) недооценивают значения следов крови для изобличения преступников.

По делам об убийствах и разбое особо важное доказательственное значение имеют различные следы и предметы, обнаруженные на месте происшествия во время производства обыска, на потерпевших, на преступниках и т. д.

Как указывалось, такие вещественные доказательства, как правило, подлежат направлению на исследование соответственно криминалистической, биологической, химической и других экспертиз.

Однако использование следов и предметов для экспертизы осложняется тем, что некоторые из них легко и быстро могут исчезнуть, деформироваться, не говоря уже о возможности умышленного уничтожения их преступниками. Это требует от следователя, с одной стороны, особенной быстроты, активности и наблюдательности при производстве следственных действий (осмотр, обыск и т. д.), направленных на выявление следов и различных предметов, могущих иметь значение по делу, и, с другой,— принятия действенных мер к закреплению следов и изъятию найденных вещественных доказательств.

В особенности важно сохранение следов и предметов, используемых в целях индентификации личности преступника (по пальцевому отпечатку), его обуви (по следу на почве), оружия (по пуле или гильзе) и т. п. Малейшее повреждение таких вещественных доказательств может лишить их доказательственной силы. Как достаточно полное выявление следов и других вещественных доказательств, так и в особенности их сохранение может быть достигнуто лишь при условии правильного применения научно-технических средств.

Дело об убийстве Гнедина, расследование по кото-

рому описано в статье т. А. А. Гордока, показывает, насколько важно для следователя внимательно осматривать и изучать все находящиеся на месте происшествия предметы. Лишь благодаря обнаружению на месте происшествия нескольких клочков разорванных и обгоревших записок была установлена личность убийцы.

По делу об убийстве Вильчаковской (см. статью «Преступление раскрыто через три года после его совершения») следователь т. А. А. Седнева тщательно сохранила вещественные доказательства и путем предъявления их ряду лиц установила принадлежность их Вильчаковской. Это обстоятельство явилось серьезным средством установления личности убитой, что в свою очередь обеспечило успех расследования.

Криминалистическая экспертиза назначается в тех случаях, когда необходимо идентифицировать личность по следам пальцев рук, ног, зубов, когда необходимо установить, кем написаны записки, письма и т. д., или исследовать окурки, табак, пыль и другие вещественные доказательства.

При огнестрельных ранениях следователь должен разыскать и изъять гильзы, пули, пыжи, дробь, а также все то, что может послужить материалом для изготовления боеприпасов (куски металла и т. п.). При этом, если он сам затрудняется определить, из какого оружия произведен выстрел, для выяснения этого вопроса он обязан назначить судебно-баллистическую экспертизу. Заключение эксперта по этому вопросу дает основание для розыска соответствующего оружия. При обнаружении оружия экспертизе должно быть предложено выяснить, не произведены ли выстрелы из данного оружия, исправно ли оно и т. д.

Исследование перечисленных предметов, а также иных предметов, которые могут быть обнаружены на месте происшествия или в других местах, очень ценно для получения квалифицированного, основанного на научных данных, заключения экспертов.

В настоящем сборнике этому вопросу посвящено несколько статей. Так, статья следователя т. С. П. Кушакова представляет большой интерес с точки зрения тщательной подготовки следователем материалов для экспертизы, правильного и своевременного проведения различных экспертиз.

Следователи часто назначают дактилоскопическую экспертизу для установления личности по следам пальцев рук. В связи с этим следует подчеркнуть, что для того, чтобы не портить следы пальцевых отпечатков, необходимо по возможности осторожно изымать самый предмет со следами и направлять его на экспертизу вместе с дактилоскопической картой пальцевых отпечатков тех лиц, чьи следы могли быть оставлены на этих предметах.

В некоторых случаях следователи поступают неправильно, когда не направляют предметы с различными следами, пленки с пальцевыми отпечатками и т. п. на экспертизу по той причине, что имеющихся доказательств якобы достаточно, а направление материалов на экспертизу задержит следствие на длительный период.

При этом следователи забывают, что нельзя ограничиваться одним или двумя доказательствами. Для полноты и подкрепления имеющихся доказательств необходимо собирать и другие доказательства. Поэтому неправ был т. В. Ф. Бухарев, решивший не производить криминалистической экспертизы для установления принадлежности следов, оставленных на месте происшествия обвиняемым Сутунковым, только потому, что доказательств, его изобличающих, было достаточно. То же самое следует сказать о т. П. А. Казмируке, который решил не назначать экспертизу только потому, что им было получено признание обвиняемого в совершении убийства.

В статьях тт. Н. Т. Кюбчан, В. Ф. Бухарева, А. А. Гордока, А. П. Костенко и И. П. Меденцова приводятся положительные примеры совместной работы следователей прокуратуры и работников милиции. Помогая следователям, работники милиции устанавливали данные о личности заподозренных, о месте их проживания, связях и т. д., проверяли заявления обвиняемых об их алиби, выясняли круг лиц, могущих быть свидетелями по делу, организовывали наблюдение, производили задержания и т. д.

Надо, чтобы все следователи твердо усвоили этот порядок взаимоотношений с органами милиции при расследовании дел об убийствах, разбое и бандитизме.

В заключение надо сказать о вопросах уголовного права по делам об убийствах. Правильная юридическая квалификация убийства—

одно из важнейших условий успешной борьбы с этим видом преступлений.

Убийство может быть совершено при бандитском или разбойном нападении, на «бытовой» почве по различным мотивам, по неосторожности и т. д. Наиболее опасными являются бандитские и разбойные нападения, за которые предусмотрены законом более суровые наказания. Следователь должен уметь распознать их. Весьма часто следователи квалифицируют как убийства с корыстной целью (ст. 136 «а» УК РСФСР) случаи разбойных нападений, подлежащих квалификации по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Ошибки эти коренятся в неправильном убеждении, что разбой может иметь место только в какой-то особой обстановке (нападение на дороге, в лесу, налет на квартиру и т. п.). Между тем из Указа от 4 июня 1947 г. вытекает, что всякое нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой насилием, является разбоем, хотя бы это нападение имело место в домашней обстановке и нападающим лицом был проживавший в этом же доме знакомый или родственник.

Правильно поступила следователь т. Н. Т. Кюбчан, квалифицировав как разбой по ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. убийство двух братьев Гурьевых их третьим братом с целью хищения имущества. В таких случаях нет необходимости предъявлять еще обвинение и по ст. 136 «а» УК РСФСР.

Между тем еще не все следователи правильно квалифицируют такие случаи. Например, т. Казмирук (и народный суд) неправильно квалифицировал убийство Городецкой по ч. 2 ст. 2. Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и ст. 138 «а» УК УССР [1], в то время как преступление, совершенное Любаром, необходимо было квалифицировать только по названной статье Указа от 4 июня 1947 г.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1952 г. в тех случаях, когда разбой связан с убийством, следует ограничиваться квалифика-

[1] Соответствует ст. 136 «а» УК РСФСР.

цией по ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Следует также иметь в виду, что согласно тому же постановлению Пленума Верховного суда СССР хищение имущества, совершенное при обстоятельствах, указанных в ст. 59^3 УК РСФСР, должно квалифицироваться по совокупности по ст. 59^3 УК РСФСР и соответствующим статьям Указа от 4 июня 1947 г. Поэтому правильной была квалификация следователем т. Бухаревым убийства Булыгиных по ст. 59^3 УК РСФСР и ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. В этом случае убийство двух человек совершила группа из четырех человек, вооруженных топорами, ломом и финским ножом. Бандиты совершили налет путем взлома крыши дома, где проживали потерпевшие.

Такой же пример правильной квалификации убийства по ст. 59^3 УК РСФСР содержится в статье т. С. П. Кунакова.

*
* *

Задача решительного усиления борьбы с преступлениями против личности и особенно с посягательствами на жизнь человека должна быть решена в самое ближайшее время. Сознанием этого должен проникнуться каждый прокурор, каждый следователь, памятуя о том, что важнейшим условием успешного решения этой задачи является прежде всего высокий уровень его собственной практической работы по раскрытию и расследованию преступлений этой категории.

Будем надеяться, что статьи настоящего сборника, написанные нашими следователями, будут полезны всем прокурорско-следственным работникам, обогатят их опыт и подскажут им, как надо действовать в необходимых случаях.

Помощник прокурора
Ухтинского района
Коми АССР
младший юрист
Б. Д. ГАНКИН

РОЛЬ ОПЕРАТИВНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА

21 июня мне стало известно, что в окрестностях поселка Южного, примерно в 7 км от Вой-Вожа, неизвестным преступником было совершено изнасилование и убийство 15-летней девочки — Раи Великжаниновой.

Вызвав судебно-медицинского эксперта, я немедленно выехал в район совершения преступления.

В поселковом отделении милиции об обстоятельствах преступления мне сообщили следующее:

20 июня в 12 часов дня Рая Великжанинова, приехавшая погостить к сестре, пошла искать пропавших коз. Вместе с Раей пошла соседка Великжаниновых — Оля Виговская с девятилетним мальчиком Витей.

Виговская свою козу нашла быстро и сразу же вернулась домой. Рая же с Витей продолжали поиски. Вскоре Витя отстал от Раи и потерял ее из виду.

Около четырех часов дня сестра Раи — Елена Великжанинова, обеспокоенная ее долгим отсутствием, направилась на поиски Раи, но нигде не смогла ее найти. Тогда она обратилась за помощью к командиру взвода военизированной охраны, расположенной в поселке.

Присутствовавший при разговоре Великжаниновой с командиром взвода стрелок Андреев сообщил, что днем, стоя на посту, он слышал из леса крик. Выразив опасение за жизнь девочки, он вызвался пойти на поиски ее. С разрешения командира взвода вместе с другими бойцами Андреев направился в лес. Вскоре было получено сообщение об обнаружении трупа Раи Великжаниновой.

Милиция перевезла труп в межрайонную больницу, в 22 км от Вой-Вожа.

Мне нужно было решить, что следует предпринять прежде всего — ехать ли с судебно-медицинским экспертом на осмотр и вскрытие трупа или начать осмотр места происшествия. И то и другое действие при расследовании убийств является первоначальным и необходимым. Однако в данном случае немедленное производство одного из этих действий отодвигало возможность производства другого на несколько часов.

Что я знал о преступлении? Пока еще очень мало. Ни причина смерти, ни способ совершения убийства, если это было убийство, ни орудие преступления, ни время наступления смерти установлены не были. Эти обстоятельства могли быть выяснены лишь при осмотре трупа и после его вскрытия. Не располагая сведениями о перечисленных обстоятельствах, я не мог правильно ориентироваться при оценке значения тех или иных деталей обстановки места происшествия, не мог с исчерпывающей полнотой собрать вещественные доказательства.

Таковы были соображения, заставившие меня начать расследование с производства осмотра трупа и изучения материалов его вскрытия судебно-медицинским экспертом.

Приняв меры к охране места происшествия, мы с судебно-медицинским экспертом выехали в поселок Крутая, где находилась межрайонная больница. Туда мы прибыли около 12 часов ночи и, пользуясь тем, что освещение в морге было очень хорошее, немедленно приступили к наружному осмотру трупа.

При этом были установлены следующие факты:

а) На лице, шее, руках и других частях тела убитой имеется множество царапин, кровоподтеков и кровяных пятен.

б) Девственная плева нарушена; время нарушения ее совпадало со временем смерти.

в) По шее трупа проходит ярко выраженная странгуляционная борозда, имеющая своеобразное строение: на широкой полосе, образованной, вероятно, жгутом мягкой ткани, выделяется более глубокий и узкий след буровато-красного цвета, который мог быть оставлен тонкой бечевкой или проволокой.

Платье и белье убитой имели много разрывов, свидетельствовавших о сопротивлении, оказанном жертвой преступнику.

На основании данных вскрытия судебно-медицинский эксперт дал заключение, что смерть наступила от асфиксии около суток назад.

Вскрытие трупа было закончено в 4 часа утра 22 июня, после чего я сразу же выехал на место происшествия.

Прежде всего я убедился, что в результате охраны места происшествия, порученной мною работникам милиции, туда не был допущен ни один человек.

Ясная безветреная погода также позволяла рассчитывать, что особых изменений в обстановке места происшествия за мое отсутствие не произошло.

При осмотре места происшествия мне предстояло, в частности, учитывать лишь те изменения, которые были вызваны действиями работников милиции при отправлении трупа в морг. Представление об этих действиях я получил из доклада оперуполномоченного милиции, а также из изучения составленного им акта.

Вместе с тем от оперуполномоченного я получил подробную информацию о том, в каком состоянии застали труп работники милиции, первыми прибывшие на место происшествия.

Собранные таким путем сведения об обнаружении трупа сводились к следующему.

Труп убитой девочки был найден спрятанным в куче сухих листьев и хвороста в лесу в стороне от дороги и жилых строений. Труп лежал на спине, руки были вытянуты и почти вплотную прижаты к телу. Шея трупа была в два ряда обмотана тонкой пеньковой веревкой, концы которой завязывались на нижней части ствола молодой березки таким образом, что голова трупа не-

сколько приподнималась от земли и была повернута влево.

Осматривая место обнаружения трупа, я нашел на земле только пеньковую веревку, о которой мне говорил оперуполномоченный. Никаких других предметов или следов там не было. Это показалось мне несколько странным. Состояние трупа убитой, как я уже указывал, свидетельствовало о борьбе, происходившей между преступником и потерпевшей. Какие-то следы этой борьбы должны были сохраниться на окружающей обстановке. Однако как внимательно ни изучал я место обнаружения трупа, ничего похожего на такие следы мною найдено не было. Это обстоятельство навело меня на мысль о том, что убийство было совершено где-то в другом месте и труп был перенесен сюда в целях сокрытия преступления.

Осмотр окружающей местности убедил меня в правильности такого вывода. На одном из участков дороги, в 20 метрах от места обнаружения трупа, лежал белый головной платок, скрученный жгутом.

Обнаружение платка делало для меня понятной еще одну деталь в способе совершения убийства. Если происхождение тонкой полосы в странгуляционной борозде, на которую я обратил внимание при осмотре трупа, стало для меня ясным еще при осмотре пеньковой веревки, то теперь я знал также, каким предметом была образована основная широкая полоса странгуляционной борозды. Ширина жгута давала основание думать, что девочка была задушена найденным мною платком.

Тут же, поблизости от обнаруженного мною платка, в глине был виден след человеческой ноги. Детали следа были мало различимы, но, несмотря на это, при его исследовании мне удалось установить два обстоятельства, имеющие существенное значение. Отсутствие в следе переднего среза каблука и нечеткая линия очертания подошвы следа говорили о том, что след, по всей вероятности, был оставлен человеком, обутым в тапочки. Размер следа позволял предполагать, что человек, оставивший след, отличался очень большим ростом.

Становилось очевидным, что преступление было совершено здесь, но поскольку труп не мог долгое время

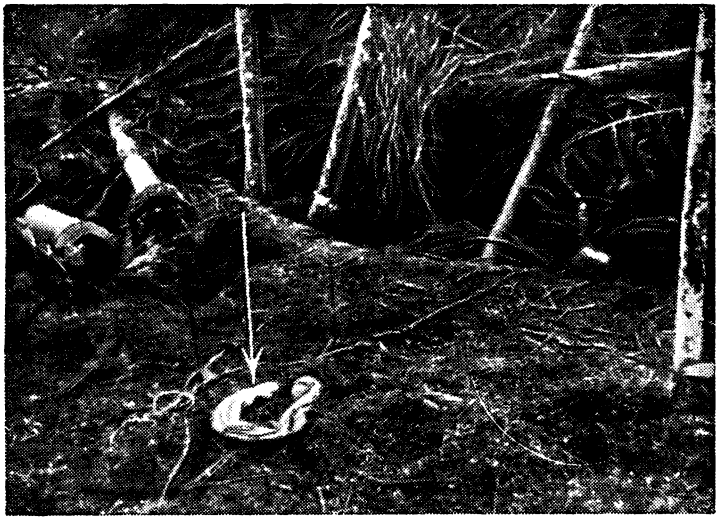

Фото № 2 Место убийства Великжаниновой.
Стрелкой показан платок, которым девочка была задушена.

Фото № 3. Место обнаружения трупа Великжаниновой.
Стрелкой показано дерево, к которому был привязан труп.

оставаться необнаруженным на дороге, а убийца, видимо, был заинтересован, чтобы о преступлении узнали как можно позже, он отнес его в чащу леса и завалил сухим хворостом и листьями.

В процессе осмотра я сделал панорамный снимок общего вида места происшествия (см. фото № 1, вклейка). Место убийства и место обнаружения

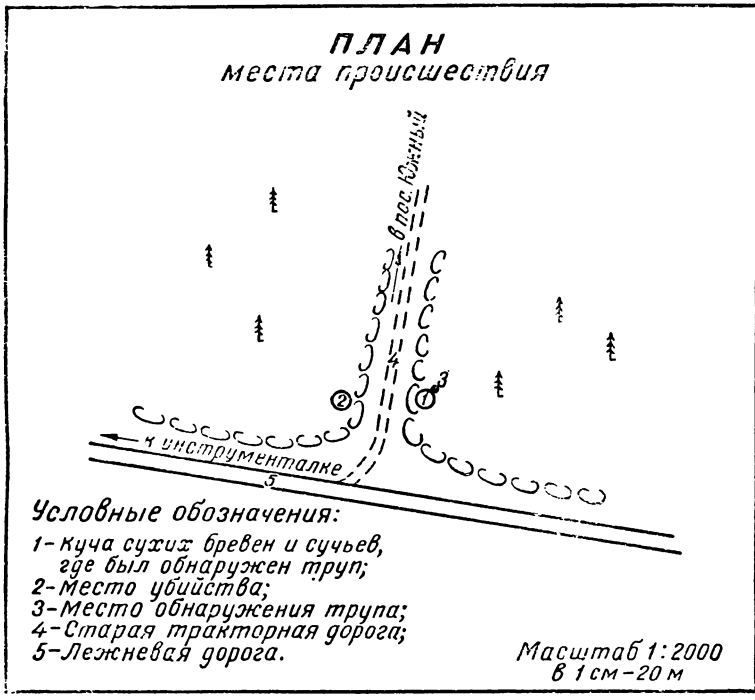

Фото № 4. План места происшествия.

трупа были сфотографированы мною более крупным планом (см. фото №№ 2 и 3).

Учитывая, что в ходе дальнейшего расследования точность фиксации взаиморасположения места происшествия и всех ближайших населенных пунктов, предприятий и построек может сыграть решающее значение, я не ограничился фотосъемкой, а составил также подробный план окружающей местности (см. фото № 4).

Веревку и платок, служившие в данном деле орудиями совершения преступления, я изъял в качестве вещественных доказательств, предварительно сфотографировав их в сочетании с окружающей обстановкой, а затем каждое в отдельности. След ноги тоже был сфотографирован с применением масштабной линейки (см. фото № 5). Снять слепок

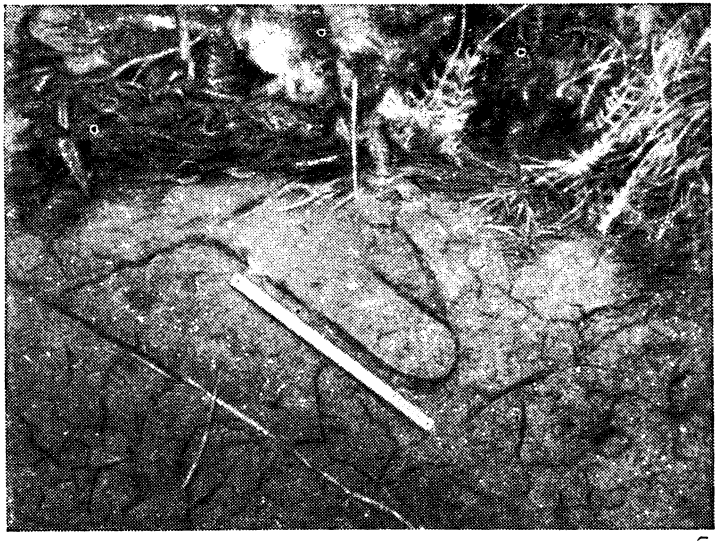

Фото № 5. След обуви, обнаруженный на месте убийства.

со следа, к сожалению, не представилось возможным из-за отсутствия у меня гипса.

Закончив осмотр, я приступил к допросу свидетелей.

Начал я допрос со стрелков военизированной охраны, которые первые обнаружили труп. От них я подробно узнал обо всех обстоятельствах поисков и обнаружения трупа. При этом выяснился интересный факт: все стрелки главную роль в поисках отводили Андрееву. В частности, бросалось в глаза то, что Андреев почти по прямому пути привел стрелков к месту убийства, первым обратил их внимание на кучу хвороста, прикрывавшую труп, и предложил разобрать ее.

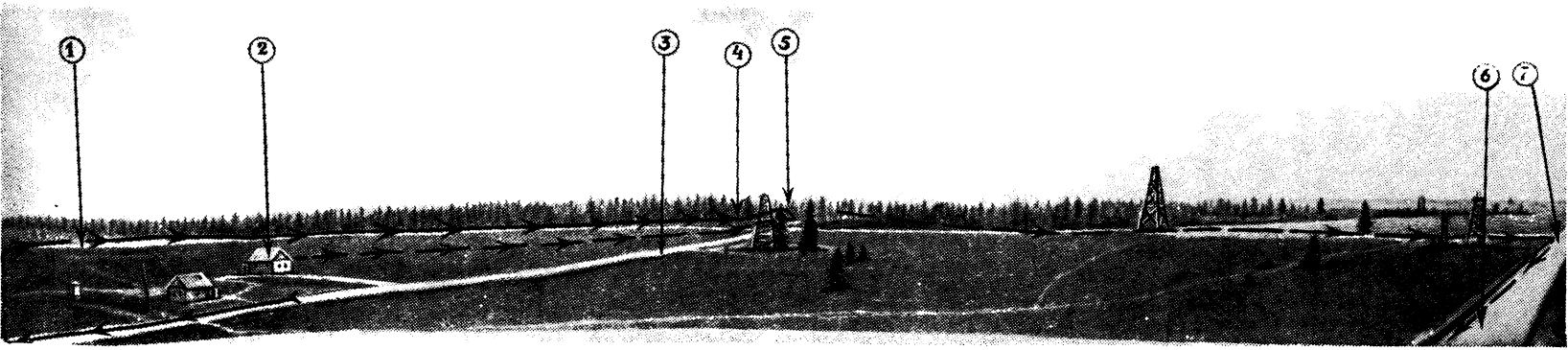

Фото № 1. Панорама местности.

1. Место, где Белковский увидел Величжанинову. 2. Домик, в котором жил Белковский. 3. Лежневая дорога. 4. Просека по которой Белковский следовал за Великжаниновой. 5. Место, убийства и обнаружения трупа. 6. Гравийная дорога для автотранспорта. 7. Место, где Белковский вышел на гравийную дорогу после убийства.

————— путь Великжаниновой

– – – – – путь Белковского

Сам же Андреев на допросе объяснил, что найти труп относительно быстро ему помогло то, что он хорошо запомнил направление услышанного им крика и ориентировался этим при поисках девочки. Очевидно, что в первую очередь путем следственного эксперимента надо было проверить, мог ли Андреев слышать крик Раи, находясь на своем посту, т. е. в 500 м от нее.

Следует отметить, что при производстве эксперимента я вначале допустил серьезную ошибку, которая чуть было не направила меня по ложному пути. Я не учел, что на слышимость звука влияет не только расстояние и характер местности, но также сила и направление ветра.

Результат первого эксперимента был отрицательным: крик с места происшествия не был слышен людям, стоявшим на посту Андреева, даже если кричавший поворачивался к ним лицом. Получалось, что заявление Андреева было вымышленным. Из этого напрашивался вывод, что быстрое обнаружение трупа Раи Андреевым объяснялось тем, что ему уже раньше из каких-то источников было известно о месте сокрытия трупа. Не исключено было, что эта осведомленность была связана с участием в преступлении самого Андреева.

Понимая всю серьезность такого вывода, я еще и еще раз возвращался к мысли о возможности ошибки при проведении следственного эксперимента. Достаточно ли точно я воспроизвел все условия, при которых, по словам Андреева, им был услышан крик? Вот тут-то я и вспомнил о влиянии на слышимость звука направления ветра. Немедленно мною была запрошена метеорологическая станция по вопросу о том, каковы были направление и сила ветра 20 июня в период между 13 и 15 часами. Установив, что направление и сила ветра были в это время иными, чем в момент производства мною первого эксперимента, я решил повторить его в новых условиях.

При повторном эксперименте оказалось, что, несмотря на лесистый характер местности, крик на посту хорошо слышен и, следовательно, объяснения Андреева вполне правдоподобны.

Оговорюсь, однако, что, не ограничиваясь этим, я путем допроса стрелков, служивших в одном взводе с Андреевым, установил, что в период времени между

13 и 15 часами Андреев с поста не отлучался. Таким образом, мое первоначальное предположение о причастности Андреева к совершению преступления было полностью опровергнуто.

В числе первых свидетелей мною была допрошена сестра убитой — Елена Великжанинова, от которой я рассчитывал узнать подробности об образе жизни Раи, о круге ее знакомых, о некоторых обстоятельствах, предшествовавших убийству. Эти сведения были необходимы для того, чтобы установить возможность совершения преступления кем-либо из лиц, знавших Раю. На мысль о возможности совершения преступления лицом, известным убитой, меня невольно наводил способ его совершения, отразивший, на мой взгляд, боязнь преступника оставить девочку живой.

Однако, как выяснилось в результате допроса Е. Великжаниновой, мои догадки оказались преждевременными. По ее словам, Рая приехала к ней от матери всего лишь за четыре дня до случившегося. Из дома она за это время почти никуда не выходила, так как должна была смотреть за грудным ребенком Елены, пока Елена с мужем были на работе. Никаких знакомых, кроме соседки — Оли Виговской, у Раи не было. 20 июня, пользуясь тем, что Елена осталась дома, Рая попросила у нее разрешения пойти с Олей и Витей в лес поискать козу, которую обычно пригонял кто-нибудь из соседей. Елена позволила и ждала ее часов до четырех. К этому времени Оля и Витя вернулись домой. Беспокоясь, что Рая может заблудиться в лесу, Елена пошла ее разыскивать. После трех часов бесплодных поисков Елена вернулась домой и вызвала с работы мужа, который посоветовал ей обратиться к командиру взвода военизированной охраны с просьбой выделить людей для розыска пропавшей девочки. Бойцом Андреевым Рая была найдена мертвой.

Таким образом, факты, сообщенные Е. Великжаниновой, почти полностью исключали возможность совершения преступления лицом, хорошо знавшим Раю. Оставалось предположить, что убийство было вызвано тем, что преступник жил где-то поблизости и боялся быть опознанным Раей, возможно, видевшей его раньше.

Дальнейшее расследование я вел одновременно по нескольким направлениям. Допросом свидетелей я уста-

новил путь, по которому Рая шла от дома к месту, где на нее напал преступник. При этом особое внимание я обращал на людей, встречавшихся Рае и говоривших с нею перед убийством. Одновременно с этим я выяснял, кого из мужчин видели в эти часы в районе совершения преступления.

В ходе установления перечисленных обстоятельств у меня сложилось несколько версий в отношении личности преступника.

Из показаний ряда рабочих мне стало известно, что в 11 часов утра 20 июня грузчики Конев и Королев погрузили на тракторный прицеп трубы, лежавшие недалеко от места происшествия, и уехали по направлению к буровой скважине. Через 2,5 км трактор застрял в болоте. Увидев, что трактор вытащить не удается, грузчики оставили его и около 12 час. 30 мин. дня направились к промыслу Южный, расположенному в 3 км от болота. Путь их лежал мимо места, где было совершено преступление. К промыслу Королев и Конев прибыли в 3 часа дня. Значит, расстояние в 3 км они прошли за 2,5 часа. Допросив лиц, видавших Королева и Конева после их прихода, я узнал, что грузчики отмывали одежду и руки бензином и соляром.

Собрав сведения об их биографиях, я выяснил, что Королев был ранее судим за изнасилование.

Показания Королева и Конева о пути следования к промыслу были противоречивы и сбивчивы. Оба категорически отрицали факт чистки одежды в этот день.

Кроме того, я заподозрил в совершении убийства также монтера электроцеха Вердынского, уже однажды судившегося. По заявлению свидетельницы Подзываловой, Вердынский неоднократно предпринимал попытки изнасиловать ее. При опросе Вердынский заявил, что 20 июня он целый день не отлучался из цеха. Однако работавшие с Вердынским рабочие заявили, что именно 20 июня Вердынский ушел из цеха в 12 часов дня и явился на работу только вечером.

Серьезные основания для подозрения в совершении преступления были у меня и в отношении Белковского — одного из пяти рабочих, проживавших в домике, ближе других построек расположенном к месту совершения преступления. Как было установлено еще в начале

следствия, к этому домику Рая подходила и расспрашивала, не видел ли кто-нибудь ее козу. Белковский был в числе рабочих, которые видели девочку и разговаривали с ней.

Большой интерес представляло в этом смысле показание хозяйки домика о том, что Белковский после ухода девочки некоторое время смотрел ей вслед, а когда она скрылась из виду, сразу же ушел из дома. В каком направлении ушел Белковский, хозяйка не заметила.

Описывая внешность Белковского, хозяйка домика указала на два существенных признака, приводивших меня к мысли, что след, который я обнаружил на месте преступления, мог оставить Белковский. Белковский отличался очень высоким ростом и атлетическим телосложением. Белковский носил почти всегда сапоги, но дня за три до происшествия хозяйка домика сама отнесла его сапоги в починку и поэтому Белковский ходил в тапочках.

Таковы были основания для трех главных версий, возникших при расследовании данного дела после производства неотложных следственных действий: осмотра трупа, осмотра места происшествия и первоочередных допросов свидетелей.

Хорошо понимая значение времени при расследовании дел об убийстве, я работал все эти дни с огромным напряжением. В результате этого все перечисленные мероприятия, позволившие мне наметить версии на основе вполне конкретного материала, я осуществил за три дня.

Дальнейшее расследование я организовал, исходя из необходимости одновременной проверки всех трех версий. Первоначально я проводил такие следственные действия, которые позволяли установить наиболее существенные обстоятельства, касающиеся всех четырех предполагаемых виновных.

В результате целой серии проведенных мною допросов, очных ставок и других следственных действий одна за другой отпадали улики против Конева, Королева и Вердынского и все больше уличающих доказательств собиралось в отношении Белковского. Отмечу, кстати, что наряду с другими получил свое объяснение и факт нахождения на месте происшествия пеньковой веревки. По словам свидетелей, веревку Рая нашла на дороге

и взяла ее с собой, собираясь на обратном пути вести с помощью этой веревки козу.

В отношении Белковского были собраны следующие дополнительные сведения. Один из рабочих, Григорьев, хорошо знавший Белковского, рассказал при допросе, что 20 июня около 2 часов дня он должен был ехать в контору за разнарядкой. Стоя на автомобильном тракте в ожидании попутной машины, Григорьев видел, что от перекрестка тракторной и гравийной дорог, где произошло убийство, быстро бежал Белковский. В разговор с Белковским Григорьев не вступил, но обратил внимание, что лицо у Белковского было как будто очень взволнованное и расстроенное. Пробежав мимо Григорьева, Белковский свернул с дороги к своему общежитию и скрылся из виду.

Через несколько минут Григорьев вновь увидел Белковского, идущего по направлению к нему с вещами. Григорьев с удивлением заметил, что за такое короткое время Белковский успел переодеться. Когда он бежал к общежитию, на нем была красная майка, серые брюки и тапочки. Теперь же Белковский стоял перед ним одетый в клетчатую рубашку, черные брюки и ботинки. Григорьев спросил у Белковского, куда он едет и почему так торопится. Белковский ответил, что его бригада переехала еще вчера на новую буровую скважину и он едет туда же на попутной машине. Вскоре после этого подошла машина, направлявшаяся к названной буровой скважине, и Белковский уехал.

В тот же день я выехал в поселок Кине-Иоль по месту нахождения новой буровой скважины для допроса и освидетельствования Белковского.

При судебно-медицинском освидетельствовании на лице и теле Белковского было обнаружено несколько царапин. На мое предложение объяснить их происхождение Белковский заявил, что эти царапины он мог причинить себе накануне при колке дров. Между тем, по заключению врача, давность нанесения этих царапин была не менее пяти дней, и, следовательно, совпадала со временем совершения преступления.

При допросе Белковский вел себя очень спокойно. На все вопросы, связанные с фактом совершения преступления, он давал довольно убедительные, заранее обдуман-

ные ответы, содержание которых должно было свидетельствовать не только о полной его непричастности к совершению преступления, но и полной неосведомленности о нем.

Когда я спросил, где он находился и что делал 20 июня, Белковский рассказал, что утром он был на работе, а минут десять первого пошел к своему товарищу Лабаю в поселок Семерка, отстоящий от общежития примерно на 1 км. Узнав, что Лабая нет дома, Белковский, по его словам, вернулся к себе, собрал вещи и вслед за своей бригадой уехал на новую буровую скважину.

Немедленная проверка фактов, сообщенных Белковским, показала, что они все верны, за исключением... посещения Лабая. 20 июня Лабай и его жена весь день были дома, но оба утверждали, что Белковский к ним в этот день не заходил.

Попытка скрыть, чем он занимался с 12 до 14 часов, т. е. в период, когда было совершено преступление и когда свидетели видели его вблизи от места убийства, еще больше укрепила мое предположение о виновности Белковского.

Вскоре это предположение получило еще одно серьезное подтверждение. В процессе следствия Белковский упорно убеждал меня, что в день убийства он с утра и до вечера был одет в черные брюки, клетчатую рубашку и ботинки. Это расходилось с показаниями свидетелей, видевших Белковского в первую половину дня в красной майке, серых брюках и тапочках. Настойчивость Белковского в отрицании этого факта показала, что сам он придает ему большое значение, очевидно, в связи с наличием на указанных предметах одежды следов преступления, которые он не успел уничтожить. Выдать красную майку и серые брюки Белковский отказался. Не найдены были они и при обыске на его квартире в Кине-Иоле среди принадлежавших ему вещей.

Вспомнив рассказ рабочего Григорьева о необычайно поспешном переодевании Белковского перед отъездом, я заключил, что последний мог из предосторожности спрятать запачканные кровью предметы на старой квартире в Вой-Воже или сдать их кому-нибудь на хранение.

Чтобы проверить это, я поехал в Вой-Вож. Из беседы с рабочими, жителями домика, я узнал, что перед отъездом Белковский попросил своего знакомого Серкова, жившего в одной комнате с ним, спрятать куда-нибудь сверток с одеждой, мотивируя это тем, что его вещи уже упакованы и он очень спешит. Сверток с вещами был тут же мне передан. Развернув его, я увидел в нем серые брюки, синие трусы и красную майку. Тут же были тапочки Белковского, подошва которых по размеру и форме напоминала след, оставленный преступником на месте убийства. На подошве тапочек сохранились еще частицы засохшей глины.

При внимательном осмотре предметов одежды я обнаружил на майке и трусах темные пятна. Исследование этих пятен с помощью перекиси водорода показало, что они образованы веществом органического происхождения[1].

Для точного разрешения вопроса, являются ли эти пятна кровяными и если являются, то кровью какой группы они образованы, я собирался назначить судебно-медицинскую экспертизу. В связи с этим утром 27 июня Белковский был направлен мною в лабораторию для определения группы его крови. Надзиратель Федоров, следовавший с ним, в пути обратился к нему с вопросом, как же он мог убить девочку. Белковский раздраженно ответил ему: «Вот взял и убил, а тебе какое дело!»

Сообщение Федорова я оформил как свидетельское показание и еще раз решил допросить Белковского.

Тщательно подготовившись к допросу, я изложил обвиняемому все установленные мною косвенные доказательства таким образом, что они ясно рисовали картину преступления и последующих действий обвиняемого.

Белковский внимательно выслушал меня и после некоторого колебания заявил, что он признает себя виновным и готов давать правдивые показания.

---

[1] По поводу допустимости использования перекиси водорода при обнаружении следов крови рекомендуем читателям ознакомиться со статьей на эту тему В. И. Гомилова, опубликованной в сборнике четвертом «Советская криминалистика на службе следствия» (стр. 121—126). — Ред.

Подробный рассказ Белковского об обстоятельствах совершенного им преступления подтвердил большинство из тех предположений, которые делались мною на основании анализа и сопоставления улик, устанавливавшихся в процессе расследования.

Признание обвиняемого в совершении преступления было проверено путем допроса его на месте происшествия.

Белковскому было предложено в присутствии понятых показать путь, по которому он шел за Великжаниновой, место, где он изнасиловал и убил девочку, место, куда он спрятал труп, дерево, к которому он привязал за шею тело девочки, маршрут, по которому он уходил с места преступления.

Все места, указанные Белковским, точно совпадали с соответствующими пунктами, зафиксированными на фотоснимках места происшествия и на плане, составленном в начале следствия. В целях фиксации этого обстоятельства отмеченные Белковским места фотографировались мною.

Считая, что собранные по делу доказательства достаточно убедительны для признания виновности Белковского, я передал дело в областной суд, который приговорил обвиняемого по совокупности по ст. 136 «г» УК РСФСР и по ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к 20 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Расследование по этому делу было закончено в семь дней.

Прокурор Кировского района
Курганской области
юрист 3-го класса
В. Ф. БУХАРЕВ

УТОЧНЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ СПОСОБСТВОВАЛО ИЗОБЛИЧЕНИЮ ПРЕСТУПНИКОВ

В период моей работы народным следователем Шадринского района Курганской области мною было расследовано дело об убийстве семьи Булыгиных, представляющие интерес с точки зрения собирания доказательств и быстроты раскрытия преступления.

2 марта 1952 г. около 4 часов ночи из Шадринского отделения милиции поступило телефонное сообщение о том, что в деревне Выселки совершено убийство конюха школы механизации Булыгина и его жены, а их дом подожжен.

В связи с этим сообщением я, взяв с собой следственный чемодан, совместно с прокурором района и оперативным сотрудником милиции выехал на место происшествия.

По прибытии туда мы установили, что жена Булыгина после нападения преступников, несмотря на то, что ей были нанесены тяжкие телесные повреждения, сумела подняться, взять ведро с водой, ликвидировать огонь, выползти на улицу и поднять тревогу. Преступники к этому времени уже скрылись.

К нашему прибытию Булыгина находилась у соседей. Что-либо рассказать вследствие тяжелого состояния она не могла. Я принял меры к оказанию ей первой медицинской помощи и к отправке ее в больницу.

После этого мы приступили к осмотру места происшествия. В связи с тем, что было совсем темно, осмотр пришлось производить при свете керосиновой лампы, взятой у соседей Булыгиных. Откладывать осмотр до рассвета мы не стали, так как на месте происшествия могли быть вещественные доказательства, которые способствовали бы немедленному задержанию преступников.

Квартира Булыгиных состояла из комнаты и кухни. У входной двери в сенях стояла небольшая лестница.

Посреди кухни на полу лежал труп Булыгина, который был обсыпан соломой и перьями из матраца и подушек.

На голове трупа справа имелись две прямолинейные кожномышечные раны длиной до 4—6 см с ушибленными краями. На грудной клетке сзади, в области плечевого сустава, имелись очаги ожогов размером 17 см × 20 см и 10 см × 13 см, без покраснений вокруг, с участками обугливания. Живот был вздут, правая нога обуглена, мышцы стопы, голени и бедра до верхней трети отсутствовали и сохранилась только часть большой берцовой кости. Левое бедро и голень также оказались обугленными.

Несмотря на то, что вокруг трупа имелись солома и перья, огонь распространения не получил.

Возле трупа в соломе, вытрясенной преступниками из матрацной наволочки, я нашел тряпку с завернутыми в нее деньгами, которых при подсчете оказалось 3526 руб.

На полу валялся пустой чемодан. В левом переднем углу кухни стоял ящик с пшеницей, лапшой и огородными семенами, причем все содержимое ящика было перемешано. Между ящиком и головой трупа лежал топор, на котором имелись пятна крови. На столе, стоявшем около окна, в беспорядке были разбросаны книги и лежал опрокинутый резервуар лампы без стекла и горелки и без керосина.

В кухне перед дверью, соединяющей кухню с жилой комнатой, был люк в подполье. Крышка от люка ле-

жала в подполье. На крышке были обнаружены следы крови и отпечатки рисунка подошвы резиновой галоши. На русской печи на высоте человеческого роста имелись брызги крови. Такие же брызги я обнаружил и на стене на высоте 50 см.

В комнате был полный беспорядок, все вещи были раскиданы. Посреди комнаты лежал второй раскрытый пустой чемодан. На полу валялись солома и перья. Под перьями виднелась лужа крови. Левая от входа стена тоже была испачкана кровью.

Входная дверь в чулан была открыта, и у входа в него стояла пустая банка из-под керосина, который, по всей видимости, преступники использовали для поджога.

От крыши каким-то острогранным предметом преступники оторвали доску. В сенях мы нашли ломик, на котором виднелись пятна крови. На косяке двери были хорошо заметны мазки крови.

Я принял меры к обнаружению галош, предполагая, что их следы на крышке люка от подполья могли оставить Булыгины. Галоши, однако, в доме обнаружены не были.

С места происшествия я изъял топор, лом и указанную крышку люка.

На месте происшествия мною были составлены планы расположения деревни Выселки и квартиры Булыгиных, которые я приобщил к протоколу осмотра места происшествия.

Отмечу, что деревня Выселки состоит всего из четырех домов, расположенных на берегу реки Исеть, на расстоянии 1,5 км от ближайшего населенного пункта.

Придя в себя, Булыгина в больнице дала следующие показания.

В доме она проживала совместно с мужем. Недавно к ним перешел на временное жительство их внук Михаил, 1933 года рождения, который учился в школе механизации. Обычно по субботам он уходил в соседнюю деревню, где проживали его родители.

2 марта 1952 г. в ночь с субботы на воскресенье она и ее муж проснулись в тот момент, когда преступники ворвались в комнату и, схватив их за руки, потащили с кровати. Так как она и ее муж были уже пожилые люди (ей было 78 лет, а ее мужу 81 год), они оказать сопротивление не смогли. Когда преступник тащил ее на пол,

она обратила внимание на то, что грабитель почему-то держал ее одной рукой, а не двумя. Преступники начали требовать у нее и ее мужа денег. Когда же она сказала: «Берите в чемодане», — преступники нанесли ей множество ударов, — чем она не знает. После этого она потеряла сознание и очнулась, когда преступников уже не было в доме.

Я попытался получить от Булыгиной хотя какие-нибудь сведения о внешности преступников. Булыгина сообщить мне по этому поводу ничего не могла, так как в комнате в момент нападения бандитов было очень темно и лиц преступников она рассмотреть не могла. Тогда я попробовал выяснить, не сможет ли Булыгина опознать преступников по голосу, но, как она пояснила, преступники разговаривали шепотом. Ей показалось, что среди голосов один был женский.

По показаниям Булыгиной, у них ни с кем неприязненных отношений не было, о том, что у них есть три с половиной тысячи денег, никто, даже родные, не знали. Домой к ним почти никто не ходил. Кроме 3526 руб., которые были спрятаны в матраце, у них были еще 173 руб. денег и облигации госзайма на сумму 275 руб., находившиеся в чемодане, которые при осмотре обнаружены не были.

17 марта 1952 г. Булыгина от полученных ран скончалась.

На основании данных осмотра и показаний Булыгиной я выдвинул две версии.

Первая: убийство Булыгиной с целью ограбления совершил с какими-либо соучастниками внук Булыгиных — Михаил.

Вторая: убийство семьи Булыгиных было совершено с целью ограбления неизвестными лицами. На то, что убийство было совершено с целью ограбления, указывали беспорядок в квартире, отсутствие 173 руб. денег и облигаций госзайма на сумму 275 руб. То, что преступники не похитили вещей, дало мне основание предположить, что убийство совершили местные жители, которые боялись, что вещи могут быть опознаны при их продаже.

Обе версии я начал проверять одновременно.

Для проверки первой версии было дано задание одному из оперативных работников милиции срочно вы-

ехать в район, где проживали родители Михаила, и установить, был ли он в ночь на 2 марта у них дома, а если нет, то где находился и чем занимался.

В школе механизации, где учился Михаил, я получил о нем характеристику как о прилежном ученике.

Работники милиции выяснили, что Михаил пришел домой 1 марта в 6 час. вечера и ночью 2 марта находился у своего товарища на свадьбе, никуда не отлучаясь.

Таким образом, первая версия о причастности к убийству внука Булыгиных Михаила отпала.

В целях проверки второй версии и выяснения того, кто мог совершить бандитское нападение, мною были допрошены соседи Булыгиных, которые, как я предполагал, могли хорошо знать образ жизни Булыгиных.

Свидетели показали, что Булыгины жили уединенно, к ним никто не ходил, а о наличии у них денег никому не было известно. Однако все предполагали, что деньги у них должны быть.

Эти допросы положительного результата не дали, так как не внесли ясности в вопрос о том, кто же мог совершить нападение на Булыгиных.

Привлекали к себе внимание показания Булыгиной о том, что преступник тащил ее с кровати одной рукой. Предположение о том, что во второй руке у него было оружие, отпадало, ибо, по показаниям Булыгиной, человек, державший ее, сказал шепотом другому: «Ну бей же ее». Поэтому возникло предположение, что у этого преступника не было второй руки, что он инвалид.

Через органы милиции и сельские Советы ближайших к Выселкам деревень были установлены граждане, не имеющие одной руки. Таких оказалось несколько. Также было установлено, кто из этих людей ночью 2 марта не ночевал дома. В результате проверки выяснилось, что некий Прямоносов, не имеющий одной руки, житель деревни Туманово, находящейся в 1,5 км от Выселок, 2 марта не ночевал дома.

Прямоносов, 1932 года рождения, уволившись с работы, длительное время нигде не работал и существовал неизвестно на какие средства.

Заподозрив, что Прямоносов причастен к нападению на Булыгиных, я дал задание милиции подвергнуть его

приводу в прокуратуру. Через несколько часов Прямоносов был доставлен. При обыске у него обнаружили 87 руб. 24 коп. денег и облигаций на 275 руб. (одна — достоинством в 100 руб., а две по 25 руб. — пятого государственного займа восстановления и развития народного хозяйства выпуска 1950 года; одна достоинством в 100 руб. и одна — 25 руб. — государственного займа развития народного хозяйства выпуска 1951 года).

При осмотре одежды Прямоносова на белой нательной рубашке были найдены пятна, по внешнему виду напоминающие кровь. Один рукав рубашки совершенно отсутствовал, причем следы отрыва рукава были свежими, так как волокна материала еще не успели загрязниться и имели цвет, отличный от цвета рубашки. Рубашка была мною изъята и приобщена к делу, а в отношении Прямоносова избрана мера пресечения в порядке ст. 145 УПК РСФСР.

После обыска и осмотра одежды Прямоносова я приступил к его допросу. Прямоносов отрицал свою причастность к убийству, а наличие крови на рубашке объяснил порезом пальца.

На вопрос, откуда у него деньги и облигации, Прямоносов заявил, что облигации принадлежат ему лично, а деньги дала ему на покупку рубашки его сестра Валентина, живущая в деревне Хлызово, где он и ночевал в ночь с 1 на 2 марта.

2 марта в городе Шадринске в ресторане вокзала станции Шадринск были задержаны Сутунков и Виктор Симаков, учинившие дебош.

В милиции, которой в связи с убийством Булыгиных было дано указание обращать внимание на одежду задержанных и смотреть, нет ли на ней пятен крови, одежда Сутункова и Симакова была осмотрена.

На правой половине брюк Сутункова в области колена имелась группа пятен буровато-красноватого цвета, неопределенной формы, размером от 0,5 см × 0,7 см до 1 см × 2 см. На левой половине брюк было найдено пятно буровато-красноватого цвета, продолговатой формы, размером 0,4 см × 1 см.

На валенке с левой ноги имелись шесть пятен буровато-красноватого цвета: два неопределенной формы, размером 0,7 см × 1 см, три округленной формы в виде брызг, расположенных треугольником, размером

0,2 см × 0,3 см, и одно продолговатой формы, размером 0,4 см × 0,3 см.

На валенке с правой ноги осмотром удалось обнаружить на носке и на всем голенище группу пятен в виде брызг округленной формы буровато-красноватого цвета.

На валенках у Сутункова были надеты новые резиновые галоши, на подошве которых имелся отчетливый рисунок. Валенки отдавали запахом керосина. На полупальто Сутункова оказались перья и пух.

Валенки с галошами и брюки были изъяты у Сутункова, а он сам доставлен ко мне в прокуратуру.

В этот момент я сидел за столом и работал. Вдруг я отчетливо услышал произнесенные женским голосом слова: «Можно войти?» Подняв голову, я увидел... мужчину, оказавшегося Сутунковым.

У Сутункова, как я в дальнейшем убедился, был высокий тембр голоса, похожий на женский.

Я не мог не вспомнить показаний погибшей Булыгиной о том, что среди голосов людей, совершивших нападение, был также и женский...

На вопрос, почему на его одежде имеются пятна крови и каким образом его валенки оказались залитыми керосином, Сутунков заявил, что у него из носа шла кровь, которая и закапала его валенки. Что касается керосина, то он попал на валенки в школе механизации, куда он приходил за керосином к своему товарищу Виктору Симакову, работавшему в школе электромонтером. Керосин же необходим был ему для освещения квартиры. Ввиду того, что керосин наливали в бутылку без воронки, он и попал на валенки.

Сутунков был арестован, задерживать же Виктора Симакова не было оснований.

Для проверки показаний Сутункова я допросил его мать и хозяев квартиры, где проживали Сутунковы.

Как мать, так и хозяева квартиры заявили, что в их квартире имеется электрическое освещение и за керосином Сутункова не посылали, так как никто в керосине не нуждался.

Допросом этих же лиц было установлено, что Сутунков в ночь с 1 на 2 марта 1952 г. дома не ночевал.

Путем допроса работников школы механизации удалось установить, что накануне нападения на Булыгиных в школе механизации Сутунков действительно был, но керосина не брал, а некоторое время разговаривал о чем-то со своим другом Виктором Симаковым. После этого Сутунков и Симаков беседовали со стариком Булыгиным, который, как указывалось, работал в этой же школе конюхом.

Я решил установить, были ли знакомы Сутунков и Прямоносов.

Для этого я взял на службе Сутункова личный листок по учету кадров и проверил место рождения Сутункова, а также место его прежнего жительства до приезда в Шадринск.

В результате оказалось, что Сутунков является уроженцем деревни Туманово — той самой, где проживал Прямоносов. Сутунков проживал в этой деревне до 1942 года, после чего переехал в Шадринск.

Для того чтобы установить взаимоотношения, которые существовали между Прямоносовым и Сутунковым, я допросил людей, знавших обоих и бывших в курсе их взаимоотношений.

Эти допросы дали положительный результат. Свидетели показали, что Сутунков, или как его еще называли «Филька», с детских лет дружил с Прямоносовым. После смерти отца в 1942 году Сутунков вместе с матерью переехал на постоянное местожительство в Шадринск. Однако друзья детства попрежнему продолжали видеться, правда, несколько реже.

Недавно Сутунков получил листок временной нетрудоспособности («бюллетень») и во время болезни часто ходил к Прямоносову, с которым проводил целые дни.

Таким образом были установлены знакомство Сутункова с Прямоносовым и их встречи.

Но этого мне было еще недостаточно. Необходимо было установить, насколько правдоподобны показания Прямоносова по поводу найденных у него при обыске облигаций и денег, а также по поводу его местопребывания в ночь на 2 марта.

Ввиду того, что при допросе по вопросу о происхождении денег, обнаруженных при обыске, Прямоносов объяснил, что деньги в сумме 87 руб. были д а н ы е м у в з а и м о о б р а з н о е г о с е с т р о й В а л е н т и н о й,

которая проживала в соседней деревне и у которой он был накануне, я допросил Валентину Прямоносову. Последняя показала, что у нее дома брат не был уже примерно месяца полтора, никаких денег она ему не давала, да и дать не могла, так как не имела их. Отсутствие у нее денег может подтвердить ее квартирная хозяйка Осадчик.

Тогда я вызвал и допросил Осадчик. Она показала, что Прямоносова просила у нее деньги, говоря, что ей нужно кое-что купить. На очной ставке с Прямоносовым его сестра Валентина подтвердила свои показания.

Облигации госзаймов, обнаруженные у Прямоносова, были выпуска 1950 и 1951 гг., и их Прямоносов, по его словам, приобрел по подписке через сельсовет.

В связи с этим я официально просил председателя сельсовета сообщить, подписывался ли Прямоносов на заем, если подписывался, то получил ли облигации.

Председатель сельсовета дал справку, что Прямоносов на государственные займы ни в 1950 ни в 1951 гг. через сельсовет не подписывался.

Принимая во внимание показания Булыгиной, что у нее имелись облигации на 275 руб., а также и то, что Прямоносов своих облигаций не имел, обнаружение при обыске у Прямоносова облигаций усилило подозрение о том, что они принадлежали семье Булыгиных и были у них похищены в ночь на 2 марта.

Для подтверждения того, что у Прямоносова не было облигаций на 275 руб., я допросил проживавшего до этого на квартире у Прямоносова бухгалтера Гуцелюк. Последний заявил, что за период проживания на квартире у Прямоносова он видел у него всего одну облигацию достоинством в 10 руб.

Произведенным обыском эта облигация была обнаружена в квартире Прямоносова.

Свидетельница Турчанинова, проживающая в соседнем с Прямоносовым доме, показала, что видела 1 марта в 6 час. вечера, как к Прямоносову пришли Сутунков и Виктор Симаков. В ночь на 2 марта она вставала и видела через окно, что в два часа в доме у Прямоносова, где он проживал один, горит лампа. Она очень удивилась этому обстоятельству, так как обычно Прямоносов рано гасил свет.

Свидетельница Гуцелюк, хорошо знавшая Прямоносова, показала, что утром 2 марта часов в 10—11 она, будучи в Шадринске, встретила около кинотеатра Прямоносова. Последний угостил ее дорогими шоколадными конфетами, чему она очень удивилась, так как обычно у Прямоносова денег не было. Когда же она спросила, откуда у него такие дорогие конфеты, он самодовольно ответил, что конфеты и в самом деле хорошие, так как килограмм стоит 46 руб. На какие деньги куплены конфеты, он не ответил.

Сутунков заявил мне на допросе, что в ресторане он был только вдвоем с Виктором Симаковым. Я решил проверить правильность этих показаний. Важно было установить, кто на самом деле был вместе с Сутунковым в ресторане, ибо это могло мне дать ключ к розыску остальных участников нападения на Булыгиных.

Для этого на допрос была вызвана буфетчица привокзального ресторана Бабкина, которая вспомнила случай, когда два парня 2 марта подрались и были отправлены в милицию. Рано утром, когда ресторан был еще закрыт, она услышала громкий стук в дверь. Стучались, оказывается, четыре парня, из которых один был без руки, один одет в серые валенки, приметы двух остальных она не запомнила, но одного из них она опознала как плотника, неделю назад ремонтировавшего у нее в квартире дверь по нарядам Шадринской строительной конторы.

Таким образом, всего в ресторане было четверо, из которых двое были мне известны — Сутунков и Виктор Симаков. Третий, по всей видимости, был Прямоносов.

Теперь мне необходимо было установить, кто же был еще четвертый.

Проверкой нарядов в стройконторе я установил, что таким лицом являлся однофамилец Виктора Симакова — Юрий Симаков, работавший плотником.

Мать Юрия Симакова, будучи допрошена в качестве свидетельницы, на вопрос, где был ее сын в ночь с 1 на 2 марта 1952 г., заявила, что он в эту ночь дома не ночевал, а где он был, она не знает.

Одновременно мною было установлено, что Виктор Симаков дома в ночь с 1 на 2 марта также не ночевал.

После этого Юрий и Виктор Симаковы были арестованы.

У всех четырех обвиняемых были произведены обыски, но они оказались безрезультатными. Затем я допросил по очереди Прямоносова, Сутункова и обоих Симаковых.

К их допросу я тщательно подготовился. С этой целью я составил план допроса, на отдельном листе бумаги выписал, какие доказательства виновности каждого имеются, наметил, когда, какие изобличающие их данные следует им предъявить. Это оказало мне большую помощь при допросе.

Все четверо на допросе, когда им были предъявлены собранные доказательства, признали себя виновными в нападении на семью Булыгиных и показали, что уговорил их совершить это преступление Прямоносов. В разговоре с ним Юрий Симаков сказал, что слышал от своего деда, работающего совместно с Булыгиным, будто у него имеются большие деньги, не менее чем 8000 руб. При этом, как сказал дед Симакова, деньги старик Булыгин хранит дома.

В связи с этим они решили совершить ограбление семьи Булыгиных, не останавливаясь перед их убийством. Для этой цели они взяли с собой топор и финский нож, принадлежащие Сутункову. Из дома бандиты вышли в три часа ночи. Когда они подошли к дому Булыгиных, то сначала решили проникнуть туда, выбив окно, но затем передумали. Сутунков предложил взобраться по лестнице, стоящей около дома, на крышу и оторвать доску, а через образовавшееся отверстие проникнуть внутрь и открыть крючок двери. Бандиты так и поступили. На улице оставался один Юрий Симаков. Он был вооружен вилами, взятыми из сеней, и должен был ими действовать в случае, если кто-нибудь из Булыгиных выскочит на улицу.

Кроме того, бандиты взяли в сенях топор и ломик.

Когда Булыгины заявили, что денег у них нет, преступники стали расправляться со стариками. Сутунков нанес Булыгину обухом захваченного с собой топора несколько ударов. Прямоносов держал в это время хозяйку квартиры, пытавшуюся выскочить из дома.

Покончив с Булыгиным, Сутунков и В. Симаков расправились и с Булыгиной, после чего зажгли свет и занялись розыском спрятанных денег.

Они просмотрели карманы имевшейся в доме одежды, проверили содержимое сундуков, вспороли подушки и

перину, почти в клочья изорвали тряпичный матрац, осмотрели подполье и, не обнаружив денег, которые они искали, захватили с собой случайно оказавшиеся в одном из чемоданов 173 руб. и облигации государственных займов на сумму 275 руб.

Для сокрытия следов преступления они решили поджечь дом. Положив Булыгиных на полу в кухне, они обложили их одеждой и соломой, вытрясенной из матраца, затем Сутунков облил солому керосином из найденной в чулане банки и поджег ее. Второпях он облил керосином и свои валенки.

Совершив преступление, бандиты скрылись в направлении, противоположном тому, по которому пришли.

В пути следования орудия преступления — топор и нож — Ю. Симаков выбросил в кустарник. Ломик и топор, принадлежавшие Булыгиным, они оставили на месте преступления.

Сутунков, Прямоносов и Симаковы, боясь, что их будут разыскивать со служебно-розыскными собаками, шли по Шадринску гуськом, по колеям, оставленным автомашинами, в расчете, что другими автомашинами следы их ног будут быстро уничтожены. Кроме того, они шли не кратчайшим путем, а петляли по улицам и переулкам.

На добытые преступным путем деньги бандиты решили выпить, для чего зашли в столовую, а затем в ресторан при ст. Шадринск, где при выходе затеяли скандал, за что Сутунков и Симаков были подвергнуты приводу в милицию.

Как выяснилось впоследствии, деньги в сумме 3526 руб. были зашиты в соломенном матраце, на котором спал внук Булыгиных. Этого преступники не подозревали и ограничились только тем, что вытряхнули солому из матраца, а тюфячной наволочкой прикрыли труп Булыгина. При этом они вытряхнули деньги, завернутые в тряпочку, и не заметили их. Деньги случайно не сгорели и были обнаружены при осмотре.

По делу были назначены две экспертизы — биологическая и химическая.

Биологической экспертизе было предложено установить, имеется ли на рубашке, изъятой у Прямоносова, брюках и валенках, изъятых у Сутункова, и на ломике и топоре, обнаруженных на месте происшествия, кровь,

если да, то кому она принадлежит — человеку или животному.

В результате проведенного исследования экспертиза пришла к выводу, что на вышеуказанных вещественных доказательствах обнаружена кровь человека.

Однако мною была допущена ошибка, заключавшаяся в том, что я не поставил перед экспертом вопроса об установлении группы крови Булыгина и Булыгиной, а также группы крови обвиняемых и группы крови, обнаруженной на вещественных доказательствах. Наличие этих данных сделало бы выводы экспертизы более конкретными.

Химическая экспертиза должна была установить, являются ли пятна темносерого цвета на валенках, изъятых у Сутункова, пятнами керосина.

Экспертиза пришла к заключению, что пятна являются следами керосина.

В целях проверки признаний обвиняемых им, каждому в отдельности, было предложено показать путь следования к дому Булыгиных, а также способ проникновения в дом, где находились Булыгины после нанесения им ранений. Объяснения обвиняемых были зафиксированы в протоколах допроса.

Каждый из обвиняемых показал примерно одно и то же.

Фотоснимки, сделанные мною при этих допросах, я приобщил к соответствующим протоколам.

Бандиты были преданы суду по ст. 59^{3} УК РСФСР и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и осуждены: Прямоносов, Сутунков и Виктор Симаков — к 25 годам лишения свободы каждый, а Юрий Симаков — к 15 годам лишения свободы.

Прокурор г. Токмак
Фрунзенской области
Киргизской ССР
юрист 2-го класса
А. А. ГОРДОК

УБИЙСТВО БЫЛО РАСКРЫТО БЛАГОДАРЯ ВНИМАТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

15 августа 1952 г. в прокуратуру из милиции сообщили о том, что в доме, принадлежащем гражданину Михайлову и расположенном на окраине города Токмак, обнаружен труп мужчины. Получив это сообщение, я сразу же направился к месту обнаружения трупа.

Прибыв на место происшествия, я приступил к осмотру домовладения Михайлова. На территории двора имелись две постройки — жилой одноэтажный дом, в котором жила семья Михайлова, и небольшая глинобитная постройка, в которую, по объяснению домовладельца, три дня назад вселились два квартиранта, фамилий и имен которых он не знает. Один из этих квартирантов при вселении отрекомендовался инженером-электриком, а второй — фотографом. Первому на вид можно было дать не более 35 лет, второй же был значительно старше, примерно 60 лет.

13 августа, как показал Михайлов, когда члены его семьи встали, дверь домика, в котором ночевали квартиранты, была закрыта на замок. В 11 часов утра пришел

молодой квартирант и вскоре вышел из домика, имея при себе два узла и большой чемодан. Он сказал, что второй квартирант — фотограф — придет домой к вечеру.

Однако второй — пожилой квартирант — вечером не пришел, и на следующий день утром жена Михайлова решила войти в комнату квартирантов и взглянуть, не похищены ли ими постельные принадлежности и другие вещи, принадлежащие хозяевам дома. Все вещи оказались на месте, а когда Михайлова случайно взглянула под кровать, то увидела труп мужчины, подвязанный к нижней части кровати веревками.

Работники милиции мне сказали, что до моего приезда никто, кроме Михайловой и милиционеров в комнату, где был обнаружен труп, не входил и никаких перестановок в помещении не производилось.

После общего обзора помещения, в котором был обнаружен труп, мы вместе с судебно-медицинским экспертом освободили труп от веревок, не нарушая узлов, и произвели его осмотр. В карманах одежды не было обнаружено никаких документов, записей и других предметов.

Осмотрев повреждения на голове трупа, эксперт высказал предположение, что они могли быть нанесены твердым тупым предметом, в результате чего произошло обширное нарушение костей черепа и вещества мозга. Это, по мнению эксперта, и послужило причиной смерти (при вскрытии это предположение подтвердилось).

Затем я приступил к детальному осмотру комнаты, печки и предметов обстановки, *стараясь не упустить ни одной мелочи*, которая могла бы помочь в установлении личности как убитого, так и убийцы.

В комнате у стены лежал большой чемодан, который, по заявлению Михайлова, принадлежал убитому. Этот чемодан оказался совершенно пустым. Никаких надписей и пометок на нем как снаружи, так и внутри обнаружено не было.

Осматривая печь, я обратил внимание на находившиеся в ней пепел и мелкие клочки бумаги с обгоревшими краями. На некоторых клочках имелся текст, написанный чернилами и карандашом.

Обнаруженные при осмотре клочки бумаги, веревки с узлами и чемодан, принадлежавший убитому, я изъял и приобщил к делу как вещественные доказательства.

При сопоставлении разрозненных кусочков бумаги мне удалось установить отдельные фразы текста одного документа, повидимому, справки, в которой говорилось: «Гнедин Епифа... фотографом... В чем и удостоверяется».

Из других клочков мне удалось составить текст следующего содержания: «Здравствуйте Ольга Степановна, сообщаю В... о нахожусь в городе Токмаке... комнату вблизи станции... очень хорошая, живем вместе с хозяевами...»

Ни подписи, ни адреса на записке не оказалось.

С тем, чтобы обезопасить от порчи и потери разрозненные клочки бумаги, я тщательно их разгладил и вложил между двумя прозрачными стеклами, после чего края этих стекол оклеил тонкими полосками бумаги.

По смыслу справки и объяснению, данному хозяином квартиры Михайловым о том, что пожилой квартирант отрекомендовался фотографом, я предположил, что фамилия убитого Гнедин, а зовут его Епифан. Из записки вытекало, что Гнедин и его второй попутчик до вселения в дом Михайлова проживали некоторое время на другой квартире, расположенной где-то неподалеку от железнодорожной станции Токмак.

Но где эта квартира? Давно ли написана обнаруженная мною записка? Кем написана?

Все это необходимо было проверить, и я обратился в Токмакское городское отделение милиции с просьбой выделить в мое распоряжение нескольких участковых уполномоченных для оказания мне помощи в установлении прежнего местожительства Гнедина и неизвестного инженера-электрика, так как по адресному столу Гнедин не значился. Разбив прилегающие к станции Токмак улицы на участки, мы приступили к проверке домовых книг и опросу квартиросъемщиков и владельцев частных построек.

Розыски прежнего местожительства Гнедина и «инженера-электрика» увенчались успехом. Хозяйка квартиры в доме № 34 по Полыновке сообщила нам, что двое мужчин — один молодой, а другой — преклонного возраста, жили в принадлежащей ей комнате всего два дня, а затем перешли на другую квартиру, так как молодой квартирант, фамилию которого она не знает, был против того,

чтобы жить с хозяевами в одной комнате. В домовой книге эти квартиранты прописаны не были.

Сестра хозяйки при допросе показала, что она однажды беседовала с новыми квартирантами. Они рассказали ей, что приехали в Токмак совсем недавно и хотели поселиться в Токмаке на постоянное жительство и получить здесь работу. Пожилой квартирант интересовался стоимостью жилых строений и говорил, что хочет купить небольшой дом на окраине города.

Других полезных сведений как хозяйка квартиры, так и ее сестра дать не могли. Более ценные для следствия данные хозяйка квартиры доставила нам на следующий день после ее допроса, т. е. 16 августа. Она принесла полученную из г. Джамбула телеграмму на имя Кожухаря с текстом: «Выезжай домой — Маша» и пояснила, что, вероятно, эта телеграмма адресована молодому квартиранту, ибо он после переезда на другую квартиру заходил к ней и спрашивал, не приходила ли на его имя телеграмма. На телеграфном бланке имелись дата и часы отправления: 16 августа 17 час. 35 мин.

Имея такие данные, я немедленно направил отдельное требование в прокуратуру г. Джамбула с просьбой изъять в конторе связи подлинник указанной выше телеграммы и по ней установить точный адрес отправителя.

Отдельное требование было быстро исполнено — адрес Маши, оказавшейся женой Кожухаря, был установлен, но последней в городе не оказалось. В Джамбуле путем допросов ближайших соседей и знакомых Кожухаря удалось выяснить, что в первых числах августа Кожухарь с каким-то неизвестным для них пожилым человеком уехал в г. Токмак. 18 августа Кожухарь возвратился домой с вещами и на другой же день выехал вместе с женой в г. Токмак на постоянное местожительство (так при отъезде жена Кожухаря объясняла соседям). Кроме того, один из допрошенных свидетелей показал, что как-то Кожухарь, беседуя с ним, говорил, что его родные проживают в г. Белая Церковь на Украине.

Хозяйка дома, в котором супруги Кожухарь проживали до отъезда, на допросе показала, что ее дочь с женой Кожухаря — Марией Карпук — договорились переписываться и последняя в ближайшее время обещала прислать ей письмо с указанием своего нового адреса.

Полагая, что по письму жены Кожухаря можно будет установить местожительство преступника, я сразу же вынес постановление о наложении ареста на корреспонденцию, поступающую на имя подруги Марии Карпук.

В Джамбульском городском отделе милиции и адресном столе сведений о прописке Гнедина не было.

Были проверены списки в нескольких артелях инвалидов, занимающихся фотографией, но среди членов этих артелей Гнедина не оказалось. В финансовом отделе Гнедин как кустарь-фотограф также зарегистрирован не был.

Подобную проверку я произвел и в г. Токмаке, но и там никаких результатов не добился.

Кожухаря и Карпук в г. Токмаке не оказалось.

Одновременно я направил запрос о розыске Кожухаря в г. Белая Церковь. В октябре я получил оттуда отрицательный ответ.

В конце ноября с почты г. Джамбула мне доставили письмо, отправленное Марией Карпук на имя ее подруги. Однако в письме обратного адреса не было.

Я осмотрел конверт и по почтовому штемпелю установил, что данное письмо отправлено из г. Фастова Киевской области.

Я немедленно направил розыскные требования в Киев, Фастов и Белую Церковь.

Принятыми мерами розыска Кожухарь 25 декабря был обнаружен в одном из сел Белоцерковского района, арестован и этапирован в Токмак.

При обыске в личных вещах Кожухаря были найдены: несколько комплектов шрифтов различных размеров, клише герба РСФСР, орденские планки и погоны капитана авиационной службы. Эти предметы были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Жена Кожухаря — Карпук согласно моему отдельному требованию была допрошена в прокуратуре Белоцерковского района и показала, что ее муж — Кожухарь в конце июля познакомился с каким-то пожилым мужчиной, который однажды заходил к ним на квартиру, а в начале августа Кожухарь уехал вместе с ним в Токмак. О чем они беседовали, кто был этот человек и зачем они поехали в Токмак муж ей не рассказывал.

Возвратившись из Токмака, Кожухарь привез мужской костюм и еще кое-какие вещи, сказав жене, что получил их от своего знакомого в благодарность за ока-

занные ему услуги. Так как еще в июле они с мужем договорились переехать из г. Джамбула в Анжеро-Судженск к своим родственникам, они еще тогда оформили выписку из г. Джамбула, а на другой же день после возвращения мужа выехали. Муж просил ее, чтобы она говорила соседям, будто они переезжают в Токмак.

Пробыв некоторое время в Анжеро-Судженске, они, по настоянию мужа, переехали в Ташкент, а оттуда в конце октября приехали в Белоцерковский район, где и проживали в доме сестры Кожухаря.

Как на допросе при задержании, так и после этапирования в Токмак Кожухарь категорически отрицал свое знакомство с Гнединым и заявил, что он никогда в Токмаке не был. Лишь после того как он был опознан Михайловыми и другими свидетелями и ему были предъявлены показания его жены — Марии Карпук, он изменил свои показания и признал себя виновным в убийстве Гнедина с целью завладения его имуществом и деньгами.

Случайно познакомившись с Гнединым в одной из привокзальных закусочных и разговорившись с ним, Кожухарь узнал, что его новый знакомый недавно приехал в г. Джамбул с целью покупки небольшого домика и устройства в нем фотографии.

Не найдя ничего подходящего в г. Джамбуле, Гнедин собирался выехать в Токмак, рассчитывая там купить подходящий дом. Будучи в состоянии опьянения, Гнедин рассказал Кожухарю, что имеет много денег и ценные вещи. У Кожухаря возникла мысль ограбить Гнедина. В это время Кожухарь нигде не работал. Он договорился с Гнединым выехать в Токмак вместе, заявив последнему, что он по специальности электрик и сможет сделать ему электрическое оборудование в фотографии без всякой оплаты за работу. Гнедин согласился, и 6 августа они выехали с ним вместе в Токмак.

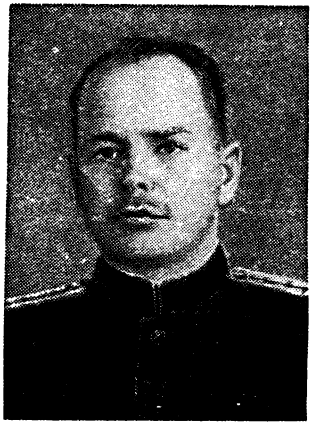
Поселившись в отдельном домике, Кожухарь в ночь на 13 августа убил Гнедина, ударив его по голове тяжелой металлической болванкой. После убийства Гнедина он привязал труп к нижнему основанию кровати, а все документы и записки Гнедина сжег в печке, взяв с собой лишь наличные деньги, сберегательную книжку, а также его личные вещи, часть из которых он по дороге в г. Джамбул продал. Показания Кожухаря в этой части полностью соответствовали обстоятельствам дела.

Далее Кожухарь показал, что, находясь в Анжеро-Судженске, он оформил через сберкассу перевод принадлежавшего Гнедину вклада на одну из сберегательных касс Ташкента и получил квитанцию о сдаче им сберегательной книжки. Изучив порядок получения денег по переведенным вкладам и пользуясь тем, что сберкасса по месту выдачи этих вкладов не имеет образца подписи вкладчика, он, имея шрифты и клише герба, сфабриковал временное воинское удостоверение, указав в нем, что Гнедин является капитаном одной из авиационных частей. Одевшись в военную форму, он явился в нотариальную контору Ташкента и, предъявив там фиктивное удостоверение, сумел заверить доверенность на получение вклада на свое имя. После этого он без всякого труда получил из сберкассы более семи тысяч рублей, принадлежавших Гнедину.

В целях проверки показаний Кожухаря в части изготовления лично им фиктивного удостоверения я предложил ему в присутствии понятых изготовить при помощи изъятых у него при обыске шрифтов и клише герба удостоверение, подобное тому, которое он предъявлял нотариусу в Ташкенте. Кожухарь без труда сделал подобное удостоверение.

Народный суд признал Кожухаря виновным по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и приговорил его к 25 годам лишения свободы.

Тщательный осмотр места происшествия и правильное использование вещественных доказательств помогли мне, таким образом, установить и разоблачить преступника.

Народный следователь прокуратуры
Камень-Каширского района
Волынской области УССР
юрист 3-го класса
Л. П. ДЕНИСОВ

ИЗОБЛИЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА ПО КОСВЕННЫМ УЛИКАМ

22 мая 1953 г. в 6 часов утра в прокуратуру Камень-Каширского района по телефону было сообщено об обнаружении в лесу трупа женщины.

Вместе с работниками милиции я и районный прокурор юрист 1-го класса т. Целуйко выехали на место происшествия.

В лесу, расположенном между селами Нуйно и Ставище, в 60-ти метрах от проезжей дороги, в кустарнике, лежал на спине труп молодой женщины, на лице которой имелись обширные повреждения. Платье и нижняя рубашка были приподняты до груди. Под головой трупа, на траве, имелись следы запекшейся крови.

При производстве осмотра места происшествия и трупа каких-либо следов и предметов, которые могли бы быть использованы в качестве вещественных доказательств для установления преступника, обнаружено не было.

Общий вид места происшествия и трупа были сфотографированы по правилам судебно-оперативной фотографии прокурором т. Целуйко. После этого труп был отправлен в морг районной больницы.

По позе трупа и состоянию одежды на нем можно было предположить, что убийство женщины произошло в связи с ее изнасилованием.

Однако это предположение после производства судебно-медицинского вскрытия трупа отпало.

Совместно с прокурором мы составили подробный план расследования, в котором в первую очередь я поставил перед собой задачу установить личность убитой.

Так как труп женщины был обнаружен в лесу между двумя селами и неподалеку от железнодорожной станции Нуйно, мы решили путем проверки в местных органах власти и опроса граждан, проживавших в этих селах и в пристанционном поселке, выяснить, имели ли место случаи исчезновения за последние дни женщин из числа жителей этих населенных пунктов, а также узнать, кто из жителей этой местности ожидает прибытия в гости своих родственников и знакомых. Кроме того, необходимо было одновременно с этим организовать опознание обнаруженного в лесу трупа.

В результате произведенного опроса граждан нам удалось установить, что гражданин Капитула из села Датынь Старовыжевского района ожидает в гости свою дочь Феодосию, которая должна приехать к нему в отпуск из г. Ясиноватая Сталинской области.

Капитула, допрошенный мною, рассказал о полученных им письмах дочери, в которых она сообщала, что в первых числах мая ей предоставят отпуск и что она приедет домой в Камень-Каширский район. Капитула уже несколько дней ждет свою дочь, ибо его сосед Левонюк на днях тоже из Ясиноватой получил письмо от своей дочери. Письмо это было датировано 12 мая, и в нем она сообщала, что Феодосия Капитула уже выехала домой в отпуск и взяла с собой ее подарки для родных.

Допросив гражданина Левонюк, я предложил ему предъявить письмо от его дочери. Из этого письма было видно, что Феодосия Капитула перед выездом на родину получила от Ксении Левонюк для передачи ее родственникам в качестве подарков 3 м хлопчатобумажной диагонали, 3 м молескина синего цвета и 4 м вольты с пестрыми цветами на синем фоне.

После допроса Капитула и Левонюка я предъявил им для опознания обнаруженный в лесу труп неизвестной

женщины. Капитула признал в нем свою дочь Феодосию.

После этого труп убитой Ф. Капитула был предъявлен и ряду других свидетелей, опознавших ее. Таким образом личность убитой была установлена бесспорно.

Первый вопрос, стоявший перед следователем, был решен. Теперь требовалось установить преступника.

Я был уже вполне ориентирован о времени совершения убийства. Если Феодосия Капитула выехала из Ясиноватой 11 мая, то 12 или 13 мая она должна была прибыть на ст. Ковель, откуда местным поездом могла доехать до ст. Нуйно. Поезд на эту станцию прибывал утром. Из писем Феодосии Капитула и ее подруги Ксении Левонюк было известно, что она едет с вещами. Однако на месте происшествия никаких вещей не оказалось. Следовательно, они были похищены убийцей. Поэтому я решил сразу же выяснить, кто из местных жителей, знавших Феодосию Капитула, видел ее на ст. Ковель или на ст. Нуйно 12—13 мая и позднее, а также выяснить, кто видел Феодосию Капитула в эти дни на дороге от ст. Нуйно в село Датынь.

Для выяснения этих вопросов я допросил председателя сельсовета и несколько граждан из числа местных жителей. В результате удалось установить, что в первой половине мая житель села Ставище Иван Нагурник вместе со своей женой Меланьей Нагурник выезжали на несколько дней в Ковель. Я допросил Ивана Нагурника в качестве свидетеля. Он показал, что, будучи на ст. Ковель примерно 10—12 мая, он видел там своих односельчан Пелагею Кобук, Марию Кобук и их родственника Якова Кобука, возвращавшегося из исправительно-трудового лагеря после амнистии. Нагурник заявил, что он видел также и дочь Михаила Капитула — Феодосию, которая собиралась ехать местным поездом на ст. Нуйно. Иван Нагурник не разговаривал с встретившимися ему на ст. Ковель земляками и вскоре уехал поездом в г. Брест.

Я продолжал устанавливать свидетелей, знавших Феодосию Капитула и Якова Кобука и видевших их после прибытия поездом на ст. Нуйно. Один из жителей села Нуйно Юрий Савчук при допросе рассказал, что в начале мая, какого числа, он не помнит, он видел, как неизвестный ему гражданин небольшого роста, широкоплечий, одетый в грязную одежду, шел вместе с молодой женщи-

ной среднего роста по дороге от ст. Нуйно к селу Ставище. Это было примерно часов в 11 дня, вскоре после прибытия поезда из г. Бреста. Савчук указал, что женщина была одета в демисезонное пальто и несла в руках коричневый чемодан большого размера.

Жители села Датынь — Григорий Малюта и Мария Никончук — также мне рассказали, что в среду 13 мая, возвращаясь со ст. Нуйно, после прибытия туда поезда из Ковеля, они издали видели шедшими в направлении села Ставище мужчину и женщину с чемоданом и еще какими-то предметами в руках. Из-за дальности расстояния они не могли определить, кто были эти люди.

Тогда я решил допросить пастухов, пасших скот в районе дороги, проходящей от ст. Нуйно к селам Ставище и Датынь, полагая, что они могли видеть проходивших со станции граждан, в частности Феодосию Капитула.

В своих предположениях я не ошибся.

Пастухи Семен Цимбалюк и Иван Кобук на допросе показали, что в среду 13 мая, за день до религиозного праздника «Вознесение», из леса по тропинке, ведущей от ст. Нуйно, примерно в 4 часа дня вышел Яков Кобук с большим чемоданом в руках и плетеной сумкой, в которой были булочки, сахар, женские парусиновые туфли с кожаной отделкой.

Подойдя к пастухам, Яков Кобук попросил их помочь ему донести чемодан до села. Пастухи согласились и донесли вещи Кобука до дома, в котором проживали его родные. На вопрос пастухов, где он взял чемодан, Кобук ответил, что купил на станции за 20 руб., а потом замявшись сказал, что сделал этот чемодан, находясь в лагере. Вещей, находившихся в чемодане, пастухи не видели, так как Кобук при них чемодана не открывал.

24 мая от судебно-медицинского эксперта поступило заключение о вскрытии трупа Феодосии Капитула.

В своем заключении эксперт указал, что смерть Феодосии Капитула наступила от множественных повреждений головы, нанесенных тяжелым тупым предметом, с переломом костей свода и основания черепа, повлекшими за собой кровоизлияние в вещество мозга. Наличие множества параллельно расположенных ссадин и царапин на задней поверхности туловища и верхней части грудной клетки пергаментной плотности без кровоизлия-

ний в подлежащие ткани указывало на то, что они возникли посмертно и являются следами волочения трупа по земле.

В этот же день по указанию прокурора района и под его руководством с участием работников милиции мы произвели внезапные одновременные обыски у всех родственников Кобук и сразу же допросили каждого из них о времени приезда Якова Кобука и о вещах, привезенных им.

Проведение группового обыска и ряда одновременных допросов дало положительные результаты. Так, в квартире Якова Кобука был обнаружен кусок материи вольта размером 80 см × 80 см, в квартире сестры Якова Кобука — Пелагеи были обнаружены костюм серого цвета из хлопчатобумажной материи и ситцевая рубашка серого цвета. В квартире других родственников Я. Кобука были найдены отрез молескина и 3 м хлопчатобумажной диагонали черного цвета — то есть почти все предметы, о которых указывала в своем письме Ксения Левонюк.

В целях еще более тщательной проверки наличия предметов и вещей, находившихся в чемодане Феодосии Капитула, прокурором было направлено в прокуратуру Ясиноватского района Сталинской области отдельное требование с просьбой допросить Ксению Левонюк и хозяйку квартиры, в которой проживала Феодосия Капитула — Никулину — о том, какие вещи были взяты Феодосией Капитула при выезде ее в отпуск на родину и в чем была она одета.

После обыска и допросов родственников Якова Кобука, у которых были обнаружены вещи, принадлежавшие Феодосии Капитула, а все допрошенные родственники Кобук давали невразумительные и сбивчивые показания относительно этих вещей — я решил задержать Якова Кобука и подробно допросить его.

Яков Кобук на допросах показал, что, возвращаясь из места заключения, где он отбывал наказание по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и был освобожден по амнистии от 27 марта 1953 г., на деньги, заработанные им в лагере, он приобрел ряд вещей, обнаруженных при обыске у его родственников. Однако допрошенные в качестве свидетелей Нагурник, Пелагея Кобук и Мария Кобук, видевшие

Якова Кобука на ст. Ковель 11 мая, показали, что последний, находясь на перроне, никаких вещей при себе не имел. После очных ставок с упомянутыми свидетелями Яков Кобук заявил, что, находясь в Ковеле, он сдавал свои вещи в камеру хранения.

Чтобы проверить этот факт, я запросил администрацию станции Ковель-пассажирская и получил ответ, что в период с 9 по 20 мая 1953 г. от Я. Кобука никаких вещей камера хранения не принимала. После предъявления Я. Кобуку этой справки камеры хранения он вообще отказался давать какие-либо показания.

Получив ответ на отдельное требование из прокуратуры Ясиноватой с протоколами допросов Ксении Левонюк и Никулиной, в которых подробным образом описывались все вещи и предметы, взятые с собой в отпуск Феодосией Капитула, я произвел повторные обыски в квартирах Я. Кобука и его родственников. На этот раз удалось обнаружить и изъять женские парусиновые туфли с кожаной отделкой, нитки для вышивания, пару шелковых чулок, зеркальце, носовые платки, обложку для паспорта и другие вещи, принадлежащие, по показаниям Никулиной и Левонюк, Феодосии Капитула.

Однако Яков Кобук на неоднократных допросах отрицал факт убийства и настойчиво заявлял, что все обнаруженные при обыске предметы приобретены им в пути следования из исправительно-трудового лагеря для подарков своим родственникам.

Для того чтобы провести опознание вещей, принадлежавших убитой Феодосии Капитула, я вызвал из Ясиноватой Ксению Левонюк, которая по прибытии на место была вначале передопрошена о количестве, качестве и характерных особенностях всех вещей, имевшихся у Ф. Капитула, а затем они были ей предъявлены в числе других подобных вещей.

Левонюк опознала все те вещи, которые принадлежали ее подруге, и пояснила, что костюм и рубашку серого цвета Ф. Капитула купила в магазине для своего брата, отрезы молескина и вольты покупала сама Левонюк для передачи через Феодосию Капитула своим родственникам, а чемодан они вместе с Капитула покупали на рынке, где также купили и плетеную сумку.

Лишь после проведения этих следственных действий Я. Кобуку было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 2

Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и по ст. 138 «а» УК УССР. Однако Кобук продолжал настаивать на своих показаниях и отрицал свою причастность к убийству.

Не было сомнений, что убийство Феодосии Капитула было совершено Яковом Кобуком. Хотя не было ни одного прямого доказательства совершения им этого преступления, его в достаточной степени изобличали косвенные улики, собранные в процессе предварительного расследования. Следствием было установлено, что Я. Кобук, находясь 12 мая на ст. Ковель, при себе не имел никаких вещей. Свидетели видели его перед посадкой в поезд вместе с Феодосией Капитула. Утром 13 мая Кобук вместе с Феодосией Капитула следовал по пересекавшей лес дороге от ст. Нуйно по направлению к селу Датынь. В этот же день свидетели видели, как Кобук вышел из леса один, имея при себе чемодан и вязаную сумку с различными вещами, которые при обыске в доме Кобука и его родственников были обнаружены и опознаны как принадлежавшие Феодосии Капитула.

Народный суд признал Якова Кобука виновным и осудил его в соответствии с предъявленным обвинением к 20 годам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Волынского областного суда, рассмотрев жалобу осужденного Кобука, оставила приговор народного суда в силе, но в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1949 г. исключила из приговора указание на ст. 138 УК УССР.

Народный следователь прокуратуры Свердловского района г. Ленинграда юрист 3-го класса
К. Ш. КРОНГАУЗ

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ УБИТОГО СОДЕЙСТВОВАЛО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

Расследование убийств, совершенных задолго до их обнаружения, представляет большие трудности, ибо, как правило, в этих случаях затруднено собирание доказательств.

Правильное планирование расследования, обнаружение и максимальное использование всех имеющихся по делу вещественных доказательств, установление лиц, могущих дать следствию интересующие его сведения, вдумчивый анализ фактов и событий, относящихся ко времени совершения преступления, — все это ведет к раскрытию самых сложных и давно совершенных преступлений.

Для раскрытия убийств решающее значение имеет установление личности убитого.

Если это сделано в начальной стадии следствия, то легче выяснить обстоятельства совершения преступления и лиц, которые либо принимали участие в убийстве, либо знали о нем.

Дело, о котором пойдет речь, вначале велось органами милиции, а затем было передано в прокуратуру.

Решающее значение для раскрытия этого преступления имело установление личности убитой.

В августе 1951 года жилец дома № 21 по Гаванской улице в Ленинграде, осматривая на чердаке расположение балок над своей квартирой, обнаружил за дымоходной трубой череп и части человеческого скелета.

Работники милиции при осмотре места происшествия установили, что чердак дома не использовался жильцами, так как пройти туда можно было только через чердак соседнего дома.

Кости были прикрыты почти истлевшими кусками хлопчатобумажной материи белого и черного цвета и обернуты полосатым чехлом от матраца. На кусках материи и матрацном чехле были заметны пятна бурого цвета.

Обнаруженные кости по заключению присутствовавшего при осмотре судебно-мидицинского эксперта почти полностью составляли скелет человека: череп с нижней челюстью и четырьмя шейными позвонками, грудной отдел позвоночника с восемью позвонками, тремя верхними левыми ребрами, 22 отдельных ребра, ключица, грудная кость, кости таза, кости верхних конечностей, две бедренные кости, две большие берцовые и две малые берцовые кости, четыре кости стопы и др.

В левой височной кости черепа было отверстие размером 3 см $\times$ 4 см. Все кости скелета имели коричневый оттенок, а в некоторых местах были источены грызунами.

Около черепа лежал пучок светлорусых волос, принадлежавших, судя по их длине, женщине.

В процессе производства осмотра был составлен план чердачного помещения (см. фото № 1), а место обнаружения костей и черепа сфотографировано. После фиксации всего обнаруженного кости и волосы были направлены для производства судебно-медицинской экспертизы.

Возникло предположение, что убийство было совершено в этом или в смежном с ним доме и что убитая, возможно, проживала в одной из квартир этих домов.

Для проверки этой версии необходимо было установить, имели ли место в последние годы случаи исчезновения жильцов. Работниками милиции были просмотрены записи в домовых книгах не только

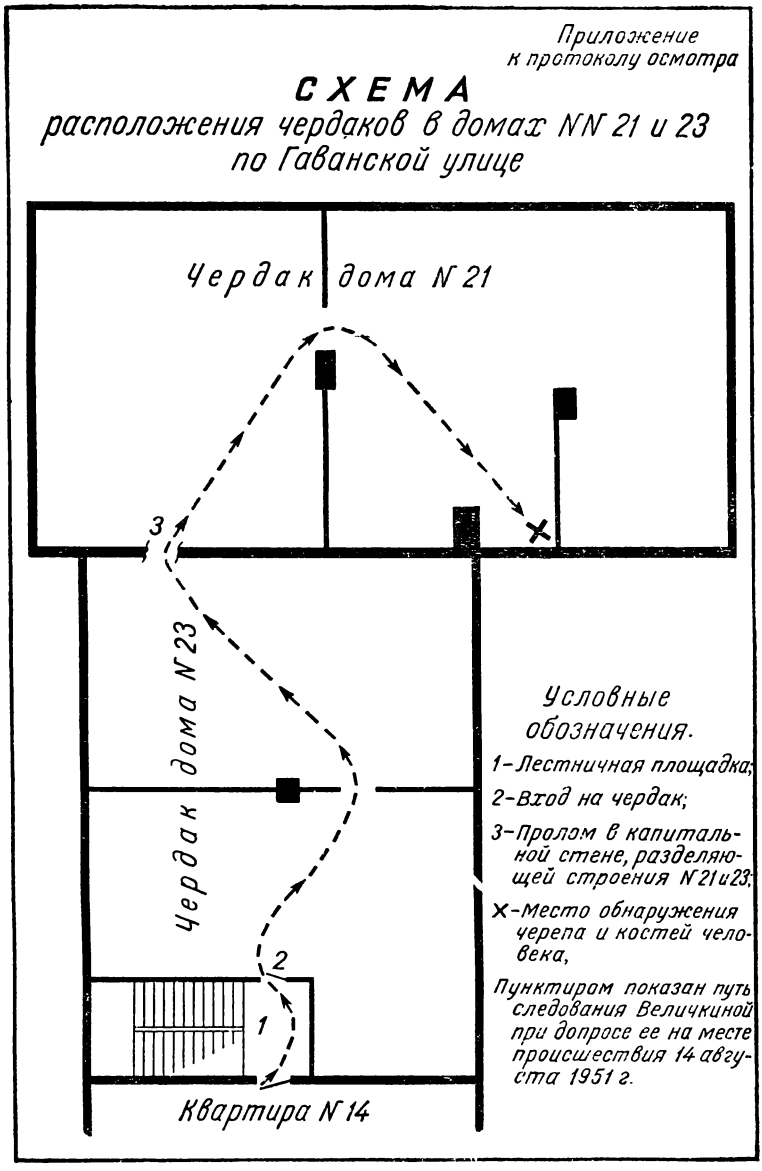

Фото № 1. Схема расположения чердаков в домах №№ 21 и 23 по Гаванской улице.

дома № 21, но и прилегающих к нему домов по Гаванской улице. В домовой книге дома № 21 в 1946 году был отмечен как исчезнувший 18-летний юноша Иванов, а в домовой книге дома № 23 значилась выбывшей без отметки о новом месте жительства проживавшая до 1946 года в квартире № 14 гражданка Фитина.

Допросом работников домоуправления было установлено, что Иванов часто ссорился со своим отчимом и после одной из ссор исчез и несколько лет о нем не было никаких сведений. Мать Иванова, вызванная на допрос, показала, что она не знает, где сын, и не интересовалась этим, так как не взлюбила его за то, что он воровал у нее вещи.

Возникло предположение, что Иванов осужден за хищение и отбывает наказание. Чтобы проверить это предположение, в соответствующие органы были направлены запросы.

Из опроса жителей дома № 23 стало известно, что Фитина в 1946 году была арестована и осуждена. Эти сведения также подлежали тщательной проверке.

В отделе уголовного розыска управления милиции Ленинграда при проверке обнаружили несколько заявлений отца Фитиной, проживающего в г. Молотове, в которых он просил разыскать его дочь, исчезнувшую в начале 1946 года.

В своем заявлении отец указывал, что дочь приезжала к нему в отпуск после демобилизации из Военно-Морского Флота и в октябре 1945 года выехала обратно в Ленинград. Последнее письмо от нее было получено 13 ноября 1945 г. В феврале 1946 года Фитин получил письмо от некоей Вали Васильевой, называвшей себя подругой его дочери. В этом письме сообщалось, что Анна Фитина якобы арестована за спекуляцию. Васильева писала, что живет в ее комнате и просит прислать денег для приглашения адвоката. Всего Фитин получил четыре письма за подписью В. Васильевой.

Усомнившись в подлинности сообщений неизвестной ему В. Васильевой, Фитин написал заявление в прокуратуру Ленинграда с просьбой проверить их. Это заявление было отправлено в отдел уголовного розыска управления милиции Ленинграда, который в течение длительного времени безуспешно разыскивал Фитину.

Никто из жильцов дома № 23 не мог сказать, за что арестовали Фитину и каким судом она осуждена. Все ссылались лишь на слухи. Однако при дополнительной проверке эти слухи не нашли себе подтверждения.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы было видно, что представленные на исследование кости являются частями скелета женщины в возрасте 22—28 лет, со времени смерти которой прошло примерно 6 лет.

В заключении было указано, что нижние конечности скелета отчленены, а левая височная область черепа повреждена в результате удара тупым твердым предметом.

В связи с тем, что речь шла об убийстве женщины, расследование было направлено на проверку версии об убийстве именно Фитиной. В пользу этой версии говорил тот факт, что квартира 14, где проживала Фитина, расположена в верхнем этаже дома № 23 и на той же площадке лестницы имеется дверь, ведущая на чердак. Больше никаких квартир на этом этаже нет. Было очень удобно вынести труп из квартиры 14 и, пройдя глухим чердаком дома № 23, спрятать его на чердаке дома № 21, который почти никогда никем не посещался.

Отсюда следовало также, что убийство совершено людьми, хорошо знающими расположение чердаков.

Было установлено, что 22 декабря 1945 г. в домовой книге как проживающая в комнате Фитиной была прописана некая Александра Степановна Величкина, которая продолжала проживать в этой комнате и после исчезновения Фитиной вплоть до 1949 года, когда она была выселена по решению народного суда.

Требовалось выяснить, в каких отношениях находились Величкина и Фитина и не является ли Величкина распространителем слухов об аресте Фитиной.

Величкина была разыскана и допрошена. Она рассказала, что в декабре 1945 года приехала в командировку в Ленинград из Таллина и заехала к своей бывшей сослуживице Марии Николаевне Терлецкой, у которой временно остановилась. Терлецкая проживала в квартире 7 дома № 23 по Гаванской улице. Собираясь переехать на постоянное жительство в Ленинград, Величкина попросила Терлецкую помочь ей в подыскании жилой площади.

Терлецкая порекомендовала ее в качестве жилицы Фитиной, с которой она была в хороших отношениях. Фитина согласилась, и Величкина была временно прописана в ее комнате. Прожив там некоторое время, Величкина уехала к месту своей работы, а когда уволилась оттуда и снова приехала в Ленинград, то узнала от Терлецкой, что Фитина якобы арестована. Терлецкая написала заявление от имени Фитиной о том, что просит прописать у себя Величкину, и на основании этого заявления Величкина была постоянно прописана в комнате Фитиной, где и жила до 1949 года.

После этого была допрошена Терлецкая, которая признала, что написала заявление от имени Фитиной и тем самым помогла Величкиной прописаться в комнате исчезнувшей Фитиной. Однако Терлецкая заявила на допросе, что об аресте Фитиной она узнала от Величкиной.

Возникло предположение, что письма отцу Фитиной были написаны Величкиной и Терлецкой.

Подлинники этих писем были запрошены от Фитина и с образцами почерка подозреваемых направлены на графическую экспертизу. Последняя дала заключение, что эти письма написаны Терлецкой. После этого Терлецкая была снова допрошена и признала, что, узнав от Величкиной об аресте Фитиной, она совместно с Величкиной сообщила об этом родителям с целью получения денег на приглашение адвоката и последующего их присвоения. Письма были написаны от имени «Вали Васильевой». По показаниям свидетелей Станкевич и Терлецкого, после исчезновения Фитиной у Терлецкой остались квитанции ломбарда на вещи, заложенные Фитиной.

Терлецкая признала этот факт и показала, что действительно вместе с Величкиной они выкупили эти вещи по подложной доверенности и разделили их между собой. Впоследствии была сделана попытка проверить соответствующие документы в ломбарде. Однако к этому времени, как оказалось, архив ломбарда уже был уничтожен.

Установить точно, кто первым начал распространять слухи об аресте Фитиной, так и не удалось, но было ясно, что эти слухи распространялись среди жильцов дома как Величкиной, так и Терлецкой.

14 августа Величкина была арестована и на допросе в уголовном розыске призналась в убийстве Фитиной. Она подтвердила, что приехала в Ленинград в декабре 1945 года и прописалась у Фитиной при посредстве Терлецкой. Некоторое время она проживала вместе с Фитиной и познакомилась у нее с неким военнослужащим Сидоровым, за которого собиралась выйти замуж. Однажды возвратившись домой, Величкина застала его с Фитиной. Из-за этого между Величкиной и Фитиной возникла ссора, Фитина предложила Величкиной немедленно освободить комнату и стала выталкивать Величкину. Последняя схватила утюг, стоявший на полу, и ударила им Фитину в висок. Фитина потеряла сознание и вскоре скончалась. Величкина завернула ее труп в матрацную ткань и снесла на чердак. После этого она вымыла пол и через несколько дней уехала в Таллин, а когда возвратилась, то Терлецкая помогла ей прописаться постоянно в комнате Фитиной. Прописана она была как сестра Фитиной.

Величкина подробно рассказала о содержании писем, которые она писала вместе с Терлецкой отцу Фитиной.

В протоколе допроса Величкиной было много деталей, касающихся обстоятельств самого убийства и жизни Величкиной и Фитиной.

В этот же день Величкина была также допрошена прокурором и подтвердила свои прежние показания, а при выезде на место происшествия в присутствии прокурора и понятых указала место убийства и место на чердаке, куда положила труп Фитиной.

Свидетель Ленская, ранее проживавшая в Таллине вместе с Величкиной, показала, что у Величкиной был матрац, ткань которого напоминала ту, в которой был завернут труп убитой. Это обстоятельство подтвердила и Терлецкая.

В показаниях Величкиной ничего не было сказано о расчленении ею трупа и через несколько дней она была вызвана на допрос для уточнения этого обстоятельства. Однако Величкина неожиданно заявила, что оговорила себя, что убийства она не совершала.

В выдвинутой при этом новой версии Величкина стала доказывать свое алиби, которое, на первый взгляд, подтверждалось документами. Так, в ее трудовой книжке имелась отметка об увольнении из воинской части в

марте 1946 года, а по материалам дела получалось, что Фитина была убита раньше. Величкина заявила, что она вообще не была знакома с Фитиной и прописалась на ее площади сначала временно, а потом постоянно при содействии Терлецкой. При этом Величкина рассказала, что когда она в конце марта 1946 года приехала на постоянное жительство в Ленинград, то Фитиной уже не было, и ее комната была закрыта. По словам Величкиной, Терлецкая ездила в тюрьму к Фитиной и привезла оттуда ключи от ее комнаты.

Для проверки этого показания Величкиной было допрошено несколько жильцов дома, знавших Фитину и Величкину, но никто из них не мог точно вспомнить, что видел их вместе.

Был произведен тщательный осмотр комнаты, где жили Величкина и Фитина, при котором были обнаружены пятна на стене, напоминавшие по виду кровь. Соскобы со стены были направлены в судебно-медицинскую лабораторию для исследования. Кроме того, были вскрыты половицы в комнате и на кухне и выбрана земля из-под пола, которая также была направлена на исследование на предмет установления в ней следов крови. И в самом деле, при исследовании этой земли в ней была обнаружена кровь.

К этому времени прибыл отец убитой. При допросе им были описаны все известные ему вещи дочери. В частности, Фитин очень подробно описал характерные признаки двух ее кофточек.

На квартире Терлецкой был произведен обыск, в результате которого обнаружили кофточку, похожую на одну из описанных Фитиным; из предъявленных ему нескольких вязаных кофточек Фитин опознал как принадлежавшую дочери именно ту, которая была найдена при обыске у Терлецкой. Кроме того, при обыске были обнаружены фотокарточки двух подруг Фитиной — Зотовой и Зубович, а также матросов Евгения Жабоедова и Павла Горева. Так как на этих фотографиях имелись подписи, сделанные Фитиной, было ясно, что они принадлежали ей.

Однако Терлецкая на допросе категорически отрицала, что кофточка и фотографии принадлежат Фитиной, и заявила, что эту кофточку она лично купила в 1942 году в Кронштадте и вместе с ней такую же кофточку

приобрела себе ее подруга Дубнякова. Кроме того, Терлецкая показала, что с Горевым и Жабоедовым она познакомилась через Фитину и каждый из них подарил ей по фотокарточке. Такие же фотографии они якобы подарили и Фитиной, но последняя оставила их у Терлецкой, когда временно жила в ее комнате. Факт проживания Фитиной в квартире Терлецкой материалами следствия подтвердился. По словам Терлецкой, у Фитиной были две фотокарточки Зотовой и Зубович и одну из них она взяла у нее, поскольку Зубович была ее подругой детства.

Следует указать, что после отказа Величкиной от своего признания она пыталась переслать из тюрьмы две записки, в которых просила соседку Терлецкой и ее бывшего мужа подтвердить, что она не была знакома с Фитиной и приехала уже после того, как распространились слухи об аресте Фитиной. В записках она также просила подтвердить, что Терлецкая ездила к Фитиной в тюрьму.

Указанные записки были изъяты и приобщены к делу. Однако эти записки не могли служить уликой против Величкиной, так как в них содержалось лишь напоминание свидетелям уже известных фактов.

Органы милиции на этом этапе расследования передали дело в прокуратуру.

Перед следствием встали две задачи: точно установить личность убитой и обнаружить убийц.

Разрешить эти задачи было нелегко. За истекший период исчезли многие доказательства, которые в обычных условиях можно было добыть без особого труда.

Трудность в установлении истины усугублялась и тем, что свидетели успели позабыть многие факты и часто давали противоречивые показания. Так, например, необходимо было проверить утверждение Величкиной, что она не была знакома с Фитиной, а допрошенные милицией свидетели ничего определенного не могли по этому поводу сказать. Анализ материалов дела приводил к выводу, что на чердаке действительно обнаружен скелет Фитиной, однако необходимо было добыть бесспорные доказательства этого, так как без опознания трупа невозможно было изобличить убийц.

Зная о методе восстановления лица по черепу, разработанном лауреатом Сталинской премии М. М. Гера-

симовым, прокуратура района решила сделать попытку использовать по настоящему делу этот метод [1].

С этой целью череп, обнаруженный на чердаке, был направлен Следственным управлением Прокуратуры СССР через ВНИИ Криминалистики Прокуратуры СССР в лабораторию пластической реконструкции Института Этнографии Академии наук СССР.

Однако восстановленное там по присланному черепу лицо не напоминало лица Фитиной. Сличение скульптурного изображения, сделанного на указанном черепе, с прижизненной фотографией Фитиной приводило к выводу либо об ошибке лаборатории, либо о том, что на чердаке найден скелет какого-то другого неизвестного лица, но не Фитиной. Учитывая, что лицо, восстановленное на черепе, несколько напоминало мужское лицо, необходимо было проверить еще раз версию об убийстве юноши Иванова, исчезнувшего примерно в одно и то же время с Фитиной. Эта версия отпала сразу же, ибо был получен ответ на запрос, сделанный ранее органами дознания, в котором говорилось, что Иванов осужден за хищение и отбывает наказание в лагере. Оставалось опять только одна версия — о том, что убита Фитина.

Следовало точно установить время ее исчезновения. Занимаясь этим вопросом, я интересовался главным образом последним периодом жизни Фитиной в Ленинграде. От отца Фитиной было известно, что она сентябрь и октябрь 1945 года находилась в г. Молотове, а 4 ноября возвратилась в Ленинград, откуда прислала родителям письмо, датированное 13 ноября 1945 г.

Подруга Фитиной Зотова на допросе показала, что в последний раз видела Фитину в магазине за несколько дней до наступления нового, 1946 года.

Из записи в домовой книге было видно, что 17 ноября 1945 г. Фитина получала и прописывала новый паспорт. Первое же из писем, направленных родителям Фитиной, в которых говорилось об ее аресте, было датировано 4 февраля 1946 г. Поскольку содержание писем было вымышленным можно было предположить, что они писались уже после смерти Фитиной.

---

[1] Вопрос об условиях применения этого метода освещен в сборнике «Советская криминалистика на службе следствия» (выпуск 4-й).

На основании этих данных и был сделан вывод, что Фитина убита в период между декабрем 1945 года и февралем 1946 года.

При внимательном изучении акта судебно-медицинской экспертизы я обратил внимание на обнаруженные экспертом при осмотре челюсти четыре пломбы в зубах: две металлические и две цементные.

Следствие придало этому большое значение, полагая, что эта незамеченная ранее деталь поможет установить личность убитой.

Мною были запрошены местные зубные кабинеты и поликлиники. Зубные кабинеты Ленинграда и поликлиники сообщили, что истории болезни 1945 года уничтожены.

По этому же поводу отдельное требование было направлено в прокуратуру г. Молотова. Вскоре оттуда пришел ответ, что, находясь у отца, Фитина лечилась в зубной поликлинике. История болезни была изъята из поликлиники и направлена к нам.

По этим материалам была назначена стоматологическая экспертиза, которую произвел заведующий кафедрой Ленинградского Стоматологического института профессор И. А. Бегельман. Эксперт проверил состояние зубов, имевшихся в челюсти, и дал заключение, что оно совпадает с записями в истории болезни Фитиной, как по расположению пломб, так и по составу пломбирующих материалов. Кроме того, в истории болезни было указано на имеющиеся кариозные поражения некоторых зубов. Эксперт путем осмотра зубов и их рентгеновского снимка установил, что эти же зубы в челюсти имеют кариозные поражения. В заключении экспертизы было указано, что по состоянию стертости зубов умершему человеку было 23—28 лет.

В процессе расследования стало известно, что в марте 1945 года Фитина родила девочку, которая вскоре умерла. Я обратился в институт акушерства и гинекологии, где Фитина находилась по поводу родов, с тем, чтобы выяснить, не определялась ли там ее группа крови. Это нужно было для того, чтобы установить, совпадает ли группа крови Фитиной с группой крови на ткани, в кото-

рую был завернут труп. В истории болезни данных о группе крови Фитиной не оказалось. Однако при просмотре этой истории болезни выяснилось, что при поступлении беременных женщин в клинику института измеряются их рост и размер таза. Эти же измерения были сделаны и в отношении Фитиной и они были использованы мною для идентификации скелета.

Комиссия судебно-медицинских экспертов во главе с проф. А. П. Владимирским дала заключение, что измерения некоторых костей скелета, а именно: бедренных, локтевых, малых берцовых, лучевых костей и ключицы указывают на рост женщины в пределах 168—172 см, что соответствует росту, указанному в истории родов Фитиной.

Во время своего пребывания в 1952 году в Ленинграде отец Фитиной передал мне имевшуюся у него фотографию дочери, указав, что она снята во время пребывания ее в Молотове осенью 1945 года.

Эту фотокарточку и череп я направил на криминалистическую экспертизу, поручив произвести идентификацию личности Фитиной по ее прижизненной фотографии путем фотомеханического совмещения черепа с этой фотографией (по так называемому методу аппликации) [1].

Сфотографировав череп в таком же ракурсе, как была сфотографирована Фитина, и увеличив его до такого же размера, эксперт совместил две эти фотографии на экране с помощью проекционного аппарата и полученное изображение сфотографировал. При этом выявилось полное совмещение ряда контрольных точек и линий исследуемого черепа (глазниц, расположения челюстей, зубного ряда и т. д.) с соответствующими участками на фотографии лица Фитиной, что отчетливо видно на снимке (см. фото № 2). На основании этих данных экспертиза пришла к заключению, что череп, обнаруженный на чердаке дома № 21 по Гаванской улице, мог принадлежать Фитиной.

Таким образом, на основании заключений ряда экспертиз и материалов следствия

[1] Подобного рода криминалистическая экспертиза описана в статье «Значение медико-криминалистической экспертизы для идентификации жертвы убийства по черепу», опубликованной в выпуске № 13 «Следственной практики» (стр. 115—122).

Фото № 2. Левый снимок: череп, обнаруженный на чердаке дома № 23 по Гаванской улице 1 августа 1951 г. Средний снимок: прижизненная фотография А. Фитиной. Правый снимок: комбинированная фотография двух первых снимков, наложенных один на другой.

можно было сделать категорический вывод, что убита Фитина и на чердаке были обнаружены кости ее скелета.

Так была разрешена первая задача, вставшая перед следствием.

Второй задачей являлось установление убийцы Фитиной: кто же убил ее — Величкина или Терлецкая? или обе вместе? каковы мотивы убийства?

Задача изобличения преступника также разрешалась по заранее разработанному плану.

В процессе следствия не проводилось ни одного допроса без тщательной подготовки. Каким бы легким и незначительным ни казался мне предстоящий допрос, перед его началом я еще раз изучал материалы дела, относящиеся к этому допросу, и формулировал вопросы, которые необходимо было задать. Разумеется, что в ходе допроса план иногда приходилось изменять, но подготовка к допросам очень помогала в работе.

Первоначально я решил получить подтверждение вины Терлецкой путем ряда очных ставок ее со свидетелями, так как материалы дела говорили о том, что Терлецкая имела непосредственное отношение к убийству Фитиной. В частности, она утверждала, что Фитина занималась спекуляцией вместе с Величкиной и с этой целью ездила к последней в Таллин. Знакомые Фитиной и ее соседи на допросах опровергали это обстоятельство. Кроме того, удалось довольно быстро разыскать Дубнякову (на нее ссылалась Терлецкая), которая на допросе показала, что в 1941 году она уехала с детьми в эвакуацию и вернулась в 1945 году. Вместе с Терлецкой она никогда кофточки себе не покупала.

Терлецкая продолжала давать ложные показания.

На очной ставке с Дубняковой она заявила, что кофточка была куплена в 1940 году, а не в 1942 году, однако Дубнякова отрицала и это обстоятельство.

Терлецкая признала, что она помогла Величкиной прописаться на площади Фитиной, что писала вместе с Величкиной письма отцу Фитиной и что вместе с Величкиной получила по подложной доверенности вещи Фитиной из ломбарда. Терлецкая признала, что должна за все это нести ответственность.

На очной ставке с Терлецкой бывший управляющий домами Никифорова вспомнила, что Величкина приходи-

ла к ней вместе с Фитиной договариваться относительно прописки. Никифорова рассказала, при каких обстоятельствах это происходило. Таким образом была добыта еще одна важная улика против Величкиной.

При наличии этих данных с санкции прокурора я арестовал Терлецкую.

При неоднократных допросах Терлецкая часто ссылалась на Горева, Жабоедова, Зубович и других свидетелей, местонахождение которых необходимо было установить и таким образом проверить показания Терлецкой. Работа по розыску свидетелей представляла значительные трудности, так как о местонахождении этих свидетелей мне ничего не было известно, кроме того, что они служили во время войны в частях Балтийского флота.

Однако розыски не прекращались и через некоторое время увенчались успехом.

Один из штабов сообщил, что матрос Горев при демобилизации был направлен в Кировский РВК г. Ленинграда. Адресное бюро управления милиции сообщило, что Горев выбыл в Москву. По установлении местожительства Горева в Москве он был вызван на допрос и рассказал, что был знаком с Фитиной постольку, поскольку она проводила время с его товарищем Жабоедовым. Происходило это в конце войны. Горев рассказал также, что фотографии он Фитиной не дарил, но дал ей свою маленькую фотокарточку и просил увеличить ее до размеров открытки, что Фитиной и было сделано. Таким образом, Горев объяснил, как его фотокарточки могли попасть к Фитиной. Горев заявил, что Терлецкую он не знает и такую фамилию слышит впервые.

Чтобы изобличить Терлецкую в даче ложных показаний относительно ее знакомства с Горевым, я решил показать ей его.

Перед вызовом в кабинет Терлецкой я предупредил Горева, чтобы он в ее присутствии ничего не говорил. Когда вошла Терлецкая, я спросил ее, знает ли она этого человека. Терлецкая вначале растерялась, а потом заявила, что это Евгений Жабоедов. Тогда я предложил Терлецкой подробно рассказать, при каких обстоятельствах она с ним встречалась и как получила от него фотографии. Терлецкая показала, что Жабоедов всегда приходил к ним со своим приятелем Горевым, которого она очень хорошо знает.

Показания Терлецкой были подробно записаны в протокол, и она их подписала.

Необходимо было найти Жабоедова, чтобы окончательно убедиться в ложных показаниях Терлецкой и добыть еще одну улику против нее.

С большим трудом мне удалось установить местожительство Жабоедова и вызвать его в Ленинград.

При допросе Жабоедов подтвердил показания Горева относительно фотографии и подробно рассказал, что ему было известно о Фитиной.

После этого Терлецкой было предложено опознать Жабоедова в группе мужчин, примерно такого же возраста, примерно такой же внешности как и он, однако Терлецкая заявила, что всех предъявленных ей для опознания лиц она видит впервые.

На очной ставке с Жабоедовым еще раз подтвердилось мое предположение о том, что Терлецкая никогда не была знакома ни с Жабоедовым, ни с Горевым и никаких фотокарточек от них лично получить не могла.

Была также разыскана и вызвана в прокуратуру гражданка Зубович. Хотя Зубович вызывалась только для проверки показаний Терлецкой в отношении обнаружения у последней фотокарточек Зотовой и ее, она дала следствию важные показания. В частности, Зубович сообщила, что после демобилизации Фитиной она отдала Фитиной на временное хранение ряд своих вещей, которые находились ранее в воинской части. Среди этих вещей была посуда, верхняя одежда, утюг, а также постельные принадлежности. Зайдя однажды к Фитиной, но не застав ее дома, она пошла к Терлецкой. Последняя ей сообщила, что Фитина арестована за спекуляцию. При этом Зубович обратила внимание на то, что в комнате Терлецкой находились вещи, отданные ею на хранение Фитиной.

После подробной, со слов Зубович, записи в протоколе индивидуальных признаков каждой вещи в квартире Терлецкой был произведен повторный обыск, во время которого были изъяты все вещи, принадлежавшие, судя по описанию, Зубович. В частности, был обнаружен ржавый подстаканник с характерной ручкой, о котором на допросе говорила Зубович. Среди других подобных вещей я разложил предметы, найденные при обыске у Терлецкой, и пригласил Зубович и понятых в свой кабинет. Когда

Зубович были предъявлены все эти вещи, она опознала свой подстаканник, который когда-то находился у Фитиной.

Кроме того, Зубович была опознана черная кофточка, обнаруженная у Терлецкой при первом обыске. Совершенно неожиданно Зубович заявила, что у Фитиной такой кофточки не видела, но видела, что ее носила Величкина. Вначале я склонен был считать эти показания результатом добросовестного заблуждения свидетеля, а потом убедился, что она говорила правду. Стало очевидным, что помимо полученных из ломбарда вещей Фитиной Терлецкая взяла себе еще ряд вещей и фотокарточек, находившихся у Фитиной.

После очной ставки с Зубович Терлецкая изменила свои показания.

Убедившись в невозможности продолжать свою линию, направленную на запутывание расследования, Терлецкая, наконец, решила дать правдивые показания. Она рассказала, что осенью 1945 года Величкина, будучи в командировке в Ленинграде, просила помочь найти ей жилплощадь. Она и познакомила ее с Фитиной. При этом обстоятельства знакомства во всех деталях полностью совпадали с первыми показаниями Величкиной по этому вопросу. Величкина предложила Фитиной плату за прописку в ее комнате и, когда последняя согласилась, дала ей задаток в 200 руб. Вскоре Величкина уехала в Таллин, но через короткое время вернулась обратно. К этому моменту ее отношения с Фитиной испортились, так как Величкина не заплатила обещанных денег. Фитина предложила ей освободить жилплощадь. Однажды Величкина пришла к Терлецкой и рассказала, что во время очередной ссоры она, Величкина, ударила Фитину утюгом по голове и убила ее. В дальнейшем Величкина пыталась сжечь труп в печи и для этого начала расчленять его. Однако из-за малых размеров очага печи она решила этого не делать и пыталась положить труп в межэтажное перекрытие, для чего поднимала половицы в центре комнаты. Потом она нашла укромное место на чердаке, куда и перенесла труп Фитиной. Сама же Величкина поехала в Таллин. Там она получила расчет и, вновь приехав в Ленинград, поселилась в комнате Фитиной. Терлецкая рассказала, как вместе с Величкиной они проверяли, не осталось ли в комнате пятен крови. Именно

в этот раз Терлецкая и взяла фотографии Жабоедова, Горева и Зубович с Зотовой.

Терлецкая признала, что помогла Величкиной прописаться, написав от имени Фитиной заявление. Писала она, Терлецкая, вместе с Величкиной и письмо родным убитой, в надежде получить от них деньги якобы для адвоката. В случае присылки денег она надеялась получить их из почтового отделения по доверенности, заверенной в домоуправлении. Вместе с Величкиной она распространяла слухи об аресте Фитиной, объясняя этим ее внезапное исчезновение.

За пособничество Величкина отдала Терлецкой вещи Зубович и часть вещей Фитиной, выкупленных в ломбарде по подложной доверенности, которую через управдома Никифорову достала Величкина.

Для проверки правильности показаний Терлецкой я допросил ряд лиц. Управдом Никифорова подтвердила, что она заверила доверенность. Поселившийся в середине 1946 года в комнате Величкиной гражданин Ничипоров сказал, что он обратил внимание на отставшие от балок половицы в середине комнаты и прибил их гвоздями.

Детальная проверка показаний Терлецкой подтвердила, что она говорила правду.

Подтвердился также и тот факт, что Величкина занималась производством абортов.

Таким образом, Терлецкая активно помогала Величкиной в завладении комнатой и вещами Фитиной и помогала ей скрыть следы убийства.

Проверка доказательств в отношении Величкиной была направлена прежде всего к тому, чтобы опровергнуть ее алиби. Путем осмотра документов в паспортном отделе милиции я установил, что Величкина прописалась в Ленинграде 10 февраля 1946 г., так как срок временной прописки с декабря 1945 года к этому времени истек. На мой запрос в штаб военного округа, где работала Величкина, я получил ответ, что в конце 1945 года Величкина несколько раз приезжала в Ленинград в командировку. Из штаба были присланы копии приказов, согласно которым Величкина находилась в Ленинграде с 7 по 17 февраля 1946 г. и с 5 по 14 марта 1946 г., а с 23 марта 1946 г. выехала на постоянное жительство в Ленинград.

Таким образом удалось опровергнуть утверждение

Величкиной, что в период убийства Фитиной она была в Таллине.

Как было указано выше, свидетель Никифорова рассказала, что Величкина приходила к ней вместе с Фитиной. На очной ставке с Никифоровой Величкина категорически отрицала этот факт и продолжала утверждать, что не была знакома с Фитиной и прописана на ее жилплощади Терлецкой.

Соседка Фитиной Бец рассказала на допросе, что в день приезда Величкиной в Ленинград, в марте 1946 года, она забрала у нее из комнаты свою кровать, которую раньше давала на время Фитиной. Однако Бец сказала, что в то время она уже хорошо знала Величкину, ибо она до этого жила некоторое время вместе с Фитиной.

Лица, которым Величкина адресовала письма из тюрьмы, не подтвердили ее показаний. На очной ставке с Величкиной они отрицали эти факты. Несмотря на это, Величкина упорно продолжала говорить, что не знала Фитину.

Детальная проверка тех показаний Величкиной, где она рассказывала об убийстве Фитиной, говорила о том, что преступление совершено ею. Детали убийства, рассказанные тогда Величкиной, тщательно записанные работником милиции, очень помогли в работе по изобличению обвиняемой. Путем допроса понятых, ранее участвовавших при осмотре, я точно установил место на кухне, где, по словам Величкиной, была убита Фитина.

Собрав все эти факты, я стал готовиться к решающему допросу Величкиной. При подготовке к допросу были еще раз изучены все показания Величкиной и отмечены все противоречия в них. Формулируя вопросы, которые следовало задать Величкиной, я старался предусмотреть возможные варианты ее ответов и в зависимости от этого намечал формулировку последующих вопросов.

Ответы Величкиной на мои вопросы записывались дословно. Будучи не в состоянии ответить на ряд вопросов и объяснить некоторые факты, Величкина давала явно абсурдные показания, противоречащие материалам дела.

Из этого допроса я приведу только два примера: когда Величкиной был задан вопрос, почему она, подробно рассказав о содержании писем, потом заявила, что ничего об этом не знает, — Величкина ответила, что во время допроса 14 августа работник милиции... ознакомил ее

с содержанием этих писем. Однако к этому ответу я был подготовлен и предъявил Величкиной конверт, в котором отец Фитиной вернул по запросу милиции письма «В. Васильевой» (написанные Величкиной совместно с Терлецкой). Почтовый штемпель на этом конверте неопровержимо доказывал, что, допрашивая Величкину, работник милиции еще не мог знать о содержании указанных писем «В. Васильевой» и не мог, следовательно, ознакомить 14 августа Величкину с их содержанием. Это поняла и Величкина. Не сумев придумать чего-либо более убедительного, она заявила, что 14 августа дала показания о содержании писем на основании своего... предположения.

Важно отметить, что в письмах был указан обратный адрес Величкиной и даты писем совпадали с датами командировок Величкиной в Ленинград.

Величкиной был поставлен вопрос, почему совпадает место обнаружения крови на кухне с ее показаниями о месте убийства Фитиной? Обвиняемая ответила, что в комнате низкий потолок и надо ходить согнувшись и поэтому она сказала, что убила Фитину на кухне, так как иначе ей бы не поверили. Когда ответ Величкиной был записан, ей был предъявлен масштабный план комнаты, из которого было видно, что высота потолка выше двух метров. После этого Величкина заявила, что она не может объяснить, почему совпали указанные ею место убийства и место обнаружения крови.

Совокупность всех улик против Величкиной позволила сделать вывод о ее виновности. Между тем до конца следствия обвиняемая продолжала упорно отрицать даже факты производства абортов, хотя ее изобличал в этом ряд свидетелей.

Характерно, что, уже находясь на скамье подсудимых, Величкина заявила, что Фитина была убита в комнате, где они совместно проживали, но не ею лично, а неизвестным ей мужчиной в ее присутствии.

Городской суд, признав достаточными доказательства, собранные на предварительном следствии, признал Величкину виновной в убийстве Фитиной.

Величкина и Терлецкая осуждены к длительным срокам лишения свободы: Величкина по ст. 136 «а» и ч. 3 ст. 140 УК РСФСР, а Терлецкая по ст. ст. 17 и 136 «а» УК РСФСР.

Народный следователь прокуратуры
Подволочисского района
Тернопольской области УССР
младший юрист
П. А. КАЗМИРУК

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА

8 января 1953 г., прибыв из командировки, я узнал, что в ночь с 5 на 6 января в нашем районе совершено убийство гр-ки Городецкой. В тот же день я получил указание прокурора принять участие в расследовании этого преступления. Следствие до моего приезда велось органами милиции. Преступники установлены пока не были.

Как было видно из материалов, уже собранных по делу, 6 января в отделение милиции пришел житель села Заднишевка Подволочисского района Мацепа и рассказал, что неизвестными преступниками убита его соседка Анна Городецкая. Сообщив о заявлении Мацепы в районную прокуратуру, работники милиции немедленно выехали на место происшествия. Одновременно с ними на место происшествия выехал прокурор района.

При осмотре было установлено, что усадьба Городецкой расположена несколько в стороне от села Заднишевка. В 3 метрах от дома проходила тропа, ведущая из Подволочиска в село Мыслово. В 15 метрах от дома Городецкой тропинка пересекалась небольшим ручьем. Мостик, служивший в качестве переправы через ручей,

был разрушен и несколько в стороне от него временно перекинут ствол березы, по которому переходили пешеходы. Кроме дома с пристройкой, во дворе был еще сарай. В этом сарае на расстоянии полутора метров от входной двери и был обнаружен труп Городецкой. Одежда трупа была запачкана в крови и глине. Обувь на правой ноге отсутствовала, левая нога была обута в валенок с резиновой галошей. Второй валенок лежал у входа в сарай. На голове убитой был надет клетчатый платок, обильно смоченный кровью. Земля возле головы трупа оказалась пропитанной кровью (см. фото №№ 1, 2).

Тут же в сарае в 80 см от трупа около стены стоял топор, на рукоятке которого имелось два кровяных пятна и несколько нечетких отпечатков пальцев. От места обнаружения трупа через двор тянулись следы волочения. Следы обрывались возле дома — около большой лужи крови, прикрытой дверью сарая, снятой с петель. Судя по имевшимся в следах потекам крови и их местоположению, они могли образоваться при перетаскивании трупа.

Обращало на себя внимание, что окно жилой комнаты, выходившее на улицу, было завешено черной шалью. На маленьком столике стояла лампа без керосина, с обгоревшим фитилем. На обеденном столе находились чистый стакан, кувшин молока и нарезанный кусками черный хлеб.

Крышка сундука была открыта. Дверца шкафа с одеждой — распахнута настежь. По словам понятых — соседей Городецкой, в доме нехватало наиболее ценных вещей, главным образом из предметов одежды.

Никаких следов преступника при осмотре помещения обнаружено не было.

По данным судебно-медицинского исследования трупа, смерть Городецкой наступила от обширных повреждений черепа, нанесенных острорубящим предметом, по всей вероятности, топором.

Путем допроса свидетелей — соседей и родственников убитой — органам дознания удалось собрать сведения о ее образе жизни.

На протяжении последних лет Городецкая жила в доме одна. Муж ее умер, а сын работал на шахте в Донбассе. Городецкая имела свое хозяйство и продавала на рынке молоко, творог и другие продукты. Незадолго

Фото № 1.

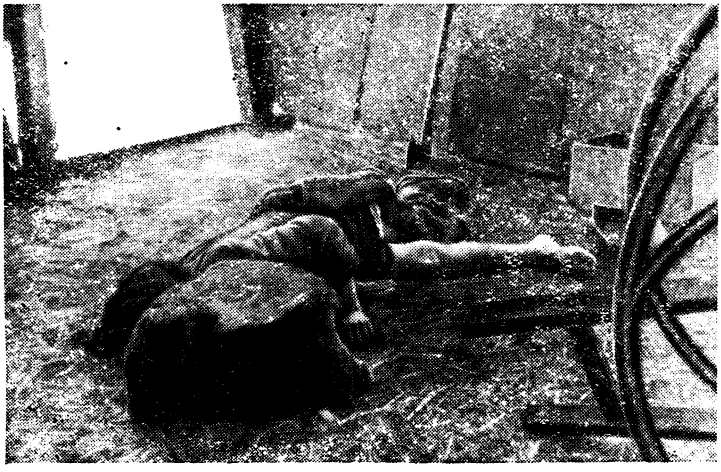

Фото № 2.
Снимки трупа Городецкой, сделанные на месте убийства.

(Снимки трупа Городецкой сделаны с нарушением правил оперативной фотографии. В данном случае кроме фотосъемки с противоположных сторон необходимо было сфотографировать крупным планом голову так, чтобы были видны имевшиеся на ней повреждения. – Ред.)

до убийства она рассказывала своим знакомым, что сын прислал ей денег. Кроме того, около 300 руб. у нее осталось от продажи свиньи. На эти деньги она собиралась запасти на зиму дров и корм для скотины.

Особенно важным мне показалось одно обстоятельство, о котором я узнал из показаний свидетеля Промович, жившего неподалеку от Городецкой. Дня за три до убийства Промович заметил, что, несмотря на поздний час, свет в доме у Городецкой не погашен. Зная, что спать Городецкая ложится обычно очень рано, Промович удивился этому и на следующий день при встрече с нею поинтересовался, почему у нее вечером так долго горел свет.

Городецкая объяснила, что вчера к ней заходил какой-то мужчина, проживающий, по его словам, у них в селе. Его фамилии и имени Городецкая не знала. Незнакомый просил продать ему муку, но когда Городецкая согласилась и назвала цену, по которой мука обычно продавалась на рынке, он заявил, что отложит покупку, так как для него это слишком дорого.

После разговора о муке незнакомец остался в доме и долго сидел, разговаривая с Городецкой, несмотря на то, что было уже поздно и ей хотелось спать. В начале разговора Городецкая пожаловалась, что ей до сих пор еще не удалось запасти жома[1] для коровы. Узнав об этом, ее собеседник заметил, что он может достать и привезти для нее несколько тачек жома. Городецкая с радостью согласилась на это, и они условились, что жом будет доставлен в ближайшее время.

Из сопоставления всех фактов, установленных при осмотре места происшествия и из изучения показаний первоначально допрошенных свидетелей, у меня сложилась предварительная версия об обстоятельствах преступления.

Преступник, а возможно, их было и несколько, действовал по заранее продуманному и подготовленному плану. С целью выяснения обстановки в квартире Городецкой и выбора наиболее подходящего предлога для проникновения в дом преступник за несколько дней до

---

[1] Жом — побочный продукт, получающийся при свекольно-сахарном производстве. Имеет широкое распространение в качестве корма для скота на Украине.

убийства приходил к Городецкой, завязал с нею разговор и пообещал продать жом. Поскольку о часе, когда он обещал привести жом, условлено не было, его приход был для Городецкой неожиданным: она собиралась ужинать. Оставив на столе приготовленное для ужина, Городецкая вышла во двор, чтобы подготовить все к приему жома. Главное, что требовалось сделать, — это устроить для тачки переправу через ручей, протекающий недалеко от дома.

Как выяснилось из допроса соседей, с тех пор как разрушен мост через ручей, Городецкая для переправы тачек перебрасывала через ручей дверь от сарая. Судя по снятой с петель двери сарая, так она намеревалась поступить и в этот раз. Возможно, что под видом оказания помощи Городецкой преступник взял топор и снял дверь с петель. Из того, что дверь к моменту осмотра лежала на луже с кровью, можно было предположить, что преступник нанес удар Городецкой, когда она несла дверь сарая к воротам.

Оставить труп во дворе и заняться сразу же ограблением убийца, видимо, считал опасным, так как кто-нибудь из соседей, проходя мимо, мог увидеть убитую. Из этих соображений труп был перетащен в сарай. Об этом можно было судить по следам волочения, протянувшимся от одной лужи крови (место убийства) к другой, обнаруженной в сарае (место, где труп был оставлен), а также по состоянию одежды убитой, по отсутствию одного валенка, свалившегося при волочении, по остаткам снега и глины на одежде. Проникнув в дом, преступник занавесил окно шалью, чтобы с улицы нельзя было его увидеть, и начал собирать наиболее ценные вещи.

Таким образом, мотивы и основные обстоятельства совершения преступления рисовались довольно ясно.

Из беседы с оперуполномоченным милиции я выяснил, что по оперативным данным работниками уголовного розыска задержан некий Любар, подозреваемый в совершении преступления.

В село Заднишевка Любар приехал недели за три до убийства Городецкой. До этого он жил в Тернополе и работал в Тернопольской тюрьме, откуда был уволен за самовольные отлучки и пьянство. В селе Заднишевка Любар поселился у своей жены. Рассказывая об обстоятельствах ареста подозреваемого Любара, оперуполномо-

ченный отметил, что при выходе из квартиры Любар пытался незаметно выбросить из кармана какой-то пакет. Это заметил конвоир. Пакет был изъят и находился в милиции.

При рассмотрении содержимого пакета я выяснил, что в нем находятся облигации на сумму 450 руб. и железнодорожная квитанция на багаж, сданный на хранение. На облигациях не было никаких пометок. Квитанция за № 371580 была датирована 6 января 1953 г. и имела подпись кладовщика. Сданные на хранение вещи были оценены в 700 руб.

Возник вопрос, не мог ли Любар, ограбив Городецкую, упаковать ее вещи и сдать в камеру хранения? На эту мысль невольно наводила дата на квитанции, совпадающая с датой убийства. Выяснением этого вопроса я занялся в первую очередь. Чтобы установить, на чье имя была выдана квитанция, надо было иметь в своем распоряжении корешок квитанции, в котором указывается фамилия человека, сдававшего багаж, и номер документа, предъявленного при этом.

Через управление железной дороги я выяснил, что квитанция № 371580 могла быть выдана камерой хранения ручного багажа станции Тернополь.

На возможность сдачи Любаром вещей в Тернополе указывало то, что двое из допрошенных мною жителей села Заднишевка, ехавшие в Тернополь, рано утром видели Любара с двумя товарищами в вокзальном буфете. Заметив приехавших односельчан, Любар подошел к ним и поздоровался. На вопрос, что они здесь делают рано утром, Любар ответил, что они приехали еще вчера по делу и ночевали здесь.

В камере хранения Тернополя, куда в тот же день был послан работник милиции, в квитанционной книжке без особого труда был обнаружен корешок квитанции с соответствующим номером. В качестве лица, сдававшего багаж, в нем был указан Любар. Тут же был проставлен номер документа, предъявленного при сдаче вещей, — 777415.

За таким номером оказался военный билет Любара, изъятый у него при личном обыске.

Далее я проверил, не сдавались ли эти вещи предварительно в камеру хранения станции Подволочиск, ближайшую к селу Заднишевка. Оказалось, что в 4 часа

утра 6 января 1953 г. Любаром был сдан на хранение мешок с вещами, который был взят из камеры перед отходом поезда на Тернополь. На корешке квитанции значился номер того же документа, что и на первой квитанции.

В мешке, изъятом мною из камеры хранения Тернополя, оказались предметы одежды, патефон и часы.

При предъявлении этих вещей родственникам и соседям Городецкой последние опознали их как вещи, принадлежавшие убитой. Оговорюсь, что лица, опознавшие вещи, были предварительно допрошены мною относительно того, какие из наиболее ценных вещей имелись у Городецкой и каковы их приметы. Совпадение этих примет с признаками вещей, найденных в мешке, исключало какое бы то ни было сомнение в принадлежности их Городецкой.

Вскоре мне удалось также установить принадлежность Городецкой и облигаций, найденных в пакете. Путем допросов лиц, хорошо знавших образ жизни и привычки Городецкой, я выяснил, что она была малограмотна и для проверки выигрышей по облигациям обращалась обычно к одной из своих соседок — Вере Цимбалист. Незадолго до убийства Городецкой Цимбалист проверяла ей облигации за 1951 год и помнила, что среди них было три облигации по 10 руб. с номерами, оканчивающимися на цифры 58, 59 и 60, и две облигации по 50 руб.

При рассмотрении облигаций, имевшихся в пакете, было установлено, что три из них десятирублевого достоинства имели серии 092458, 092459 и 092460. Такое совпадение хотя и не свидетельствовало с несомненностью о принадлежности облигаций Городецкой, однако делало такое предположение очень вероятным.

Располагая такими сведениями, я приступил к повторному допросу Любара, который до этого уверял, что не имеет никакого отношения к квитанциям и облигациям.

Под давлением собранных улик Любар был вынужден признать факт сдачи мешка с вещами в камеру хранения. Но при этом он заявил, что получил мешок вместе с облигациями от своего родственника Пальчука, который просил его сдать вещи на хранение в Тернополь, узнав, что Любар туда собирается ехать.

При допросе Пальчука последний категорически отри-

цал какую бы то ни было причастность к преступлению и к факту передачи мешка с вещами и облигаций Любару. Эти показания он подтвердил и на очной ставке с Любаром, которую я произвел в тот же день. Любар на очной ставке заметно волновался, путал показания, но все же настаивал на своем, утверждая, что получил облигации и мешок от Пальчука.

В целях проверки показаний Пальчука мною были допрошены лица, в доме которых Пальчук находился в ночь на 6 января, а также родственники Пальчука, на которых он ссылался в подтверждение своего алиби. Свидетелями алиби Пальчука подтверждалось. Сомневаться в правильности их показаний не было оснований, тем более, что они совпадали в таких мелких деталях, договориться о которых заранее было трудно.

Узнав о том, что материалами дела непричастность к преступлению Пальчука доказана и настаивать на выдуманной им истории с передачей мешка и облигаций бессмысленно, Любар признался в совершении убийства и ограблении Городецкой. Однако и при этом он пытался направить следствие на ложный путь, оговаривая в соучастии то одного, то другого из своих знакомых, на которых перекладывал всю тяжесть совершения преступления.

Поскольку все это были люди, с которыми Любара видели поздно ночью 5 января в селе Задвишевка или рано утром 6 января в Тернополе, каждое из заявлений Любара казалось на первый взгляд вполне правдоподобным и подлежало тщательной проверке.

Для этой работы, также как и для всего расследования по данному делу, положительную роль сыграло то, что все действия проводились совместными усилиями прокуратуры и органов милиции. К расследованию были привлечены почти все работники уголовного розыска.

Все это позволило в короткий срок собрать достаточно данных, исключавших возможность участия в преступлении всех лиц, на которых указывал Любар. Поняв, что запутать органы следствия ему не удастся, Любар сознался, что убийство и ограбление совершил он один, причем подробно рассказал все обстоятельства совершения преступления. Показания Любара соответствовали всем данным, установлен-

ным при осмотре места происшествия. Для их проверки был произведен повторный осмотр места убийства. При этом Любар показал, где именно он нанес Городецкой удар топором, путь, по которому он тащил труп, место в сарае, где труп был им оставлен.

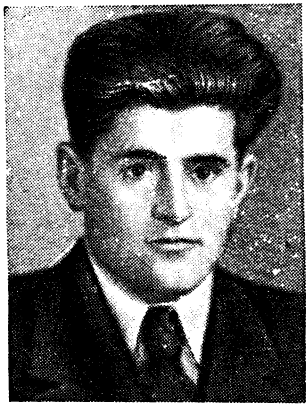
Кроме того, в целях подтверждения факта совершения ограбления Любаром мы предложили ему перечислить и затем опознать вещи, взятые им у Городецкой. Перед опознанием в мешок с предметами одежды, принадлежавшими убитой, мы положили также два пиджака, пальто и фуфайку, принадлежащие посторонним гражданам. Когда мешок был предъявлен Любару, он вытряхнул содержимое на стол и быстро отложил в сторону вещи Городецкой. В отношении вложенных нами четырех предметов Любар заявил, что он их у Городецкой не брал и вообще никогда не видел. Опознание я произвел в присутствии понятых и оформил соответствующим протоколом.

Дактилоскопическая экспертиза отпечатков, обнаруженных на топоре, не оказала пользы следствию, так как следы пальцев оказались непригодными для идентификации.

Однако собранные по делу данные достаточно убедительно доказывали виновность Любара.

В процессе судебного разбирательства Любар своих показаний не изменил и полностью признал себя виновным в убийстве и ограблении Городецкой.

По ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и ст. 138 «а» УК УССР народный суд приговорил Любара к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 20 лет.

Прокурор Эчмиадзинского района
Армянской ССР
юрист 2-го класса
С. А. ЧОБАНЯН

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ

3 января 1951 г. в прокуратуру Алавердского района поступило сообщение о том, что проживавший в с. Лорут Аршак Хачикян покончил жизнь самоубийством путем самоповешения.

Село Лорут находится в 60 км от районного центра, и в тот день прокурор района лично не смог выехать для осмотра места происшествия. В то время я работал в этом районе следователем, но находился в командировке, почему проверка сообщения о самоубийстве Аршака Хачикяна была произведена работниками районного отдела милиции.

Старший оперуполномоченный милиции, составив протокол осмотра места происшествия и приобщив к делу акт вскрытия трупа, составленный местным врачом, и объяснения жены и родственников умершего об обстоятельствах обнаружения ими трупа, уголовного дела не возбудил, а материал проверки сдал в архив, исходя из того, что А. Хачикян покончил жизнь самоубийством. В связи с этим же милиция разрешила произвести похороны умершего.

Узнав об этом происшествии по возвращении из командировки, я познакомился с материалами проверки и усомнился в правильности выводов работников милиции о самоубийстве Хачикяна.

Известно, что основным признаком, характеризующим смерть от повешения, является отпечаток петли на шее (странгуляционная борозда). От других видов смерти самоповешение отличают по наличию и расположению странгуляционной борозды, а также по особенностям трупных пятен (характеру, месторасположению и свойствам).

Между тем в акте судебно-медицинского осмотра трупа Хачикяна не было никаких указаний на наличие на шее умершего странгуляционной борозды, а в протоколе осмотра места происшествия только указано что «вся окружность шеи шириной $1^1/_2$ см темносиневатого цвета, образовавшегося от круглого предмета». Судить о том, являлись ли эти следы на шее Хачикяна странгуляционной бороздой и каков характер и происхождение последней, по материалам дела было невозможно.

Помимо этих сомнений о причинах смерти А. Хачикяна были и другие.

Так, в акте судебно-медицинского осмотра трупа указано, что на теле умершего имеются хорошо выраженные синеватые линии, идущие от шеи до нижних конечностей. Если производившим осмотр трупа врачом синеватыми линиями были названы трупные пятна, то ошибочность выводов о самоубийстве Хачикяна становилась почти очевидной. Указанное расположение трупных пятен при наличии заявления Манишак Хачикян (жены умершего), что труп был обнаружен утром, а исчез Аршак Хачикян еще накануне вечером, могло свидетельствовать лишь об убийстве, а не самоповешении, при котором после длительного нахождения трупа в петле трупные пятна образуются не на всем теле, а лишь в его нижних частях.

Кроме того, в том же протоколе осмотра места происшествия было отмечено, что в 63 см от места закрепления веревки, на которой по объяснению жены и родственников умершего повесился Хачикян, на балке, покрытой сажей, имелись свежие следы пальцев правой руки, тогда как руки погиб-

шего были чистыми. Эта на первый взгляд незначительная деталь еще более укрепляла во мне мысль о том, что А. Хачикян мог быть убит, а затем в целях сокрытия преступления — повешен.

Для разрешения возникших сомнений о причинах смерти Хачикяна с санкции районного прокурора я 12 января 1951 г. возбудил уголовное дело и в первую очередь решил произвести эксгумацию трупа и более тщательный осмотр его, а также получить квалифицированное судебно-медицинское заключение о причинах смерти.

После похорон Хачикяна прошла лишь одна неделя. Не теряя времени, я вместе с судебно-медицинским экспертом выехал в с. Лорут и произвел эксгумацию трупа А. Хачикяна. При осмотре трупа после эксгумации оказалось, что над левым ухом ближе к лобной части головы А. Хачикяна имеется кровоподтек круглой формы, величиной $2^1/_2 \times 3$ см, вокруг которого расположены более мелкие кровоподтеки, округлой формы, диаметром до $2^1/_2$ см.

После снятия кожного покрова в той части головы, где имелись кровоподтеки, соответственно расположению кровоподтеков под кожей оказались кровоизлияния в ткани.

В нижней части шеи над грудной клеткой, а также по ходу ключицы в сторону правого плечевого сустава на правой половине груди и шее при осмотре обнаружено несколько кровоподтеков округлой формы, диаметром от 3 до 3,5 см.

В подкожной жировой клетчатке шеи и груди также были обнаружены кровоподтеки, аналогичные по контурам надкожным кровоподтекам в тех же частях тела.

С левой стороны от мочки ушной раковины обнаружена странгуляционная борозда шириною 2 мм, заканчивающаяся на уровне уха у нижней челюсти, в углу, приблизительно в горизонтальном направлении.

Со стороны шеи, начиная с угла нижней части правого уха, еле заметна странгуляционная борозда.

Обнаруженные в результате осмотра после эксгумации трупа на теле Хачикяна следы убедили меня в том, что А. Хачикян не покончил жизнь самоубийством, а был кем-то убит. Эти выводы были полностью подтверждены главным су-

дебно-медицинским экспертом Армянской ССР, который после ознакомления с актами осмотра и вскрытия трупа, составленными местным врачом, а также протоколом эксгумации трупа Хачикяна и другими материалами дела пришел к заключению, что смерть А. Хачикяна наступила от острого кислородного голодания (асфиксии). Причиной асфиксии послужило сдавление шеи рукой.

Странгуляционная борозда образовалась вскоре после удавления рукой от стягивания шеи веревкой. Она сильнее выражена с левой стороны и слабее (бледнее) с правой вследствие того, что после наступления смерти Хачикяна его труп очень долго (свыше десяти часов) лежал на левом боку и потому трупные пятна, повлиявшие на интенсивность горизонтально расположенной странгуляционной борозды, образовались только в левой половине тела.

Резюмируя свое заключение, эксперт указал, что Хачикян первоначально был оглушен ударом в левовисочную лобную часть (чем и объясняется кровоизлияние в лобной части головы Хачикяна), а затем удавлен рукой, после чего шея его была стянута веревкой.

Таким образом, насильственный характер смерти Хачикяна не вызывал никаких сомнений. Мне предстояло установить наличие убийства и найти его убийц, о личности которых материалы дела не давали никакого представления.

Кто мог быть убийцей Хачикяна?

Судя по тому, что его сначала удавили, а затем пытались инсценировать самоповешение на чердаке его же собственного дома, едва ли это преступление могло быть совершено без участия близких ему людей.

Для того, чтобы определить, кто именно из членов семьи А. Хачикяна мог иметь отношение к его убийству, я решил прежде всего более детально установить отношение каждого из них к убитому и самому факту преступления. Кроме того, нужно было выяснить ближайшее окружение умершего и взаимоотношения его с каждым из близких, чтобы наметить возможные мотивы убийства. Убийцей мог быть прежде всего 25-летний сын убитого Сергей Хачикян, относившийся к отцу недружелюбно. Справиться с еще не потерявшим силы 53-летним

Аршаком Хачикяном мог только более сильный мужчина, а среди близких умершего других мужчин не было. Однако на первых порах не удавалось найти причины враждебного отношения сына к отцу и возможного мотива убийства им отца.

Дочь А. Хачикяна едва ли могла иметь какое-либо отношение к убийству, ибо по имевшимся у меня данным проверки она заботливо относилась к отцу. К тому же оказалось, что за три дня до смерти Аршака Хачикяна она вышла замуж и с мужем уехала из данного села. До обнаружения смерти отца она в село не приезжала.

Жена убитого, Манишак Хачикян, заявившая в сельский Совет о самоубийстве мужа, не справилась бы одна с ним.

Жена убитого рассказывала соседям и на допросе, что 2 января 1951 г. ее муж Аршак после ссоры с ней ушел из дома и больше домой не возвращался.

По показаниям Манишак Хачикян, утром следующего дня она вместе со своим сыном и пришедшей к ней сестрой Аршака — 14-летней Г. Степанян направилась домой к Степанян узнать, не приходил ли туда ее муж. При выходе из дома сестра Аршака Г. Степанян заметила на чердаке дома повешенного человека. Сергей Хачикян тут же поднялся на чердак и, увидев, что висит его отец, перерезал веревку, чтобы освободить отца, но он был уже мертв, и Манишак Хачикян заявила об этом в сельский Совет.

Сестра убитого Г. Степанян и его сын Сергей полностью подтвердили показания Манишак Хачикян об обстоятельствах обнаружения трупа. Тем не менее я продолжал собирать сведения о взаимоотношениях убитого с членами его семьи.

Фактов, указывающих на неприязненные отношения с кем-либо из родственников или знакомых, расследованием не было добыто.

В этой стадии расследования мною была допущена ошибка, которая причинила мне немало хлопот.

Совпадение объяснений Г. Степанян и Сергея Хачикяна об обстоятельствах смерти Аршака Хачикяна создало у меня впечатление о правдивости их показаний. Отказавшись от проверки этих объяснений путем следственного эксперимента, я десять дней потратил на допросы свидетелей, прежде чем получил некоторые дан-

ные, свидетельствовавшие о необъективности показаний Г. Степанян и Сергея Хачикяна. Между тем достаточно было выяснить при допросе Г. Степанян и Сергея Хачикяна, с какого места по отношению к входной двери дома они видели на чердаке труп, чтобы путем следственного эксперимента уличить их в неправдивости показаний. Дело в том, что труп на чердаке, как я установил, можно было видеть лишь с улицы со стороны дороги, а не со двора от входной двери в дом, как это показывали Г. Степанян и Сергей Хачикян.

Следствие установило хорошие взаимоотношения между убитым и Г. Степанян. Поэтому вряд ли можно было допустить, чтобы она могла принимать участие в убийстве своего брата. Становилось очевидным, что неправдивые показания относительно обстоятельств обнаружения трупа Г. Степанян давала в интересах других лиц. Она, следовательно, скорее остальных могла сознаться, почему ею были даны неправильные показания. Ввиду этого решено было передопросить ее первой.

Готовясь к повторному допросу Г. Степанян, я более тщательно выяснил отношение к убитому его жены и сына, ибо мне казалось, что именно в их интересах Г. Степанян могла дать следствию неправдивые показания.

Следствием было установлено, что сын убитого — Сергей Хачикян в течение пяти лет не жил в семье. Затем возвратившись домой за пять месяцев до убийства отца, он относился к нему по меньшей мере безразлично. Жена же убитого прекратила с Аршаком супружеские отношения и около трех лет находилась в интимной связи с работником колхоза С. Меликяном. Последний, чтобы иметь возможность посещать по ночам жену Аршака Хачикяна, являвшегося рядовым колхозником, отправлял его на пастбище для охраны колхозного скота и в его отсутствие по ночам навещал Манишак Хачикян.

Относясь с уважением к своему отцу, дочь Хачикяна всегда ссорилась со своей матерью и протестовала против ночных посещений их дома С. Меликяном.

Располагая такими сведениями о взаимоотношениях в семье Хачикяна, я приступил к повторному допросу Г. Степанян. Последняя, будучи уличена во лжи и чувствуя хорошую осведомленность следователя о ненор-

мальных взаимоотношениях в семье ее убитого брата, после длительного запирательства созналась в том, что говорила прежде неправду. Она сообщила, что когда утром 3 января 1951 г. пришла в дом брата, то Манишак Хачикян уговорила ее показать на допросе, будто она первая увидела на чердаке дома повешенного и сообщила об этом Манишак и Сергею Хачикяну и будто последний в ее присутствии взял нож и, поднявшись на чердак, перерезал веревку, на котором повесился Аршак Хачикян. При этом Г. Степанян заявила, что в действительности все это — выдумка Манишак Хачикян, а повешенного она не видела и веревку в ее присутствии никто не резал. За дачу ложных показаний Манишак Хачикян обещала купить ей и ее брату ботинки.

Эти показания Г. Степанян мною немедленно были использованы при повторном допросе Сергея Хачикяна. Последний, однако, настаивал на правдивости своих прежних объяснений и лишь на очной ставке с Г. Степанян признал, что он не видел своего отца повешенным на чердаке, веревку не резал, а показания об этом давал по просьбе своей матери, не зная, как и кем было совершено убийство его отца.

При повторном допросе Манишак Хачикян я использовал показания ее дочери, подробно рассказавшей о характере взаимоотношений матери с С. Меликяном. Но Манишак попрежнему отрицала интимную связь с С. Меликяном и свое неприязненное отношение к мужу. Очная ставка между М. Хачикян и уличавшей ее Г. Степанян также не дала никаких результатов. М. Хачикян оспаривала правильность показаний Г. Степанян. Когда же на очной ставке ее стал изобличать и сын Сергей Хачикян, она заколебалась и под тяжестью установленных следствием доказательств против нее созналась в убийстве мужа. С 1946 года она действительно находилась в интимной связи с С. Меликяном. О ее близких отношениях с ним стало известно Аршаку Хачикяну. В связи с этим 2 января 1951 г. она поссорилась с мужем и при встрече с С. Меликяном рассказала ему об этом. Последний, пообещав поговорить с ее мужем, около 9 часов вечера того же дня направился в дом А. Хачикяна. Стремясь предотвратить встречу С. Меликяна с мужем, М. Хачикян остановила Меликяна во дворе и уговорила подняться на чердак,

пообещав скоро прийти к нему. Сама же она возвратилась в дом. Спустя несколько минут она сказала мужу, что уходит по делам, но на самом деле направилась на чердак к С. Меликяну.

Их разговор услышал Аршак Хачикян и также поднялся на чердак.

Первоначально С. Меликян спрятался на чердаке, но услышав, что А. Хачикян допытывался у жены, почему она в такое позднее время находится на чердаке и с кем разговаривала, С. Меликян вышел из своего укрытия.

Аршак Хачикян узнал С. Меликяна и стал ругать его. Тогда С. Меликян нанес А. Хачикяну сильный удар по голове, от которого тот упал, а С. Меликян навалился на А. Хачикяна и стал душить его за горло. Помогая С. Меликяну, Манишак Хачикян держала своего мужа за руки, чтобы он не оставил на Меликяне каких-либо следов сопротивления.

Далее М. Хачикян рассказала, что их разговор и борьбу на чердаке услышал возвращавшийся с собрания племянник С. Меликяна — Гарник Меликян и окликнул ее. Узнав племянника по голосу, С. Меликян позвал его на чердак и просил помочь скрыть следы преступления. Обругав своего дядю, Г. Меликян попросил у М. Хачикян веревку, разрезал ее пополам и привязал один конец ее петлей за шею убитого, а второй — за верхнюю балку чердака. Оставляя в таком положении убитого на чердаке, С. Меликян и его племянник научили Манишак Хачикян подговорить своего сына и еще кого-нибудь, чтобы они на утро распространили слухи, будто Аршак Хачикян покончил жизнь самоубийством. Веревку, на которой он повесился, обрезала сама Манишак Хачикян, но рассказывала всем, что обрезал веревку сын Сергей.

Манишак Хачикян под влиянием обоих Меликян уговорила сына и Г. Степанян, чтобы они в подтверждение ее заявления о самоубийстве А. Хачикяна дали следственным органам ложные показания.

Признание М. Хачикян соответствовало уже установленным следствием фактам, в частности, результатам осмотра места происшествия и трупа убитого до и после эксгумации, заключению судебно-медицинской экспертизы, показаниям свидетелей о взаимоотношениях в семье Хачикян и об интимной связи М. Хачикян с С. Меликяном.

Однако, учтя допущенную мною ошибку с проверкой показаний Г. Степанян и С. Хачикяна, я решил безотлагательно проверить показания М. Хачикян.

Для этого мною были осуществлены два следственных эксперимента.

Первым из них было установлено, что в комнате дома Хачикян ясно слышны происходящие на чердаке разговоры и потому Аршак Хачикян мог слышать разговор своей жены с С. Меликяном на чердаке своего дома и отправиться туда для объяснений.

Вторым экспериментом удалось установить, что разговоры и шум борьбы на чердаке хорошо слышны на улице и потому Г. Меликян, проходивший мимо дома Хачикян, мог слышать необычный шум и разговоры на чердаке дома Хачикян во время убийства.

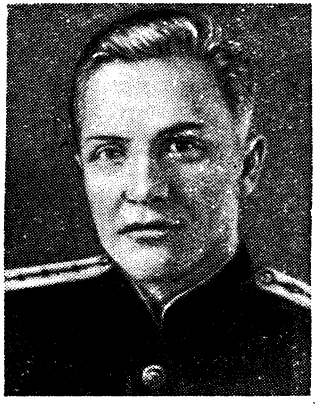
На очной ставке с С. Меликяном и Г. Меликяном Манишак Хачикян подтвердила свои показания.

С. Меликян признал, что несколько лет находился в интимных отношениях с женой А. Хачикяна. Свое участие в его убийстве он категорически отрицал, утверждая, что вечером 2 января допоздна находился на собрании, а затем вместе с колхозниками ушел домой. Но колхозники, на которых ссылался С. Меликян, не подтвердили его алиби, заявив, что он не присутствовал на происходившем собрании и вечером 2 января они его не видели.

Показания Манишак Хачикян об обстоятельствах убийства А. Хачикяна и инсценировке самоубийства при рассмотрении дела в судебном заседании были полностью подтверждены и положены судом в основу обвинительного приговора.

Верховным судом Армянской ССР признаны виновными по ст. 162 «а» УК Армянской ССР (соответствует ст. 136 «а» УК РСФСР) и осуждены: С. Меликян к десяти годам лишения свободы, а Манишак Хачикян к восьми годам лишения свободы. Гарник Меликян судом был оправдан за недоказанностью обвинения.

В отношении Сергея Хачикяна и Г. Степанян (сестры убитого) не было возбуждено уголовное преследование по тем мотивам, что они первоначально давали ложные показания под влиянием Манишак Хачикян, но затем дали следствию правдивые показания, способствовавшие раскрытию преступления.

Народный следователь прокуратуры
Юхновского района
Калужской области
юрист 3-го класса
П. Я. СУЛИМОВ[1]

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР — ЗАЛОГ УСПЕШНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

17 марта 1952 г. в 7 часов утра группа школьников обнаружила на дороге между деревнями Пречистое и Ольхи труп женщины в возрасте около 60 лет. Жители деревни Ольхи опознали в нем свою односельчанку Кузьмичеву.

Вместе с оперативными работниками милиции я выехал на место происшествия, захватив с собой следственный чемодан.

Прежде всего я сфотографировал место обнаружения трупа.

В связи с сильным бураном отыскать какие-либо следы ног или транспорта не представилось возможным.

На голове трупа в височной части имелось несколько ран, вокруг которых виднелись незначительные следы крови. Одежда убитой была сильно испачкана кровью. Под трупом же следов крови не оказалось. Это говорило о том, что Кузьмичеву убили где-то в другом месте,

[1] В настоящее время т. П. Я. Сулимов работает прокурором Барятинского района Калужской области.

а труп вывезли и бросили на дороге с целью сокрытия следов преступления.

После тщательного осмотра на месте труп был направлен в морг Юхновской больницы для судебно-медицинского вскрытия. Судебно-медицинскому эксперту я предложил произвести исследование трупа. Мы же направились к дому, где проживала Кузьмичева. Здесь, особенно около входных дверей, намело много снега и никаких следов также обнаружено не было.

В дужке висячего замка наружной двери дома был вставлен кусок проволоки, длиной около 4 см. Это обстоятельство мною было описано в протоколе осмотра. Замок и проволоку я изъял.

При тщательном осмотре жилой части дома Кузьмичевой на полу были обнаружены следы крови. Это обстоятельство подкрепляло мое предположение о том, что убийство Кузьмичевой совершено не там, где обнаружили труп.

Осматривая вещи, имевшиеся в квартире, я заметил на ламповом стекле пальцевые отпечатки, которые были мною опылены и сняты на дактилоскопическую пленку.

Каких-либо иных следов и вещественных доказательств осмотром обнаружено не было.

Чтобы установить наличие крови, ее видовую и групповую принадлежность, я изъял куски половиц со следами, подозрительными на кровь, запаковал их в листы белой бумаги и направил в судебно-медицинскую лабораторию.

18 марта труп Кузьмичевой был вскрыт. По заключению судебно-медицинского эксперта, смерть Кузьмичевой наступила от острого кровотечения в результате перелома костей основания черепа и повреждения сосудов, имевших место, возможно, 17 или 16 марта 1952 г.

То, что я не присутствовал при вскрытии трупа, было, несомненно, моей ошибкой. Кроме того, я совершил ошибку, не дав задания судебно-медицинскому эксперту определить группу крови Кузьмичевой. Это обстоятельство имело значение при установлении принадлежности крови, пятна которой были обнаружены на полу в комнате Кузьмичевой (в дальнейшем были обнаружены пятна крови и на одежде обвиняемой Родинской и на половике).

Кто же убил Кузьмичеву и с какой целью?

Опрошенные мною односельчане рассказали, что Кузьмичева проживала в доме одна. Единственный ее сын служит в Советской Армии. Родственников в деревне Ольхи у нее никого нет. В соседней деревне Плоское проживают ее близкие родственники. Жители деревни сообщили также, что Кузьмичева в течение длительного времени была в ссоре с соседкой Родинской, проживающей на той же улице.

В плане расследования были намечены три версии:

1. Убийство Кузьмичевой совершено посторонними лицами с целью ограбления.

2. Убийство совершено родственниками с целью завладеть в последующем имуществом Кузьмичевой.

3. Убийство совершено Родинской из мести.

Все три версии мною проверялись одновременно.

При проверке первой версии было установлено, что Кузьмичева получала пенсию, в колхозе она по возрасту не работала. В ее хозяйстве имелись две козы. Кроме того, она имела приусадебный участок. Сбережений и ценного имущества у Кузьмичевой не было. Это обстоятельство знали все жители деревни.

Последнее позволяло предполагать, что версия об убийстве с целью ограбления маловероятна, хотя проверка этой версии производилась наряду с другими.

Отпадала также и вторая версия, так как родственники, проживающие в деревне Плоское, связи с Кузьмичевой не поддерживали. Проверкой было установлено, что в день убийства Кузьмичевой, т. е. в ночь на 17 марта, все ее родственники находились дома. Против этой версии говорило и отсутствие ценного имущества у Кузьмичевой.

Проверяя взаимоотношения Кузьмичевой и Родинской, я установил, что они, начиная с 1942 года, часто ссорились. Родинская задолго до убийства Кузьмичевой ликвидировала свое хозяйство и намеревалась выехать из пределов района.

Допрошенная Родинская подтвердила, что действительно у нее с Кузьмичевой были враждебные взаимоотношения на почве того, что последняя говорила, будто она, Родинская, подожгла ее дом, воровала у нее дрова и т. п.

На вопрос, где она находилась в воскресенье 16 марта, т. е. накануне дня обнаружения трупа, Родинская

ответила, что ходила на рынок в село Щелканово и вернулась оттуда вечером. Об убийстве Кузьмичевой она будто бы узнала на второй день утром и смотреть убитую не пошла в связи с тем, что боится мертвых.

На вопрос, когда точно она вернулась с рынка и где была вечером 16 марта, Родинская дала сбивчивые показания и ссылалась на то, что ее в тот вечер видели супруги Чепенковы. Однако допрошенные мною муж и жена Чепенковы не подтвердили показаний Родинской.

Я решил задержать Родинскую, произвести осмотр ее одежды и сделать обыск в ее доме.

Совместно с судебно-медицинским экспертом я произвел осмотр одежды Родинской. На юбке и на рукаве фуфайки были обнаружены темные пятна, похожие на кровь.

Родинская пояснила, что пятна, обнаруженные на ее одежде, являются кровью от забитых ею уток, которых она носила продавать на рынок.

Обыском, произведенным в доме Родинской, в печке удалось обнаружить остатки несгоревшего домотканного ковра-половика со следами темных пятен, похожих на кровь.

Был также обнаружен кусок проволоки, по толщине схожий с куском проволоки, обнаруженным в дужке замка дома Кузьмичевой.

Предметы, найденные в доме Родинской, были надлежащим образом описаны в протоколе, сфотографированы, изъяты и направлены на экспертизу.

Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что кровь, обнаруженная на одежде Родинской и на половике, изъятом из печи, принадлежит человеку.

Техническая экспертиза установила, что кусок проволоки, обнаруженный в доме Родинской, и кусок проволоки, обнаруженный в дужке замка на двери дома Кузьмичевой, сходны между собой по внешнему виду, по толщине и по химическому составу.

Дактилоскопическая экспертиза не сумела определить, кому принадлежат отпечатки пальцев, обнаруженные на ламповом стекле в доме Кузьмичевой. Мне надлежало направить на экспертизу самое стекло, запаковав его надлежащим образом, ибо при перенесении на пленку мною были смазаны пальцевые отпечатки. Эта моя ошибка имела серьезное значение, так как Родин-

ская, как это было впоследствии установлено, убирая комнату после убийства, зажигала лампу, оставив на стекле следы пальцев своей руки.

Под тяжестью собранных доказательств Родинская созналась в убийстве Кузьмичевой. Она показала, что из мести перед отъездом из деревни решила убить Кузьмичеву.

Вечером 16 марта 1952 г. она пришла в дом Кузьмичевой и нанесла ей дверным засовом удар по голове. Кузьмичева свалилась на пол. Ударами полена по голове Родинская добила Кузьмичеву. Ночью она вывезла труп на санках и бросила его на обочине дороги, думая, что возникнет предположение, будто Кузьмичева убита на дороге.

После этого Родинская пошла в дом Кузьмичевой и убрала квартиру. Закрыв первую дверь на замок, она ключи выбросила. Вторую же дверь из-за отсутствия ключа ей не удалось закрыть но, чтобы не выпал замок, она вставила в дужку замка кусочек проволоки, взятой из дому.

Дело было закончено следствием в 24 дня. По ст. 136 «а» УК РСФСР Родинская народным судом Юхновского района приговорена к десяти годам лишения свободы.

Приговор вступил в законную силу.

Народный следователь прокуратуры
Осипенковского района
Запорожской области
юрист 3-го класса
Б. Д. ЛОПАТИН

ВАЖНОСТЬ ТЩАТЕЛЬНОГО ОБЫСКА ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

2 марта 1952 г. группа детей из села Ново-Васильевка обнаружила на заливном лугу труп женщины. Об этом дети сразу же сообщили в сельсовет.

Работники сельсовета, приняв меры к охране трупа, поставили о случившемся в известность Осипенковское районное отделение МВД, откуда об убийстве сообщили мне. Взяв с собой следственный чемодан, я вместе с работниками милиции немедленно выехал на место происшествия.

Заливной луг, где дети обнаружили труп, расположен в низине между Ново-Васильевкой и деревней Старая Петровка. Труп находился на расстоянии 1,5 км от Ново-Васильевки. Лицо трупа было закрыто залитым кровью платком. Отвороты, воротник и рукава пальто также были в крови. Ноги у трупа были раздвинуты, а часть юбки и рубашка подняты до пояса. Рейтузы со следами крови были наполовину спущены. Кровяные пятна имелись и на нижнем крае рубашки.

Сняв платок с лица, мы увидели глубокую резаную рану на шее. Рана шла справа налево, она была длиной

в 9. см и шириной в средней части в 3 см. Трахея и пищевод были перерезаны.

В дальнейшем осмотром трупа было установлено, что на животе, ниже пупка, имеется кровяной мазок. Пятна крови были обнаружены и на правом и левом бедрах.

Рядом с трупом стояли две кошелки, в которых находились два головных платка, пустая бутылка, поллитра водки и шесть белых булочек.

Присутствовавший при осмотре милиционер опознал в трупе Доброносову Антонину Устиновну, которая работала на Первомайском заводе г. Осипенко, там же она и проживала в общежитии. Как пояснил милиционер, в деревне Старая Петровка у Доброносовой жили ее мать и отец.

Закончив осмотр трупа, я приступил к осмотру окружающей местности и на расстоянии 2,3 м от трупа по направлению к Старой Петровке нашел конфету в синей обертке с этикеткой «Пуншевая», изготовленную кондитерской фабрикой г. Запорожья. На расстоянии 5,2 м от трупа я обнаружил рассыпанную вермишель в количестве 20 штук. Однако в кошелках, находившихся рядом с трупом, вермишели и конфет не было.

На расстоянии 12 м от трупа, в сторону Ново-Васильевки, в луже воды я нашел перочинный нож.

Тут же на месте я тщательно осмотрел этот нож. На его лезвии были бурые пятна. Длина лезвия ножа была равна 8 см, ширина — 1,6 см, а длина рукоятки — 11,2 см. На рукоятке ножа имелся штамп артели «Метбытрем. Горький».

Пальцевых отпечатков на лезвии не оказалось.

Вермишель, нож и конфету я приобщил к делу в качестве вещественных доказательств.

Мною были сфотографированы общий вид места происшествия (см. фото № 1), труп (с четырех сторон и крупным планом), а также кровяные пятна на рубашке, рейтузах, бедрах и лобке убитой. Произвел я и детальную съемку раны на теле Доброносовой.

Фотосъемкой, кроме того, было запечатлено место обнаружения ножа и всех остальных вещественных доказательств. Съемка производилась с применением масштабной линейки (см. фото № 2).

Фото № 1. Общий вид места происшествия.

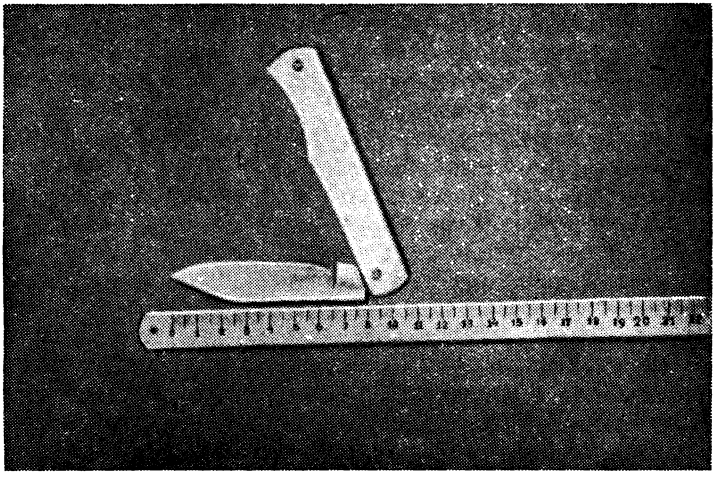

Фото № 2. Перочинный нож, обнаруженный около трупа Доброносовой.

Фотоснимки были приложены к протоколу осмотра. Кроме того, мною к протоколу осмотра был приобщен общий план места происшествия.

Поза трупа, расположение кровяных пятен на бедрах, животе, положение одежды трупа дали возможность говорить об имевшем место изнасиловании.

На месте происшествия собрались жители Ново-Васильевки, которые обсуждали случившееся. При этом выяснилось, что убитую видели, когда она проходила через село.

Допрошенные в помещении сельсовета жители Ново-Васильевки Вареник, Сапронова и Щербина показали, что в убитой они опознают женщину, которая 1 марта 1952 г. проходила через их село примерно часов в 11—11.30 утра вместе с неизвестным им гражданином, одетым в телогрейку, черные брюки, резиновые сапоги и серую меховую шапку.

Поскольку женщина и ее спутник проходили близко от них, они слышали как она разговаривала с ним в дружеском тоне и даже смеялась.

Мужчина и женщина пошли к заливному лугу, по направлению к Старой Петровке.

Ценное показание дал свидетель Жигула. В субботу 1 марта 1952 г., направляясь за топливом в степь, примерно в 11—12 часов дня он услышал крик женщины, который раздавался со стороны Ново-Васильевки. Крик повторился раза три. Когда же Жигула поднялся на возвышение, чтобы увидеть кричавшего, он ничего подозрительного не заметил.

Через работников сельсовета Старой Петровки я попытался выяснить, кто 1 марта вернулся домой из города.

Работники сельсовета сообщили мне, что 1 марта домой вернулся шофер Славский, работающий в пожарной команде г. Осипенко.

Кроме того, свидетели рассказали мне, что Славский, переходя через речку на заливном лугу, провалился в воду. В деревне по этому поводу были разговоры, в которых отмечалось, что Славский поступил опрометчиво, пойдя по этому пути, так как лед на реке начал подтаивать.

Вместе с работниками милиции я отправился на квартиру Славского для производства обыска. Прежде всего я принял меры к тому, чтобы Славский не имел возмож-

ности договориться с женой: они были помещены в разные комнаты.

Целью производства обыска было:

1. Обнаружение следов крови на одежде Славского и на нем самом.

2. Обнаружение орудия убийства, так как у меня к тому времени еще не было оснований предполагать, что убийство Доброносовой совершено тем именно ножом, который был обнаружен на месте происшествия.

3. Обнаружение вермишели и конфет «Пуншевая».

При производстве обыска я прежде всего обратил внимание на висевшие в кухне две пары хлопчатобумажных брюк, из которых одна пара была черного цвета. Висели там также кальсоны и рубашка. Жена Славского на мой вопрос, чье это белье, ответила, что оно принадлежит мужу, и объяснила, что накануне ее муж, возвращаясь домой из города, попал в воду и в связи с этим попросил постирать его вещи.

Мною все мокрые вещи были сразу же тщательно осмотрены, причем на кальсонах оказались плохо замытые пятна, напоминающие кровь.

В процессе обыска я спросил у Славского, в какой одежде он пришел из города. Славский сказал, что на нем были выстиранные кальсоны, две пары брюк, рубашка, телогрейка, резиновые сапоги и меховая шапка серого цвета. Все указанные Славским вещи, которые не были выстираны, я подверг внимательному осмотру.

Мне удалось обнаружить на светлосерой телогрейке пятна светлобурого цвета, напоминающие кровь: на воротнике два пятна; на правом рукаве одно размазанное пятно; на левом рукаве, по застроченной кромке разреза, мазки красноватого цвета. При этом весь левый рукав был влажен и издавал запах бензина.

В процессе производства обыска я обнаружил вермишель, среди которой имелись смоченные и ссохшиеся комочки. Около печки и под столом валялись две синего цвета обертки от конфет с этикеткой «Пуншевая», с маркой кондитерской фабрики г. Запорожье.

В кармане брюк Славского находился складной перочинный нож, при осмотре которого на нем тоже были обнаружены пятна темнобурого цвета.

Кальсоны, телогрейка, перочинный нож, вермишель и обертки от конфет были изъяты и приобщены к делу. Славский был мною задержан и доставлен в прокуратуру района.

Будучи допрошен, Славский показал, что он через день работает в г. Осипенко шофером пожарной охраны Первомайского района. Когда он бывал свободен от работы, то обычно отправлялся домой в деревню Старая Петровка, расположенную на расстоянии 12 км от г. Осипенко.

1 марта 1952 г. в 7 часов утра он сменился, в 9 часов вышел из гаража и пешком пошел в Старую Петровку. При переходе по льду через речку лед под ним проломился, и он попал в воду. Ввиду того что до деревни ему оставалось итти еще примерно полтора километра, он зашел к своему дальнему родственнику Горбенко, проживающему у берега реки, и там переоделся в сухую одежду. Домой он пришел часов в 12—13. Вечером жена сходила к Горбенко и принесла его одежду, которую выстирала утром 2 марта.

Я предположил, что Славский замывал бензином имевшиеся на телогрейке пятна крови, в связи с чем ему был задан вопрос, почему левый рукав телогрейки оказался обильно смоченным бензином.

На этот вопрос Славский ответил, что он шофер, а поэтому неудивительно, что его телогрейка залита бензином.

На вопрос, что он с собой принес из города и почему у него на одежде имеются пятна, напоминающие кровь, Славский ответил, что крови на телогрейке он не замечал, но она может на ней быть, так как в этой телогрейке он помогал своему родственнику Василию Славскому резать козла. Из города 1 марта ни конфет, ни вермишели он не приносил.

Домой он возвращался один, Доброносову знает как односельчанку, однако ее не видел уже примерно около года. На вопрос, откуда у них дома конфеты «Пуншевая» и вермишель, Славский показал, что их купила его жена в сельпо примерно с неделю тому назад.

Жена Славского, которая не знала о показаниях мужа, заявила, что он вернулся из города 1 марта в 12—13 часов и принес с собой для дочери вермишель и две конфеты «Пуншевая». Пришел он домой в чужой одеж-

де, которую взял у Горбенко, так как, по его словам, он провалился в реку, после чего переоделся. Славский попросил ее постирать его одежду.

Славский в числе других людей был предъявлен для опознания свидетелям Вареник, Сапроновой и Щербина (каждому в отдельности). Свидетели опознали в Славском как раз того мужчину, который 1 марта проходил примерно часов в 11 дня через Ново-Васильевку по направлению к Старой Петровке. Путь женщины и мужчины лежал через заливной луг. Я составил схему движения Славского и Доброносовой в село Старая Петровка 1 марта 1952 г. (см. фото № 3).

По делу была назначена судебно-медицинская экспертиза, на разрешение которой были поставлены следующие вопросы:

1. Какова причина смерти гр-ки Доброносовой.
2. Каким орудием была ей нанесена рана на шее.
3. Была ли Доброносова изнасилована.

Судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу, что:

1. Смерть Доброносовой — насильственная и произошла от кровотечения вследствие глубокой резаной раны с повреждениями крупных кровеносных сосудов шеи и гортани.

2. Рана на шее нанесена режущим орудием типа ножа.

3. На девственной плеве имеется свежий разрыв. Наличие воспалительной отечности на крае девственной плевы и кровоподтеков вокруг нее, следов крови в самом влагалище, наличие кровяных пятен над лобком и на бедрах указывало на изнасилование.

Как я уже указывал выше, мною было установлено, что Славский проходил вместе с Доброносовой через Ново-Васильевку.

Но мне необходимо было выяснить: где же они встретились, какие между ними существовали отношения и почему вдруг в рабочий день Доброносова оказалась не на работе, а по пути в деревню?

Доброносова, как выяснилось, проживала в общежитии завода. Вместе с ней в одной комнате жила гр-ка Данега, которая показала, что Доброносова вела скромный образ жизни. Она никогда ей не рассказывала, что Славский является ее близким знакомым. В субботу утром

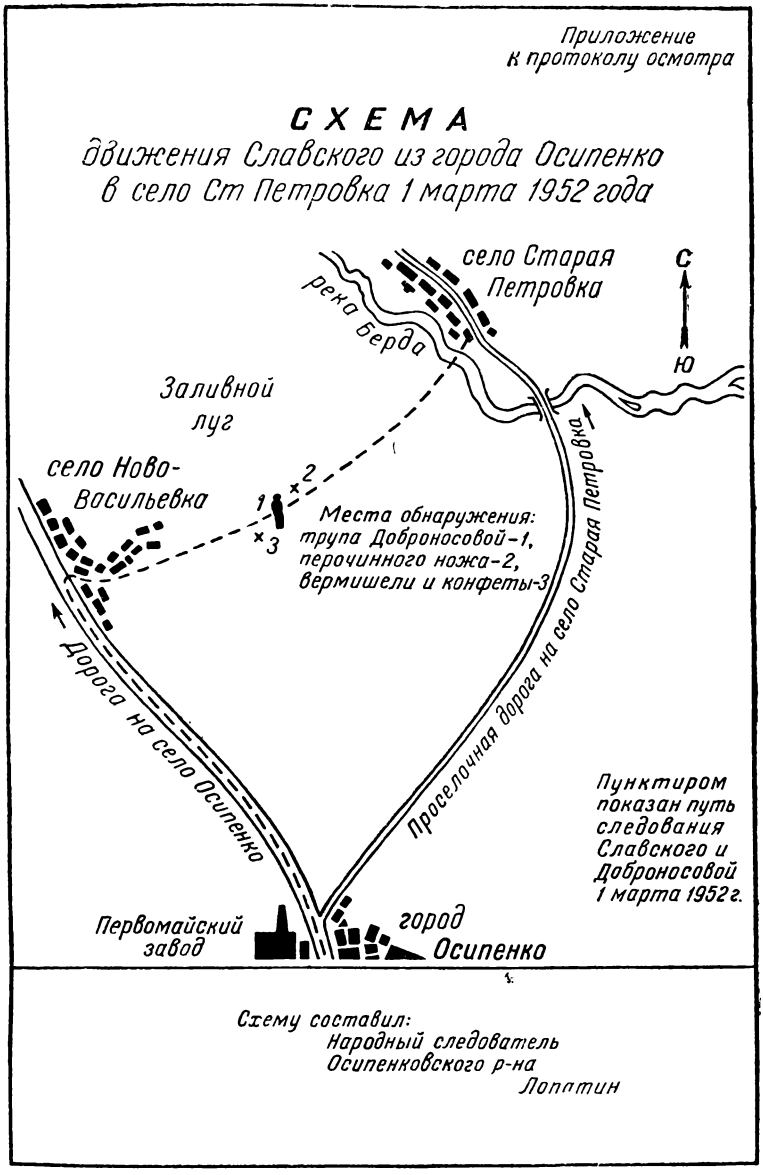

Фото № 3. Схема движения Славского из города Осипенко в село Старая Петровка.

Доброносова, по словам Данега, сказала ей, что она получила отгул за отработанный день и на два дня уезжает в деревню к родителям. С собой Доброносова взяла два головных платка, чтобы подарить их матери, пол-литра водки для отца, несколько белых булочек и хотела по дороге купить еще подсолнечного масла, для чего взяла с собой пустую полулитровую бутылку.

Все вещи Доброносова положила в две кошелки, которые взяла с собой, с расчетом, что от родителей привезет какие-нибудь продукты. Данега рассказала также, что Доброносова собиралась при выходе из города попасть на попутную машину и доехать до деревни.

Когда весть об убийстве Доброносовой дошла до сел, близлежащих к Старой Петровке, в прокуратуру явилась гр-ка Грицун и сообщила, что утром 1 марта она также ждала попутную автомашину, чтобы доехать домой в село Осипенко. Ожидая машину, она встретила свою знакомую Доброносову, которая ей сказала, что едет домой. В это время подошла машина, груженная лесом, направлявшаяся в село Осипенко. Когда Грицун села в автомашину, то увидела в ней жителя Старой Петровки Славского, который ей сказал, что едет домой. Она удивилась, почему он сел на эту машину. Славский ответил, что доедет до колхоза имени Сталина, а там пойдет пешком. Грицун внесла предложение остановить машину и пригласить Доброносову поехать вместе с ними, так как она тоже направляется в ту же деревню, что и Славский. Автомашина, которая к этому времени уже тронулась с места, была остановлена Славским, и Доброносова села к ним. Когда они доехали до поворота на дорогу в колхоз имени Сталина, Славский и Доброносова сошли.

По словам Грицун, Славский был слегка пьян.

Таким образом, у меня имелись косвенные доказательства, уличавшие Славского в изнасиловании и убийстве Доброносовой, — показания свидетелей о том, что Славский ехал вместе с Доброносовой в машине, что они вместе сошли, что их видели идущими по дороге через Ново-Васильевку, а также пятна, напоминающие кровь на одежде и ноже, принадлежавших Славскому.

Перед тем как приступить к допросу Славского, мною был составлен письменный план этого допроса. В плане я предусмотрел, какие вопросы следует задать Славскому,

в какой последовательности и какие доказательства по ходу допроса нужно предъявить Славскому.

Уверенность в тоне Славского прошла, когда он узнал об уличающих его доказательствах.

Поняв, что дальнейшее запирательство ни к чему не приведет, он показал, что 1 марта действительно выехал из г. Осипенко на попутной машине и что вместе с ним в машине ехала и Доброносова. В руках у него ничего не было, так как к у п л е н н ы е и м в е р м и ш е л ь и 100 г к о н ф е т он положил за борт телогрейки. Сойдя с машины, они прошли Ново-Васильевку, а затем направились по заливному лугу. Что было дальше, Славский якобы не помнил. Придя домой и осматривая свою мокрую одежду, он заметил на ней следы крови. Поэтому он и предложил жене постирать его одежду, а рукав телогрейки, обильно испачканный кровью, замыл бензином тайком от жены. Славский допускал возможность совершения им преступления, но заявил, что он ничего не помнит, так как был будто бы в состоянии сильного опьянения.

Свидетели, однако, показали, что Славский был лишь слегка пьян.

Славскому был предъявлен н о ж, который я нашел недалеко от трупа. На вопрос, кому принадлежит этот нож, Славский ответил, что у него было два ножа — один, который у него изъяли при обыске, и второй, который ему был предъявлен. По признанию Славского, этот нож был им утерян 1 марта 1952 г., но где — он не помнит.

Для установления шофера автомашины, на которой ехали Славский и Доброносова, я совместно с работниками автоинспекции проверил путевые листы за 1 марта в основных гаражах г. Осипенко. В результате нам удалось установить, что этой машиной управлял шофер Тумко. Он показал, что 1 марта при выезде из г. Осипенко он на свою автомашину посадил несколько граждан, в том числе мужчину, который был с л е г к а п ь я н (он впоследствии опознал в этом человеке Славского).

Этот мужчина попросил его посадить в машину какую-то женщину, лица которой он, Тумко, не видел. Когда они доехали до поворота к колхозу имени Сталина, откуда шла дорога до Ново-Васильевки, Славский и неизвестная женщина сошли с автомашины. С л а в с к и й

подошел к нему и поблагодарил за то, что он довез их.

По делу мною еще 2 марта была назначена судебно-медицинская экспертиза, на разрешение которой я поставил следующие вопросы:

1. Имеются ли на кальсонах, брюках, телогрейке, двух ножах, изъятых у Славского, следы крови.

2. Если имеется кровь, то кому она принадлежит: животному или человеку.

3. Имеются ли следы спермы на мазке и тампонах из влагалища трупа Доброносовой, на нижней рубашке и рейтузах, снятых с трупа Доброносовой, и на кальсонах и брюках, принадлежащих Славскому.

К концу следствия я получил заключение экспертизы. Она пришла к выводу, что на фуфайке и ноже, изъятых у Славского при обыске, имеются пятна крови человека, но ввиду незначительного количества крови установить ее группу не представляется возможным. На других предметах крови обнаружено не было. Никаких следов спермы эксперт не нашел.

На основании собранных следствием доказательств Славский был предан суду и осужден по ст. 138 «а» УК УССР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к 20 годам лишения свободы.

Народный следователь прокуратуры
г. Молотовска
Архангельской области
юрист 3-го класса
Н. Т. КЮБЧАН

СОЧЕТАНИЕ ОПЕРАТИВНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ ПОМОГЛО РАСКРЫТЬ ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОРОТКИЙ СРОК

В практике расследования преступлений большое значение имеет установление делового контакта с органами милиции и умелое сочетание оперативной и следственной работы.

На примере расследования дела Н. С. Гурьева мне бы хотелось показать, какую огромную роль сыграла совместная работа следователя и оперативных работников милиции и как благодаря этому мне удалось в исключительно сжатые сроки установить и разоблачить преступника в совершенном им тяжком преступлении.

11 апреля 1952 г. в городское отделение милиции г. Молотовска поступило сообщение от жильцов дома № 18 по Беломорской улице о том, что из комнаты № 11 указанного дома, где проживают братья Гурьевы, в коридор проникает резкий трупный запах, а через окно со стороны улицы видно, что на кровати лежат два трупа.

О полученном сообщении дежурный по отделению милиции немедленно уведомил прокурора города и меня.

Без промедления мы выехали по указанному адресу, пригласив с собой судебно-медицинского эксперта. Как и всегда при выезде на место происшествия, я взяла с собой следственный чемодан.

Прибыв на место происшествия, я в первую очередь осмотрела снаружи дверь, ведущую в комнату братьев Гурьевых. Дверь в комнату была закрыта на внутренний замок, и при тщательном осмотре следов повреждений замка и двери мною обнаружено не было. Никаких повреждений и следов прикосновения руками я не нашла ни на рамах, ни на стеклах окна. Все металлические части двери и окна, как то: ручки, шпингалеты и задвижки я тщательно осмотрела при помощи лупы, но на них никаких следов не обнаружила. Я сфотографировала дверь и окно снаружи.

После этого мы вскрыли дверь. На кровати, стоявшей вблизи окна, лежали два мужских трупа в нижнем белье. Трупы были покрыты одеялом и сверху старым пальто. Рядом с кроватью на полу лежали матрац, подушка и скомканное одеяло. По полу комнаты были разбросаны различные вещи, обрывки газет, окурки, мусор. На столе в грязных тарелках лежали остатки пищи, тут же стояло четыре стакана и три пустых бутылки, две из которых, судя по этикеткам, были от вина, а одна из-под водки. Шкаф, стоявший напротив кровати, был приоткрыт. Через дверцу было видно, что он пуст; на верхней планке висели две-три вешалки для одежды. Стены комнаты и предметы обстановки, расположенные вблизи кровати, были обильно забрызганы кровью. Брызги крови имелись даже на потолке над кроватью.

Еще не входя в комнату и не приступая к осмотру, я установила фотоаппарат при помощи штатива на пороге комнаты и произвела съемку места происшествия. Второй снимок я сделала со стороны окна.

После фотографирования места происшествия мы начали подробный осмотр комнаты.

Вся обстановка комнаты и положение трупов свидетельствовали о том, что убийство было совершено в ночное время.

Участвовавший в осмотре судебно-медицинский эксперт дал заключение, что смерть братьев Гурьевых наступила в результате обширного повреждения костей черепа и мозга от ударов тяжелым тупым предметом и, судя по

степени разложения трупов, последовала трое-четверо суток тому назад. Это обстоятельство подтверждалось и тем, что на отрывном настенном календаре последний несорванный листок имел дату 8 апреля.

Среди вещей, валявшихся на полу, оказалась старая промасленная телогрейка, лыжные брюки и поношенные рабочие ботинки, а под кроватью, в луже полузасохшей крови, лежал молоток-кувалда с деревянной рукояткой, испачканной кровью. Сфотографировав крупным планом место обнаружения кувалды, я осторожно изъяла ее и тщательно осмотрела через лупу. При осмотре рукоятки кувалды я увидела несколько неполных и смазанных отпечатков пальцев рук. Полагая, что по обнаруженным отпечаткам экспертиза сможет впоследствии произвести сравнительное исследование, я в этот же день после окончания осмотра места происшествия составила постановление о назначении экспертизы, тщательно упаковала кувалду и направила ее на экспертизу, попросив дать заключение о наличии на рукоятке кувалды следов пальцев человека и возможности использовать эти следы для сравнительного исследования.

При осмотре места происшествия в карманах лежавшей на полу телогрейки мною были обнаружены записки. На одной из этих записок, датированной февралем 1952 года, имелась подпись «Н. Гурьев». На другой записке, написанной тем же почерком, значился адрес некоего Гуляева.

Эти записки мною были изъяты, приобщены к делу в качестве вещественных доказательств и использованы для установления преступника.

Трупы были предъявлены для опознания соседям, родственникам и управляющему домом. Последние опознали в убитых Александра и Леонида Гурьевых. Несколько позднее в морге они были опознаны и другими знавшими их лицами.

На основе результатов осмотра места происшествия, опознания трупов и некоторых вещей я совместно с оперативными работниками милиции наметила план расследования дела. В первую очередь надлежало установить всех знакомых и родственников братьев Гурьевых, которые посещали их квартиру, выяснить, кто последним видел братьев Гурьевых до убийства, кто был у них вечером 7 апреля и т. д.

Одновременно мы вызывали на допрос различных свидетелей из числа ближайших соседей и знакомых братьев Гурьевых. В то время как я производила допросы, работники милиции по моему указанию устанавливали новых свидетелей и проводили различные оперативные действия.

Из показаний ряда свидетелей выяснилось, что Александр и Леонид Гурьевы в течение нескольких лет совместно проживали в комнате № 11 дома № 18 по Беломорской улице. Александр Гурьев работал на заводе, хорошо зарабатывал и приобретал себе часто ценные вещи. Леонид Гурьев, инвалид Великой Отечественной войны, занимался кустарным изготовлением мебели и починкой ее на дому. Братья жили дружно, и ссор между ними никогда не было. К Гурьевым иногда заходил в гости их брат Николай Гурьев, проживавший также в г. Молотовске. Свидетели назвали ряд знакомых Александра и Леонида Гурьевых, которые иногда заходили к ним в гости.

Ближайшие соседи Гурьевых — супруги Новиковы на допросе показали, что вечером 7 апреля в комнате Гурьевых находился их брат Николай, который, по всей вероятности, остался в эту ночь у них ночевать, так как Новиков, уходя из их комнаты в 11 часов вечера, видел, как Александр Гурьев стелил для своего брата Николая матрац на полу. После этого никто из соседей не видел ни одного из братьев Гурьевых.

Подозрение в убийстве Гурьевых пало на их родного брата Николая.

Но я не ограничилась проверкой этой, наиболее вероятной версии. Одновременно я повела расследование в сторону проверки и других возможных версий, в частности возможность убийства братьев Гурьевых их соседом Новиковым в целях ограбления и знакомым братьев Гурьевых — Герасимовым, с которым, как показали некоторые свидетели, Леонид Гурьев имел личные счеты. Однако в процессе дальнейшего расследования дела эти версии не подтвердились.

Так как свидетели Новиковы, видевшие 7 апреля в комнате братьев Гурьевых их брата Николая, показали, что он был одет в старую телогрейку и лыжные брюки, я предъявила эти предметы среди нескольких поношенных телогреек и брюк для опознания сестре Гурьевых — Соловьевой, управдому Семеновой и другим свидетелям.

Все лица, которым предъявлялись эти вещи, опознали как принадлежавшие Николаю Гурьеву именно ту телогрейку и брюки, которые были найдены в комнате братьев Гурьевых.

Гуляев, адрес которого значился в записке, обнаруженной в кармане телогрейки Н. Гурьева, был найден и допрошен. У Гуляева оказалось письмо от Николая Гурьева из г. Архангельска, датированное 9 апреля. В этом письме Николай Гурьев писал Гуляеву, что он с 8 апреля находится в Архангельске и предполагает выехать в ближайшие дни в Ленинград. О причинах своего выезда из г. Молотовска Николай Гурьев в письме не писал. Он просил Гуляева передать привет некоей Лиде и обещал сообщить свой адрес в следующем письме.

В процессе допроса Гуляев категорически отрицал свою причастность к убийству братьев Гурьевых, а также заявил, что ему об этом вообще ничего не было известно. Гуляев оказался приятелем Гурьева по совместной работе.

Зная, что Николай Гурьев прислал письмо Гуляеву и обещал продолжать с ним переписку, я на корреспонденцию, поступающую на имя Гуляева, немедленно наложила арест.

При допросе Гуляев сообщил мне адрес последней квартиры Николая Гурьева. Вместе с прокурором города и начальником милиции мы произвели осмотр и обыск в комнате, где последнее время проживал Николай Гурьев. Беспорядок в обстановке, разбросанные повсюду вещи свидетельствовали о поспешных сборах владельца комнаты. На столе под куском стекла была найдена записка с текстом: «Меня найдут, когда растает снег».

Не оставалось сомнения в том, что убийство обоих братьев было совершено Николаем Гурьевым с целью завладения их имуществом, ибо при осмотре места совершения преступления мы не обнаружили ни одной ценной вещи.

Я также установила личность Лиды, которой Николай Гурьев передавал привет через Гуляева. У этой Лиды, оказавшейся работницей завода, где работал раньше Николай Гурьев, я изъяла его фотографию. Фотокарточка Николая Гурьева, размноженная мною при помощи рефлексной бумаги, имела

большое значение для розыска преступника.

Таким образом, уже на пятый день после обнаружения преступления мною было собрано достаточно доказательств, изобличавших Николая Гурьева в убийстве им своих родных братьев. На Гурьева был объявлен розыск.

Своевременное наложение ареста на корреспонденцию, поступавшую на имя Гуляева, вскоре позволило установить и местонахождение преступника. Письма на имя Гуляева поступали от Николая Гурьева из Ленинграда, затем из Бреста, Киева, Черновец и других городов. Органы милиции этих городов немедленно по телефону уведомлялись о пребывании в них разыскиваемого преступника. Ввиду кратковременного пребывания в этих городах Николая Гурьева его долго не удавалось задержать. Наконец, 24 июня 1952 г. он был задержан при своем вторичном приезде в г. Черновцы. При задержании он назвался Абакумовым, отрицал свою причастность к убийству и заявлял, что приехал из г. Комсомольска, разыскивает своих родственников, а документы и деньги у него похищены в дороге.

Имея подробное описание примет Гурьева и его фотографический снимок, приложенный к розыскному требованию, органы милиции, несмотря на запирательство Гурьева, арестовали его и этапировали в г. Архангельск.

К этому времени из криминалистической лаборатории, куда я направляла в апреле изъятую на месте обнаружения трупов кувалду, уже имелся ответ, в котором говорилось, что один из обнаруженных на рукоятке кувалды пальцевых отпечатков пригоден для сравнительного исследования.

Поэтому я сразу же по прибытии Гурьева в тюрьму г. Архангельска дактилоскопировала его и карту по форме № 2 с пальцевым отпечатком направила на дактилоскопическую экспертизу, которая дала положительное заключение о том, что отпечаток пальца на ручке кувалды, изъятой с места происшествия, оставлен указательным пальцем правой руки Николая Гурьева.

При допросе Гурьеву были предъявлены результаты экспертизы и его записки, обнаруженные мною при

осмотре места происшествия и в его комнате, а также одежда, в которой он был в день убийства у братьев.

После этого Гурьев начал давать правдивые показания. Он показал, что с начала 1952 года бросил работу, пьянствовал и на этой почве поссорился со своими братьями. Не имея средств к существованию, он решил убить своих братьев с целью завладения их имуществом.

7 апреля 1952 г. вечером он пришел к ним с просьбой оставить его у себя ночевать. Получив согласие, Николай Гурьев купил две бутылки вина, которые были распиты совместно с соседом братьев — Новиковым. Затем братья легли спать. Гурьев дождался, пока они уснут. Как только они заснули, он схватил стоявшую в комнате кувалду и нанес ею несколько ударов по голове каждому из братьев.

Убедившись, что они мертвы, Николай Гурьев собрал все наиболее ценные вещи, уложил их в чемоданы, переоделся в костюм брата Александра, потушил свет и, выйдя из комнаты, запер ее, а ключ от замка бросил на улице. Зайдя по пути к себе домой, он взял документы, написал записку и направился на вокзал, откуда и выехал поездом в г. Архангельск. Здесь он продал часть вещей и поехал в Ленинград, оттуда в Брест, Киев и другие города, находясь в каждом городе два-три дня.

Гурьев был осужден к 20 годам лишения свободы по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Успех в расследовании этого дела был обеспечен проведением тщательного осмотра места происшествия, использованием научно-технических средств, своевременным направлением вещественных доказательств на исследование и совместной работой с органами милиции.

Старший следователь прокуратуры
Тамбовской области
юрист 1-го класса
С. П. КУНАКОВ

УМЕЛОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

При расследовании уголовного дела по обвинению Дюдюкина, братьев Якуниных и Колосова мне потребовалось провести несколько различных экспертиз, результаты которых имели большое значение.

Указанное дело представляет интерес не только с точки зрения правильности и своевременности проведенных экспертиз, но и со стороны методики расследования. Поэтому я считаю полезным показать на страницах «Следственной практики», как совместными усилиями органов прокуратуры и милиции удалось в сравнительно короткий срок разоблачить преступников.

13 июля 1952 г. от жителей села Пересыпкино Гавриловского района Тамбовской области поступило сообщение о том, что утром этого дня двумя неизвестными мужчинами, проезжавшими на велосипеде через село (один сидел на раме), выстрелами из револьверов были убиты колхозник Васяхин и участковый уполномоченный милиции — старший лейтенант Щуплов.

Прибыв на место происшествия, работники прокуратуры совместно с сотрудниками областного управления

милиции путем опроса местных жителей — очевидцев происшедшего случая установили, что в 10 часов утра 13 июля житель села Пересыпкино Николай Судоргин опознал в ехавших по улице на велосипеде двух молодых людях грабителей, которые напали на него ночью 8 июля по дороге в село Пересыпкино и под угрозой оружия сняли с него пиджак и хромовые сапоги. Судоргин догнал этих людей и потребовал, чтобы они вернули его вещи, но они, пригрозив ему оружием, продолжали свой путь. Тогда Судоргин начал кричать, призывая граждан задержать грабителей. Двое неизвестных, увидев, что к ним приближается толпа народа, бросили велосипед и пиджак и побежали по улице в сторону леса. Наперерез им выбежал колхозник Васяхин с лопатой в руках, намереваясь их задержать. Убегавшие, выстрелив в Васяхина и убив его, продолжали бежать в сторону леса.

В это время из леса выехала подвода с сеном, на которой находился участковый уполномоченный милиции Щуплов. Пробегая мимо подводы и боясь быть задержанными работником милиции, неизвестные выстрелили в Щуплова несколько раз, а сами убежали в лес. Щуплов, не приходя в сознание, вскоре скончался.

Многие очевидцы происшествия заявили, что они видели этих молодых людей впервые, но сумеют их опознать по одежде, росту и по лицу.

На месте происшествия были осмотрены труп Васяхина, велосипед марки «ЗИФ», брошенный преступниками, и пиджак. Все это мною было сфотографировано.

Пиджак тут же был опознан Судоргиным. Именно этот пиджак преступники сняли с него в ночь на 8 июля. В кожаной сумке велосипеда помимо инструментов было обнаружено два билета на посещение киносеанса с указанием на них номера кинопередвижки (1366) и серии билетов (№№ 76 и 77).

При тщательном осмотре пути, по которому бежали преступники в лес, удалось обнаружить несколько вдавленных следов ног человека. Наиболее отчетливые следы были тут же сфотографированы с масштабной линейкой (см. фото №№ 2 и 3). Произведены были также измерения самих следов и расстояний между ними (длины шага). Были также изготовлены гипсовые слепки.

Снимки и слепки со следов, билеты, обнаруженные в

сумке велосипеда, и самый велосипед были приобщены к делу как вещественные доказательства.

При судебно-медицинском вскрытии трупов Щуплова и Васяхина было установлено, что смерть их последовала от многочисленных пулевых ранений. Из трупа Васяхина была извлечена пуля, сделанная кустарным способом из металла, похожего по внешнему виду на свинец.

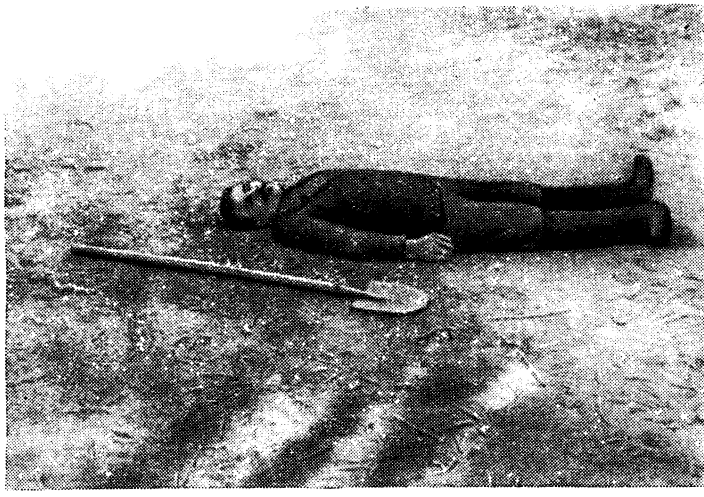

Фото № 1. Снимок трупа колхозника Васяхина на месте происшествия.

Она оказалась настолько деформированной, что при первом взгляде на нее трудно было предполагать, что этот неправильной формы кусок металла выстрелен из оружия. Пуля, извлеченная из трупа, также была приобщена к делу.

Таким образом, после осмотра места происшествия и опроса граждан было очевидно, что скрывшиеся в лес преступники в ночь на 8 июля ограбили Судоргина, о чем свидетельствовал брошенный преступниками пиджак, принадлежавший потерпевшему и опознанный им. Также было ясно, что преступники убили Васяхина и Щуплова только потому, что первый старался помешать убегавшим преступникам скрыться от преследовавших их колхозников, а второй мог задержать их.

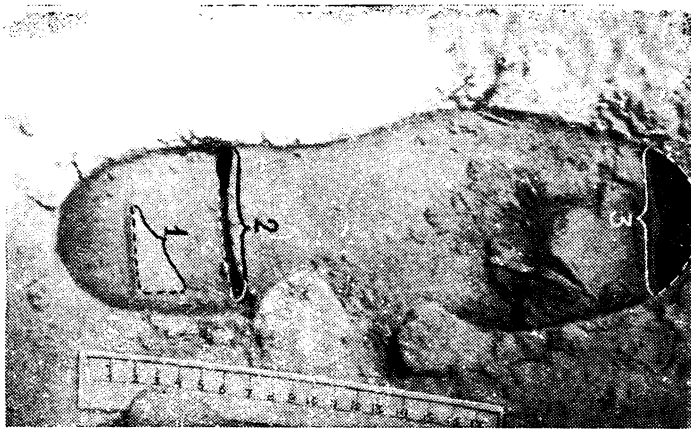

Фото № 2. Снимок следа обуви человека, обнаруженного на дороге, по которой скрылись преступники.

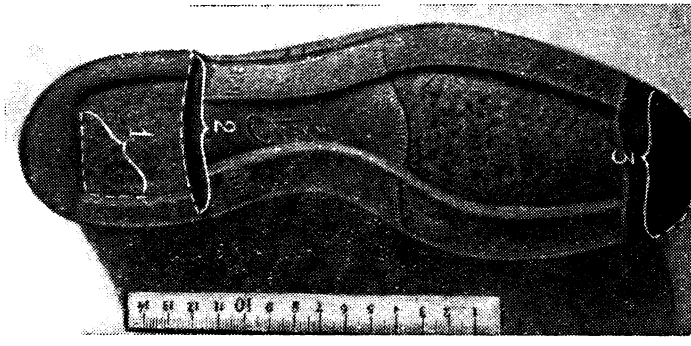

Фото № 3. Снимок подошвы левого ботинка, изъятого при обыске у Дюдюкина.
(Для наглядности дается зеркальное изображение).

Вполне возможно было предположить, что преступники, имея огнестрельное оружие, совершали ранее вооруженные нападения и на других граждан. Это требовало проверки в органах милиции.

Уже на первом этапе следствие располагало показаниями потерпевшего Судоргина (говорившего, что он может опознать преступников по внешнему виду), велоси-

педом, брошенным преступниками на месте происшествия, который тоже мог быть опознан, слепками и снимками следов ног и пулей, извлеченной из трупа Васяхина. Эти снимки в последующем могли быть использованы для сравнения.

В этот же день были запрошены местные отделения милиции о зарегистрированных ими в последнее время случаях краж и ограблений. Одновременно были запрошены отделы кинофикации Тамбовской и Пензенской областей относительно времени и мест работы киноперед-вижки № 1366 и о времени и месте регистрации в финансовых органах билетных книжек с билетами №№ 76 и 77.

Оказалось, что в отделении милиции Гавриловского района имеются заявления граждан Мутасова и Шлыкова о том, что у первого 8 июня, а у второго 9 июня 1952 г. неизвестными преступниками под угрозой оружия были отобраны принадлежавшие им велосипеды. В Белинском районном отделе милиции (этот район Пензенской области граничит с Гавриловским районом Тамбовской области) имелось заявление граждан Климова, Косенкова и Крючкова о краже из сеней дома, в котором они проживали, трех велосипедов. В заявлении указывалось, что хищение велосипедов произошло в ночь с 3 на 4 июня 1952 г.

Органы милиции проводили работу по розыску преступников, похитивших велосипеды, однако безуспешно.

Заявления указанных граждан и протоколы их допросов были скопированы. Копии этих документов я приобщил к делу, а потерпевших подробно допросил. Показания Мутасова, Шлыкова, Крючкова и других потерпевших оказались очень ценными для следствия, ибо они дали нам некоторую ориентировку для установления личности преступников.

Потерпевший Мутасов показал, что днем 8 июня 1952 г. он ехал на велосипеде «Диамант» по дороге, проходившей между селами Пересыпкино и Вельможка. Навстречу ему вышли из леса два неизвестных молодых человека и преградили путь. Преступники, угрожая револьверами, забрали велосипед и скрылись.

Мутасов подробно описал внешность обоих грабителей и указал, что один из преступников назвал другого «Кольстом».

Потерпевший Шлыков, у которого также под угрозой оружия был отобран велосипед, подробно описал внешность преступников. Сравнение показаний Мутасова, Судоргина и Шлыкова в части описания ими внешности преступников убеждало в том, что они были ограблены одними и теми же людьми.

Климов, Косенков и Крючков на допросе заявили, что в краже велосипедов они подозревают своих знакомых — Василия Якунина и Сергея Колосова, которые учатся с ними вместе в школе механизации. Как Колосов, так и Якунин часто к ним заходили в гости, знали о местонахождении велосипедов в ночное время, а также знали, каким образом запирается дверь, ведущая в сени.

Подтверждали эту версию также данные, полученные из Пензенского областного управления кинофикации. Оттуда сообщили, что кинопередвижка № 1366 принадлежит Поимскому районному отделу кинофикации и в июне — июле она побывала в колхозных клубах сел Поимского района, расположенных поблизости от города Белинска (где проживали Климов, Косенков, Крючков), а билеты №№ 76 и 77 были зарегистрированы в райфо 3 июня 1952 г.

При допросе Крючкова и других потерпевших выяснилось, что их знакомые Якунин и Колосов прибыли на курсы механизации как раз из Поимского района.

Климов, Косенков и Крючков на допросе заявили, что в кино они не были очень давно и билетов на просмотр кинокартин в кинопередвижках не покупали.

Хозяйка квартиры, в которой жили эти лица, подтвердила, что они по вечерам из дома не отлучались.

Необходимо было установить, кому из потерпевших принадлежит брошенный преступниками на месте происшествия 13 июля велосипед. В связи с этим было организовано предъявление этого велосипеда для опознания потерпевшими. Данный велосипед был поставлен рядом с другими велосипедами. Каждый из потерпевших предварительно дал подробное описание характерных особенностей своей машины, как то: ее окраску, форму руля, степень изношенности, рисунок покрышек, имеющиеся дефекты и пр. Путем опознания удалось выяснить, что велосипед, обнаруженный на месте происшествия 13 июля, принадлежит Крючкову.

Из этого обстоятельства можно было сделать вывод о том, что хищение велосипедов 4 июля и убийство двух граждан 13 июля было совершено одними и теми же лицами. Но это было еще только предположением, требовавшим тщательной проверки.

Василий Якунин и Сергей Колосов были задержаны в городе Белинске и допрошены. На допросе они подтвердили, что хорошо знакомы с Крючковым и его товарищами по совместной учебе в школе механизации, часто к ним заходили в гости, знали, где оставляются на ночь велосипеды, и даже знали, как открывается дверь в дом и переднюю, где эти велосипеды обычно стоят.

Однако в хищении велосипедов Якунин и Колосов виновными себя не признавали. Более того, они заявили, что были инициаторами и участниками сбора средств среди учащихся школы механизации для возмещения ущерба, причиненного Крючкову и другим, у которых украли велосипеды.

Вызванные для производства опознания, потерпевшие Мутасов, Судоргин, Шлыков, а также некоторые из очевидцев происшествия, имевшего место 13 июля, не признали в Колосове и Якунине убийц Васяхина и Щуплова.

Первая версия, таким образом, не подтвердилась. Казалось, что все дело нужно начинать сначала. К этому времени был найден только один велосипед, а оружие и четыре других похищенных велосипеда пока разыскать не удалось. Было решено произвести обыск у Сергея Колосова и Василия Якунина, проживавших в селе Синтяпино Поимского района.

Однако несмотря на тщательно произведенный обыск, в доме Колосова и на приусадебном участке никаких доказательств причастности Колосова к хищению велосипедов обнаружить мы не сумели. Но зато обыск, произведенный в доме Якунина, дал положительные результаты: во дворе был найден велосипед, составленный из деталей различных веломашин, — рама была от велосипеда марки «ЗИФ», руль, колеса и сиденья — от велосипеда марки «Диамант».

Зная, что у Мутасова был отобран велосипед марки «Диамант», сборный велосипед, обнаруженный при обыске у Якунина, был предъявлен для опознания Мутасову. Осмотрев велосипед, Мутасов заявил, что колеса, руль

и сидение на предъявленном велосипеде сняты с похищенной у него машины. При этом потерпевший сослался на одну характерную особенность пружин сиденья, где имелись следы ремонта, и указал мастера, который исправлял сиденье.

Допрошенный по этому поводу мастер подтвердил показания Мутасова.

Первоначальная версия становилась реальной. Если не сам Василий Якунин совершал налеты на граждан, то этим занимался один из его близких родственников или знакомых.

Вызванный на допрос по поводу обнаружения в его доме велосипеда, Василий Якунин показал, что сборку этого велосипеда производил его родной брат Сергей Якунин, работающий комбайнером в МТС. О том, где брат приобрел указанный велосипед, Василий не знал.

В дальнейшем, однако, Василий Якунин признал, что в их доме имеется еще один, спрятанный его братом Сергеем, велосипед. Этот велосипед был украден в г. Белинске. Василий Якунин сообщил, что хищение велосипедов у Крючкова, Климова и Косенкова было организовано Колосовым при его, Василия, участии и при участии его брата Сергея. Якунин сказал также, что об этом случае он заявил бы органам следствия и раньше, но боялся своего брата Сергея, который, имея огнестрельное оружие, уже неоднократно угрожал Василию расправой.

Нужно было срочно задержать Сергея Якунина и произвести в его квартире обыск, чтобы найти огнестрельное оружие и краденый велосипед.

Сергея Якунина удалось задержать в поле во время работы на комбайне.

Обыском в его комнате были обнаружены слесарные инструменты, баночка с порохом, самодельные пули — металлические стерженьки и куски олова и свинца.

На очной ставке двух братьев было установлено место, где С. Якунин спрятал оружие. 23 июля во дворе его дома из земли был извлечен завернутый в промасленную тряпку револьвер системы «Наган» с пятью боевыми патронами и стреляной гильзой в барабане. Здесь же оказалось несколько пуль, изготовленных кустарным способом.

Обнаруженные при обыске оружие и боеприпасы были приобщены к делу как вещественные доказательства.

Я сразу же вынес постановление о направлении обнаруженных при обыске у Сергея Якунина револьвера, патронов, стреляной гильзы и кусков металла, а также изъятой из трупа Васяхина пули для производства криминалистической экспертизы.

Револьвер с соблюдением предосторожностей был разряжен, дульное отверстие его закрыто ватным тампоном. Оружие и боеприпасы я завернул отдельно в листы чистой бумаги и все это тщательно упаковал в фанерный ящик.

Экспертизе были поставлены следующие вопросы:

1. Одинаков ли химический состав металла, из которого изготовлены пуля, обнаруженная в трупе Васяхина, и пули которые имеются в револьвере «Наган», металлические стерженьки и куски металла, изъятые при обыске у С. Якунина.

2. Пригоден ли к производству выстрелов револьвер «Наган» № 35301.

3. Не выстрелена ли пуля, извлеченная из трупа Васяхина, из револьвера «Наган» № 35301.

4. Был ли произведен выстрел из указанного револьвера, в результате которого осталась гильза, обнаруженная при обыске у Якунина.

Не ожидая получения заключений экспертизы, я продолжал следствие, стремясь прежде всего установить личность второго участника убийства.

При последующем допросе на вопрос, заданный Сергею Якунину, — почему он не использовал билеты на киносеанс, когда в село Синтяпино приезжала кинопередвижка, он ответил, что его товарищ Дюдюкин был пьян и поэтому они в кино не пошли.

Из допроса хозяйки квартиры, где проживали Василий Якунин и Колосов, было установлено, что к ее квартирантам часто заходили в гости Сергей Якунин и Дюдюкин. Хозяйка квартиры также заявила, что когда названные ею молодые люди приходили к ее квартирантам, они всегда пили спиртные напитки и называли друг друга не по имени, а какими-то кличками: «Карась», «Кольста» и другими, которые она не запомнила.

Возможно, что Дюдюкин являлся соучастником Сергея Якунина в ограблении граждан и убийствах. Это

требовалось немедленно проверить. Поэтому мы приняли решение задержать Дюдюкина, а в его квартире произвести тщательный обыск.

Когда работники уголовного розыска прибыли на квартиру Дюдюкина, его дома не оказалось; мать же Дюдюкина сообщила, что он работает в поле и уже несколько ночей дома не ночует. Несколько работников милиции направились в поле с целью задержать Дюдюкина, а остальные начали производить обыск.

При обыске под кучей хлама и мусора в сарае Дюдюкиных были обнаружены комплект столярно-плотничьего инструмента и новая овчинная шуба, опознанные участвовавшей при обыске в качестве понятой гражданкой Клочковой, как принадлежавшие ее мужу. Эти инструменты и шуба были похищены у Клочковых еще весной 1952 года. Других доказательств, уличавших Дюдюкина в совершении им ограблений и убийств граждан, при обыске обнаружено не было.

К моменту окончания обыска работниками милиции был приведен с поля Дюдюкин. При личном обыске у него ничего существенного обнаружено не было. Дюдюкин не спрашивал, по какой причине его задержали, а только попросил разрешения перед отъездом переодеться. Просьба его была вполне уважительной, ибо он прибыл с работы в замасленном комбинезоне. Однако при переодевании Дюдюкин хотел освободиться от ботинок, стараясь их быстро спрятать за печку. Это было замечено.

Ботинки были изъяты и в последующем осмотрены. Обмер их показал, что длина и ширина подошвы ботинок совпадает с соответствующими размерами слепка, снятого со следа при осмотре места совершения убийства 13 июля, и следа, сфотографированного тогда же.

Ботинки, фотоснимки следа и гипсовый слепок были направлены на криминалистическую экспертизу для сравнительного исследования.

Эксперту был поставлен только один вопрос: не оставлены ли следы на земле в районе места происшествия подошвами ботинок, изъятых у арестованного Дюдюкина.

На допросе Дюдюкин давать показания по существу дела отказался.

При последующих допросах и очных ставках Сергея

и Василия Якуниных, а также их с Дюдюкиным выяснилось, что Дюдюкин утром 13 июля был вместе с Сергеем Якуниным в селе Пересыпкино и что убийство Васяхина и Щуплова совершено ими двумя, причем Якунин стрелял из револьвера «Наган», а Дюдюкин из пистолета «Браунинг». Чтобы проверить эти показания, было проведено опознание Дюдюкина потерпевшими Мутасовым, Судоргиным и очевидцами происшествия 13 июля.

Дюдюкин всеми потерпевшими и очевидцами убийства был опознан, и лишь после этого он начал давать показания.

Необходимо было установить, где у Дюдюкина спрятано оружие.

Дюдюкин по этому вопросу показал, что имеющийся у него пистолет он через несколько дней после совершения убийства бросил в реку Ворона в четырех километрах ниже села Синтяпино.

В том же месте, по его словам, он бросил изрубленные им в куски хромовые сапоги, взятые у Судоргина.

Розыск пистолета не увенчался успехом. Дюдюкин настаивал на своих показаниях, категорически утверждая, что пистолет должен быть в реке, в том месте, о котором он говорил.

Из Тамбова были вызваны водолазы, и под усиленным конвоем Дюдюкина доставили из тюрьмы к месту поисков пистолета. Пистолет и на этот раз разыскан не был.

По поведению Дюдюкина было заметно, что он давал о месте сокрытия пистолета умышленно неправильные показания, надеясь, повидимому, при выезде к месту розысков пистолета совершить побег. Но видя, что при таком усиленном конвое ему все равно не удастся бежать, он рассказал, наконец, о месте, где на самом деле им спрятаны оружие и похищенные велосипеды.

В этот же день по указанию Дюдюкина в соломенной крыше амбара, принадлежащего жителю села Синтяпино — Водягину, был найден пистолет системы «Браунинг».

Несмотря на то, что Дюдюкин признавал себя виновным в убийстве Васяхина и Щуплова, я все же решил послать на баллистическую экспертизу и этот пистолет с тем, чтобы иметь в деле заключение о пригодности его к стрельбе.

К тому времени, когда Дюдюкин начал давать правдивые показания, остальные обвиняемые по делу — братья Якунины — изменили данные ранее ими показания, а Колосов совсем отказался от своих первых показаний и заявил, что ни в каком хищении велосипедов, а тем более в его организации он не участвовал и что его оговорили Якунины.

Было странно, почему обвиняемые, признававшие себя полностью или частично виновными, перед самым окончанием следствия изменили свое поведение. Эта загадка была вскоре разрешена. Мною были приняты меры к тому, чтобы все передачи Колосову и Якуниным тщательно осматривались. В результате надзирателем тюрьмы были перехвачены и доставлены в прокуратуру несколько записок. В одной из них было написано: «Кольста, где ты? Прошу тебя бери мою вину на себя. Карась». Две остальные записки адресовались неизвестно кому. В одной из них говорилось: «Меня взяли на следствие из-за ботинок... Я думаю отказаться от всего, скажи, как ты думаешь? Говори, что два велосипеда давал ты за водку, когда гуляли у нас...» В другой записке тот же «Карась» писал: «Вам все равно пропадать, постарайтесь взять вину на себя, а меня выгородить. Я за вас буду мстить и вашим родителям пригожусь. Карась...»

Чтобы выяснить, кем написаны эти записки, я направил их вместе с образцами почерка всех четырех обвиняемых по настоящему делу на графическую экспертизу.

Вскоре было получено заключение, в котором говорилось, что записка, начинающаяся словами «Кольста, где ты?», написана Колосовым, записка «Меня взяли... из-за ботинок» написана Дюдюкиным, а записка с просьбой взять его вину на себя написана также Колосовым.

Было ясно, почему Колосов стал отказываться от данных им ранее показаний, а остальные обвиняемые изменили свои показания.

За несколько дней до окончания следствия в прокуратуру поступили заключения криминалистической, баллистической и химической экспертиз.

Эксперты дали категорические заключения о том, что исследуемые отпечатки следов от подошв ботинок с пра-

вой и левой ног, оставленных на земле в районе места совершения убийства, оставлены подошвами ботинок, изъятых при обыске у Николая Дюдюкина.

Этим заключением экспертизы еще раз подтверждалось, что 13 июля Дюдюкин находился на месте совершения убийства Васяхина и Щуплова.

Баллистическая экспертиза дала заключение, что пистолет «Браунинг», изъятый при обыске у Водягина по указанию Дюдюкина, и револьвер «Наган», обнаруженный у Сергея Якунина, к производству выстрелов годны. Гильза, найденная при обыске у Сергея Якунина, осталась в барабане этого револьвера после произведенного из него выстрела.

Химическая экспертиза, исследуя пулю, изъятую из трупа Васяхина, пришла к заключению, что она по своему химическому составу одинакова с металлическими стерженьками и куском металла, изъятыми при обыске на квартире Сергея Якунина.

Таким образом, заключения всех произведенных по делу экспертиз явились научно обоснованными доказательствами, еще раз подтверждавшими виновность Дюдюкина, братьев Якуниных и Колосова в совершенных ими преступлениях.

Казалось бы, что в процессе предварительного следствия добыто вполне достаточно неоспоримых доказательств, изобличавших преступников в совершенных ими грабежах и убийствах. Однако подсудимый Дюдюкин на суде отказался от всех своих показаний, данных им на предварительном следствии; подсудимый Сергей Якунин пытался убедить суд в том, что он будто бы на предварительном следствии наговорил на Дюдюкина, а на самом деле вместо Дюдюкина с ним во всех преступлениях принимал участие некий Дроздов.

Обвиняемый Колосов вообще отказывался от всех своих показаний и требовал вызвать в суд дополнительных свидетелей, могущих подтвердить его алиби. Но потерпевшие и многочисленные свидетели изобличили подсудимых в совершенных ими преступлениях, а собранные в процессе предварительного следствия доказательства подтверждали правильность предъявленного обвинения.

Судебная коллегия по уголовным делам Тамбовского областного суда вынесла приговор, по которому Дюдю-

кин и Сергей Якунин были приговорены по ст. 59[3] УК РСФСР и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к 25 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях каждый. Василий Якунин и Колосов были признаны виновными только в соучастии в краже трех велосипедов и поэтому осуждены по ч. 2 ст. 1 того же Указа к шести годам лишения свободы каждый. Приговор областного суда Верховным судом РСФСР оставлен в силе.

Старший следователь прокуратуры
Чкаловской области
младший советник юстиции
И. М. ГЛАЗОВ

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ ПУТЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Антонина Бондаренко рано утром 18 января 1951 г. сообщила в прокуратуру г. Медногорска о том, что ее пасынок, девятилетний Анатолий Стучинский, обнаружен ею мертвым в постели.

На место происшествия прибыли помощник городского прокурора и судебно-медицинский эксперт. Труп мальчика лежал на кровати и был прикрыт одеялом. Тело мальчика почти сплошь было покрыто кровоподтеками, ссадинами и царапинами.

Антонина Бондаренко и ее мать Мария Бондаренко рассказали, что накануне вечером, между 5 и 7 часами, Толя и его сестра Лариса, 11 лет, ходили кататься на санках с горы недалеко от дома. Со слов Ларисы, они узнали, что Толю избили какие-то мальчики за то, что он не отдал им деньги, которые проиграл. Вернувшись домой вместе с Ларисой, Толя ни на что не жаловался, сам разделся и лег спать. Кушать он не просил, только дважды пил воду, которую подавала ему мачеха. Следов побоев на его теле никто не заметил. Ночью неожиданно для всех Толя умер.

Все это подтвердила и Лариса.

Отец Толи, Сергей Стучинский, находился в это время в командировке.

Прокуратура г. Медногорска возбудила уголовное дело. Были допрошены свидетели — учителя и работники школы, где учились Анатолий и Лариса, их товарищи-подростки, соседи Стучинских и другие. Свидетели показали, что мачеха плохо относилась к детям. На них была

старая и рваная одежда и обувь, дети недоедали, просили неоднократно у товарищей хлеба. Толю заставляли выполнять непосильную для него работу — носить воду из колонки, иногда по 20—30 ведер в день, выгребать навоз из сарая, вывозить навоз в телеге на огород и т. д. Детям запрещали ходить к соседям и разговаривать с ними, переписываться с бабушкой.

В указанный вечер, между 6—8 часами, Толю видели носившим воду из колонки. Он плакал. Под глазом у него был синяк.

Врачи, производившие осмотр и вскрытие трупа Анатолия Стучинского, высказали мнение, что мальчику были нанесены множественные телесные повреждения, а это исключало возможность того, что он мог самостоятельно прийти домой, а тем более носить воду. Одновременное нанесение такого множества телесных повреждений могло вызвать у такого ослабленного ребенка, каким был Толя, травматический шок, в результате которого могла наступить смерть.

Все эти обстоятельства указывали на ложность версии, выдвинутой Антониной и Марией Бондаренко, и позволяли предполагать, что преступление совершено ими.

Однако Антонина Бондаренко и ее мать продолжали упорно повторять свои первоначальные показания. То же самое повторяла и Лариса.

Срочно вернувшийся в г. Медногорск Стучинский на допросе утверждал, что его жена Антонина Бондаренко относилась к детям хорошо, никогда даже руки не поднимала на Толю и Ларису, хорошо одевала и кормила их. Стучинский заявил, что смерть Толи явилась для него полной неожиданностью.

Приняв на этой стадии дело к своему производству, я выехал в г. Медногорск.

Приехав туда, я в первую очередь стал выяснять у Ларисы подробности происшедшего события. Видя, что девочка дает одни и те же, видимо, заученные ею показания, причем в некоторых местах своего рассказа дословно повторяет слова мачехи, я решил проверить путем следственного эксперимента правдоподобность ее показаний о том, где именно и как катались они на санках, где якобы был избит Толя и где после этого они находились.

Предварительно я подробно допросил Ларису в присутствии педагога.

Вместе с понятыми мы прибыли к месту, где по показаниям Ларисы, она и Толя катались. Санки, которыми они пользовались, были взяты нами с собой.

Как только мы подошли к указанному Ларисой месту, нам сразу же стало ясно, что на этом месте никто вообще не катался, так как склон горы был покрыт глубоким снегом. Ларисе было предложено спуститься на санках с горы с того места, где она якобы каталась с братом Толей. Но санки, на которые села Лариса, не двигались с места, утопая в снегу. Все дети обычно катаются несколько правее указанного Ларисой места. Она этого места, однако, не указала, видимо, потому, что ранее показала, будто в момент, когда они с Толей катались, никого с ними не было, а в том месте, где действительно катаются, всегда бывает много детей.

Далее Лариса показала место, где якобы происходило избиение Толи. Она сказала, что Толя ушел от нее и она потом увидела его за сараями, где какие-то мальчики его били. Мимо шел какой-то мужчина, мальчики увидели его и убежали. После осмотра указанного Ларисой места и эта часть ее рассказа стала казаться неправдоподобной, ибо, судя по расположению горки, сараев и тропинок, Лариса вряд ли могла видеть это место, а тем более подойти к нему именно в момент избиения Толи.

Лариса указала также направление, по которому она с Толей после этого отправилась кататься на другую горку. Оказалось, что в указанном девочкой направлении вообще нельзя пройти, так как проход закрыт сплошным рядом сараев и заборов.

Ларисе было предложено показать, как сидел на санках Толя после того, как его избили мальчики. Санки оказались очень маленькими, всего 30 × 50 см, и Лариса едва уселась на них. Избитый Толя, судя по характеру и расположению повреждений на его теле, конечно, не мог бы так сидеть.

Основные моменты проведения следственного эксперимента были мною сфотографированы, и фотоснимки наглядно показали неправдоподобность рассказа Ларисы (см. фото №№ 1 и 2). Но даже и после этого девочка продолжала повторять все те же показания.

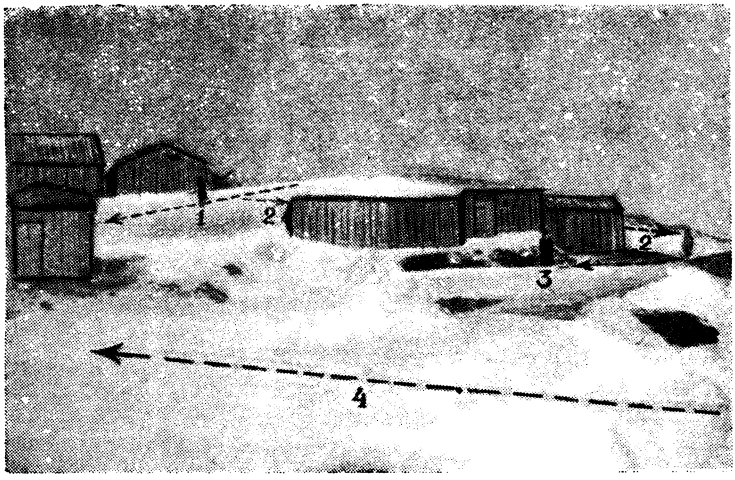

Фото № 1. Общий вид горы.

1. Место, где якобы катались Лариса и Толя. 2. Путь возвращения Ларисы домой. 3. Место, где якобы мальчики били Анатолия. 4. Путь, по которому Лариса и Анатолий шли кататься на гору.

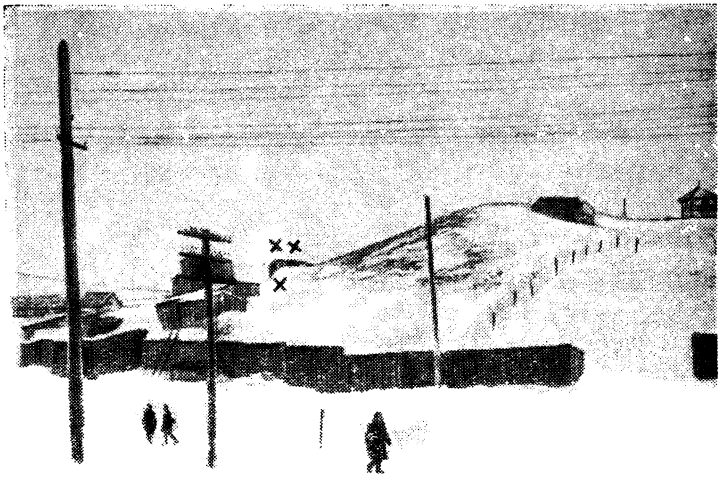

Фото № 2. Та же гора; вид с другой стороны.

„×"– место, где Лариса якобы увидела пальто и шапку Анатолия; „××"– сарай, позади которого якобы мальчики били Анатолия.

Следственный эксперимент дал объективное доказательство ложности версии об избиении Толи в указанное время и в указанном месте какими-то мальчиками.

При дальнейшем расследовании все допрошенные свидетели, знавшие Толю, показали, что Толя никогда вообще денег не имел, на деньги никогда не играл и ни с кем не дрался. Ряд свидетелей, в том числе соседи Стучинских, видели Толю в этот вечер в период от 5 до 8 часов (т. е. как раз в то время, когда якобы он с Ларисой катался на санках), занимающимся различными хозяйственными делами, как это и бывало обычно. 15 свидетелей показали, что в указанное время Толя от дома никуда не отходил. А одна его соученица видела его у колонки, где он, плачущий, брал воду. У Толи были синяки на лице.

Допросом свидетелей было неопровержимо установлено, что Антонина и Мария Бондаренко преступно обращались с детьми: били их, не кормили, жестоко эксплуатировали, не одевали как следует. В частности, в зимнее время Толя ходил в старых и разорванных ботинках, которые он безуспешно пытался сам зашивать. Это было установлено осмотром обнаруженных около трупа Толи ботинок.

При судебно-медицинском освидетельствовании Антонины и Марии Бондаренко у обеих на различных частях тела были обнаружены отдельные кровоподтеки и ссадины. Их объяснения о происхождении этих кровоподтеков и ссадин (от случайных ударов при стирке, переноске воды и т. п.) оказались совершенно неправдоподобными (кровоподтеки на передней поверхности левого плеча, бедер и т. п.), и это позволяло считать, что указанные кровоподтеки и ссадины произошли во время избиения Толи.

По материалам вскрытия и первоначальным данным следствия была назначена судебно-медицинская экспертиза.

На поставленные следствием вопросы экспертиза дала заключение, что после получения такого множества побоев, как это имело место в данном случае, у Толи наступил травматический шок, повлекший его смерть. Поэтому совершенно исключается возможность каких-либо самостоятельных действий Толи после нанесения ему побоев, например катание на санках, ходьба, разде-

вание и т. п., не говоря уже о выполнении какой-либо тяжелой физической работы. Характер повреждений был таков, что домашние, даже при невнимательном отношении к ребенку, не могли не видеть следов побоев, особенно на лице и на руках, тем более, что мачеха якобы дважды подходила к нему и давала ему воду.

На основании заключения поза Анатолия на санках, когда он якобы катался с Ларисой уже после избиения

Фото № 3. Лариса показывает, как якобы сидел Анатолий на санках.

его (что было нами воспроизведено во время следственного эксперимента и сфотографировано), становилась совершенно неправдоподобной (см. фото № 3). Это было еще одним подтверждением ложности версии, выдвинутой Бондаренко.

После получения всех этих данных Антонина и Мария Бондаренко были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 142 УК РСФСР.

На суде А. и М. Бондаренко не признавали себя виновными и придерживались все тех же данных ранее показаний. Лариса также не дала иных показаний, хотя в ее показаниях и были существенные противоречия. Например, она на повторных допросах показала, что мальчики якобы Анатолия не били палками, а он лишь подрался с одним мальчиком. После прихода домой

Анатолий не лег сразу в постель, как утверждала Бондаренко, а еще ходил за водой и читал книгу. Впоследствии Лариса опять возвращалась к первоначально данным показаниям.

Обвиняемые были осуждены судом по ч. 2 ст. 142 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы каждая.

После суда Ларису забрала к себе ее бабушка со стороны матери. Через год после этого Лариса рассказала, что Толю действительно забила насмерть мачеха при участии своей матери Марии Бондаренко, причем они заставили девочку повторять их показания о том, что Толю якобы избили какие-то мальчики. Бондаренко запугивали Ларису тем, что они с нею расправятся так же, как расправились с братом, если она расскажет кому-либо, как в действительности происходило дело.

Начальник следственного отдела прокуратуры
Сталинградской области
младший советник юстиции
И. П. МЕДЕНЦОВ

Старший следователь прокуратуры
Сталинградской области
юрист 1-го класса
А. П. КОСТЕНКО

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА

14 ноября в прокуратуру Сталинградской области поступило сообщение о том, что в селе Гусевка Ольховского района зверски убиты члены семьи Дубровиных — двое взрослых и двое подростков.

Прокурор области предложил нам немедленно выехать в Гусевку и произвести расследование по делу. Одновременно туда же выехали работники уголовного розыска.

К моменту нашего прибытия в Гусевку там уже находились прокурор Ольховского района т. Зеленский и следователь т. Полянченко, которые ознакомили нас с первичными материалами дела и общей обстановкой происшествия.

Как оказалось, дом, где было совершено преступление, расположен на окраине села. Убиты были А. Л. Дубровин, 69 лет, его жена А. К. Дубровина, 71 года, и их внуки Теселкины — Борис, 12 лет, и Анатолий, 9 лет.

Трупы Дубровиных обнаружил 14-летний Ромащенко, проживавший в том же селе. Как и каждый день, он зашел в дом Дубровиных, чтобы вместе с Борисом Теселкиным итти в школу. Увидев трупы, Ромащенко в

сильном испуге побежал домой и рассказал о случившемся.

Совместно с работниками милиции и экспертами — судебно-медицинским и криминалистом — мы приступили к тщательному осмотру места происшествия.

Входная дверь, ведущая с улицы в коридор, оказалась незапертой, все запоры были целы, каких-либо следов взлома мы не заметили. В коридоре на полу виднелись лужи крови, на стенках были пятна и брызги крови. Здесь же, в коридоре, на полу находился мешок, завязанный черным шнурком от ботинок. В мешке оказались белая стограммовая булочка, поношенные галоши и обрывки газеты. Несколько в стороне от мешка на полу лежали два металлических ломика, на которых была видна кровь, частицы мозга и волосы.

На полу коридора были видны кровяные полосы — следы волочения трупа, которые вели к двери на кухню. На кухне у порога, на земляном полу, лежали четыре трупа. Головы всех трупов были размозжены, а глаза вырезаны. На полу валялись две деревянных табуретки со следами крови на них.

Три комнаты в доме Дубровиных были изолированы от кухни и имели одну общую дверь в коридор. Дверь эта оказалась закрытой на висячий замок, но пробой накладки был вытащен. Имевшиеся на косяке вмятины — следы орудия взлома — по форме и размерам совпадали с концами лежавших в коридоре ломиков.

В комнатах в беспорядке были разбросаны одежда и другие вещи, большая часть которых, как выяснилось, принадлежала зятю Дубровиных, находившемуся на военной службе. Подушки и матрацы на кровати были порезаны, и пух из подушек разбросан по комнатам. Дверца шкафа была сорвана с петель. Следов пальцев обнаружить нигде не удалось.

Общий вид места происшествия, трупы и вещественные доказательства были сфотографированы.

К моменту окончания осмотра, который длился около пяти часов, в лесу, на расстоянии около полутора километров от дома Дубровиных в сторону железнодорожного разъезда местные жители обнаружили труп лесника П. С. Сарафановой, 49 лет. Голова ее была размозжена, а глаза вырезаны. При осмотре места происшествия были обнаружены следы волочения трупа и полу-

литровая бутылка из-под водки. Других каких-либо следов обнаружить не удалось.

Согласно показаниям соседей Дубровиных, последние всегда держали дверь дома запертой и неохотно пускали к себе в дом даже знакомых им людей. Учитывая эти показания и данные осмотра, мы пришли к выводу о том, что преступление совершили несколько человек, причем кого-то из них Дубровины хорошо знали, ибо иначе не пустили бы к себе в дом. Кроме того, повидимому, преступники были осведомлены о наличии в доме Дубровиных ценных вещей. Что касается убийства лесника Сарафановой, то представлялось весьма вероятным, что она была убита той же бандитской группой, на которую она, возможно, случайно наткнулась, совершая обход своего лесного участка.

На основании данных осмотра и показаний свидетелей мы примерно определили, какие вещи похищены из дома Дубровиных.

В соответствии с собранными по делу данными был намечен план одновременного производства оперативно-розыскных и следственных действий.

Работники милиции занялись установлением по данным районных органов Министерства внутренних дел людей, ранее судившихся за кражи, грабежи и убийства и проживавших в Гусевке и окрестных селах.

Одновременно были взяты под особое наблюдение все дороги в Гусевку и приняты меры к выяснению, кто, когда и зачем незадолго до убийства приезжал в Гусевку и на разъезд Забурунный, находящийся в 6 км от села.

Связавшись с управлением милиции Сталинградской области, мы сообщили, какие примерно вещи похищены у Дубровиных, и просили немедленно организовать наблюдение на рынках г. Сталинграда, близ расположенных станциях и в поселках и задержать тех, кто будет продавать указанные вещи.

Одновременно с этим следователи присутствовали при судебно-медицинском исследовании трупов, изучали обнаруженные при осмотре вещественные доказательства и допрашивали соседей и родственников Дубровиных для выяснения образа жизни покойных, их знакомств и т. п.

В тот же день работники милиции установили, что у соседа Дубровиных — Василия Ивановича Васильева в ночь, когда было совершено убийство, происходила пьянка по случаю проводов племянника Васильева, в ту же ночь уехавшего с разъезда Забурунный поездом Саратов — Сталинград в Сталинград. На допросе В. И. Васильев показал, что племянник его направлялся на учебу в г. Одессу. Органам охраны Министерства внутренних дел на железных дорогах было дано поручение найти и допросить племянника Васильева, ибо мы предполагали, что он мог иметь отношение к убийству Дубровиных. Он был обнаружен в одном из поездов, следующих на Одессу; однако обыск и допрос его никаких положительных результатов не дали.

Впоследствии оказалось, что он к этому преступлению не причастен.

Кроме того, мы не ограничились осмотром только территории дома и двора Дубровиных, но и организовали тщательный осмотр окружающей территории, в частности леса по направлению к разъезду Забурунный, и на расстоянии около 300 метров от села в кустах обнаружили два окровавленных ватника, ватные брюки и пустой чемодан.

Судебно-медицинские эксперты, производившие исследование трупов, дали заключение, что смерть во всех случаях последовала от грубого нарушения центральной нервной системы в результате повреждений черепа, нанесенных каким-то твердым предметом с большой силой. У всех трупов острорежущим орудием были порезаны веки и оболочки глаз.

Таким образом, способ убийства Дубровиных и Сарафановой был один и тот же, что подтверждало наш вывод о том, что они убиты одной и той же бандитской группой.

Тщательным изучением вещественных доказательств, обнаруженных на месте происшествия, — булки, кусочков газеты и ломиков — было установлено следующее:

1) такие булки в Ольховском районе не выпекаются, булка городской выпечки, примерно трех-четырехдневной давности;

2) кусочки газеты оказались от «Литературной газеты» за 10 ноября. Этот номер газеты в Сталинград должен поступить на следующий день после выхода

в Москве, а в Ольховский район — лишь 15 ноября, т. е. на следующий день после убийства;

3) ломики были изготовлены кустарным способом из круглого железа, их диаметр равен 35 мм, а длина 45 см. Подобного железа ни в МТС, ни в других расположенных вблизи организациях Ольховского района не оказалось. Подобного рода железо применяется на крупных стройках и, в частности, в Сталинграде.

Все это вместе взятое довольно убедительно указывало на то, что убийцы откуда-то приехали, а вероятней всего, прибыли в Гусевку 12—13 ноября из Сталинграда.

В списке лиц, имеющих судимости, составленном милицией, значился уроженец Гусевки Н. А. Гундиков, 26 лет, трижды судившийся за кражи. При проверке оказалось, что он является племянником соседа Дубровиных В. И. Васильева. После отбытия наказания Гундиков проживал в Гусевке без определенных занятий, пьянствовал и т. п. Дней за десять до убийства Гундиков выехал из Гусевки в неизвестном направлении якобы для устройства на работу. Допрошенный В. И. Васильев ничего не мог сказать о том, куда уехал Гундиков и где он находится сейчас.

К этому времени работники милиции установили, что 12 ноября с поезда, следовавшего из Сталинграда в Казань, на разъезде Забурунном сошли три человека — двое мужчин и одна женщина. Один из мужчин и женщина ночевали на разъезде, на следующий день они ушли в сторону села Гусевки и больше не возвращались. Нами был допрошен начальник разъезда. Он подробно описал внешность этих людей. При этом начальник разъезда заявил, что женщина и один из мужчин ему не знакомы, второго же мужчину он знает, это — Гундиков.

Далее выяснилось, что Гундиков, покрывшись мешком (шел дождь), ушел в направлении хутора Забурунный, лежавшего на пути в Гусевку. Неизвестные же мужчина и женщина всю ночь оставались на разъезде, причем мужчина лежал на лавке лицом к стене. Утром 13 ноября неизвестная женщина ходила на хутор и принесла продукты, после чего она вместе с мужчиной ушла с разъезда в направлении Гусевки.

Проверкой на хуторе и допросами жителей было установлено, что неизвестная женщина на хуторе Забу-

рунный в ларьке у продавца Федоренко купила поллитра водки и 900 г мяса, а у домохозяйки Шармановой 600 г хлеба. После этого неизвестная попросила разрешения сварить суп в доме Вершковой, говоря, что они с мужем едут из Романовки из отпуска в Сталинград и в ожидании поезда решили покушать. Она якобы уроженка Романовки, а муж ее — кубанец. После этого она пришла с мужем, они пообедали и ушли.

Уезжали ли обратно эти люди, начальник разъезда показать не мог, так как мест в поезде, шедшем утром 14 ноября в Сталинград, не было и кассу он поэтому даже не открывал.

Получив такие сведения, мы немедленно поручили работникам милиции проверить связи и знакомства Гундикова в Гусевке и окрестных селах, а также передали в Сталинград задание установить местожительство Гундикова и задержать его, если он окажется в Сталинграде.

Было установлено, что Гундиков дружил с некоей Катковой, жительницей пристанционной деревни Забуруново. Катковой в момент проверки дома не оказалось, но ее мать показала, что Гундиков у них действительно был 12 ноября, ночевал и утром куда-то ушел.

Вскоре вернувшаяся домой Каткова была допрошена. Вначале она отрицала, что Гундиков был у нее дома 12 ноября, однако на очной ставке со своей матерью признала, что Гундиков действительно ночевал у них 12 ноября и утром ушел.

Каткова показала, что у Гундикова был с собой какой-то мешок, завязанный черным шнурком от ботинка. Уходя утром 13 ноября, он взял этот мешок с собой и сказал, что уезжает в Сталинград. После этого она Гундикова больше не видела.

Катковой был предъявлен мешок, обнаруженный в коридоре дома Дубровиных, и она заявила, что точно такой же мешок, завязанный шнурком от ботинка, был и у Гундикова.

Обнаруженная в лесу одежда также была предъявлена Катковой, ее матери и начальнику разъезда. Все они опознали ее, показав, что такие именно ватная куртка и брюки были одеты на Гундикове 12 ноября.

Судебно-медицинские эксперты дали заключение, что на одежде имеется кровь человека различных групп

(в разных пятнах). К этим же группам крови относилась кровь убитых.

Чемодан, обнаруженный в лесу вместе с одеждой, был опознан свидетелями как принадлежавший Дубровиным.

Таким образом, участие Гундикова в убийстве Дубровиных представлялось вполне вероятным. В Сталинград нами были немедленно переданы все необходимые сведения о Гундикове, и к вечеру 15 ноября он был задержан на рынке при попытке продать два платья. Платья эти впоследствии были опознаны как похищенные из дома Дубровиных.

При аресте Гундиков был одет в новые костюм и пальто, а в кармане пиджака у него оказалась квитанция камеры хранения станции Сталинград. По этой квитанции в камере хранения был изъят чемодан с вещами. Впоследствии было установлено, что костюм, пальто, этот чемодан и вещи, находящиеся в нем, похищены из дома Дубровиных.

На допросе Гундиков признал себя виновным в убийстве Дубровиных и Сарафановой, но заявил, что в убийстве принимали участие двое неизвестных ему мужчин, с которыми он познакомился в поезде по дороге из Сталинграда на разъезд Забурунный.

Однако, как указано выше, мы располагали данными о том, что в бандитском нападении, повидимому, принимали участие приехавшие с Гундиковым мужчина и женщина, а не двое мужчин. Следовательно, Гундиков говорил неправду. Надо было также иметь в виду, что Гундиков был известен в деревне как вор и вряд ли ему в ночное время Дубровины открыли бы дверь. Таким образом, с Гундиковым во время бандитского налета должен был находиться еще кто-то известный Дубровиным.

Поскольку Гундиков являлся племянником В. И. Васильева, можно было предполагать, что в преступлении мог принимать участие сам В. И. Васильев или кто-либо еще из его родственников.

При обыске в доме В. И. Васильева никаких вещей, похищенных у Дубровиных, или иных предметов, могущих указать на его участие в преступлении, обнаружено не было. При обыске мы нашли письмо от его брата — Ивана Ивановича Васильева, проживающего в Сталинграде.

Когда мы допрашивали В. И. Васильева о его родственниках, он дал достаточно подробные показания о всех, за исключением этого брата. На специально заданный об этом вопрос Васильев ответил, что действительно у него был брат Иван, но после окончания Отечественной войны он никаких сведений о нем не имеет. Однако проверка показала, что Васильев Иван Иванович жив и здоров, живет и работает в Сталинграде.

Мы тогда снова допросили В. И. Васильева, сообщив ему о результатах проверки, и предъявили обнаруженное при обыске письмо. В. И. Васильев, ссылаясь на свою плохую память, заявил, что якобы он забыл об этом брате. Это показалось неправдоподобным. Можно было допустить, что В. И. Васильев умышленно скрывал этого брата.

Поэтому возникло подозрение, что И. И. Васильев мог участвовать в убийстве.

Было дано задание в Сталинград произвести обыск на квартире И. И. Васильева. Этот обыск никаких результатов не дал. Однако проверкой по месту работы было установлено, что И. И. Васильев брал отпуск за свой счет с 11 по 14 ноября. Допрошенный об этом сам И. И. Васильев давал путаные и противоречивые показания.

Мы вновь передопросили арестованного Гундикова, по ходу допроса предъявляли ему собранные доказательства и изобличали в ложных показаниях. 17 ноября Гундиков признался, что убийство и ограбление Дубровиных и убийство Сарафановой совершил он совместно со своими дядей Иваном Ивановичем Васильевым, 37 лет, и его женой Марией Галактионовной Васильевой, 34 лет, по предварительному сговору и что похищенные вещи зарыты в сундуке в подвале дома Васильевых. При повторном обыске в подвале были действительно обнаружены указанные вещи, а вторая ватная куртка из обнаруженных в лесу была опознана соседями как принадлежащая И. И. Васильеву.

Галоши, обнаруженные в мешке в коридоре дома Дубровиных, оказались принадлежащими М. Г. Васильевой, что было установлено показаниями свидетелей.

Васильевы были арестованы и на допросах признали себя виновными и рассказали, как они совершили преступление.

6 ноября Гундиков приехал в Сталинград к Васильевым и вечером во время пьянки, они, т. е. Гундиков, И. И. Васильев и М. Г. Васильева, решили ограбить брата Васильевой — Архипова, проживающего в Сталинграде, в поселке Баррикады. С этой целью они 7 ноября отправились к дому Архипова, но, так как последний оказался дома и у него в квартире были гости, преступники от своего плана были вынуждены отказаться.

Тогда 8 ноября, во время вторичной пьянки на квартире Васильевых, было решено совершить ограбление и убийство Дубровиных, проживающих в Гусевке, которые были хорошо знакомы М. Г. Васильевой и хорошо знали ее.

Преступники разработали план совершения преступления, и в соответствии с этим планом И. И. Васильев взял отпуск за свой счет на три дня.

11 ноября вечером, вооружившись изготовленными И. И. Васильевым двумя ломиками, взяв два перочинных ножа и два мешка, бандиты выехали на разъезд Забурунный, куда прибыли утром 12 ноября. Здесь выяснилось, что поезд обратно в Сталинград идет только в 4 часа утра 14 ноября. В связи с этим бандиты решили осуществить нападение на Дубровиных в ночь на 14 ноября, перед отходом поезда, чтобы сразу же уехать из Гусевки, где, несомненно, после обнаружения убийства начнутся розыски бандитов. В связи с тем, что у них оставалось еще много времени, Гундиков пошел к своей знакомой Катковой, у которой ночевал. Васильевы же остались на разъезде.

Днем 13 ноября на опушке леса Васильевы встретились с Гундиковым и все трое направились лесом в обход дорог в сторону Гусевки. Не доходя до нее, они остались в лесу до наступления темноты и выпили здесь пол-литра водки. В это время их и заметила лесник Сарафанова, которая приняла их за порубщиков леса и вначале, не видя Гундикова, предложила следовать за нею в сельсовет. Но когда Сарафанова увидела Гундикова, которого хорошо знала, то, сказав, «теперь понятно, для чего ты привел людей», повернулась и пошла от них в сторону. В этот момент Васильев свалил ее на землю, а Гундиков убил тремя ударами ломика по голове. Они оттащили труп в сторону, и Васильев порезал у него глаза.

С наступлением темноты преступники подошли к дому Дубровиных. М. Г. Васильева постучала и, когда Дубровина ей открыла дверь, она вошла в дом, оставив дверь в коридор открытой. Поговорив с Дубровиными минут пять-десять, М. Г. Васильева сделала вид, что уходит. Дубровина пошла закрыть за ней дверь. В этот момент находившийся уже в коридоре И. И. Васильев ударил ее ломиком по голове, Гундиков ударил по голове вышедшего на шум в коридор Бориса Теселкина, а после этого Анатолия Теселкина.

Затем Гундиков совместно с И. И. Васильевым убили Дубровина, находившегося в кухне, добили остальных и стащили трупы в кухню. М. Г. Васильева в это время стояла у двери, наблюдая, чтобы кто-нибудь не подошел к дому.

Проникнув в комнаты, преступники забрали ценные вещи и предметы одежды и скрылись в лес. В лесу Васильев и Гундиков сняли с себя окровавленную одежду, бросили ее в кусты и надели костюмы и пальто из числа похищенных.

Около полуночи бандиты скрытно подошли к разъезду Забурунный и в 4 часа утра 14 ноября сели на поезд. Билетов они не брали, а за безбилетный проезд дали 100 руб. поездному ревизору и одно дамское платье проводнику вагона [1]. На разъезде Разгуляевка, не доезжая Сталинграда, преступники сошли с поезда и на попутной автомашине приехали домой.

Рано утром 15 ноября Гундиков отправился на вокзал, чтобы выехать в Краснодар, но оказалось, что поезд идет не в 5 часов утра, как он рассчитывал, а в 5 вечера. Тогда он пошел на рынок и там при попытке продать два дамских платья был задержан.

На основании ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и ст. 59^3 УК РСФСР с применением ст. 2 Указа от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» преступники осуждены Сталинградским областным судом к лишению свободы сроком на 25 лет, с поражением в правах сроком на 5 лет и с конфискацией имущества каждый.

[1] Дело о взяточничестве проводника и поездного ревизора было выделено в отдельное производство, и виновные привлечены к ответственности.

На примере этого дела видно, насколько важны оперативность в производстве следственных действий, правильная организация и взаимосвязь оперативно-розыскных и следственных действий, насколько необходимы тщательный осмотр места происшествия и окружающей местности, своевременное и тщательное изучение вещественных доказательств.

Все это можно было осуществить лишь при надлежащей организации расследования и тесном деловом контакте в работе органов прокуратуры и милиции.

Народный следователь прокуратуры
Невинномысского района
Ставропольского края
юрист 2-го класса
В. А. ГОРИН

УСПЕШНОМУ РОЗЫСКУ УБИЙЦЫ СПОСОБСТВОВАЛО ОБДУМАННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛЬНОГО ТРЕБОВАНИЯ

23 октября 1952 г. в прокуратуру района поступило сообщение об убийстве гражданки Евдокии Федоровны Корниенко во время возвращения ее с работы.

Приняв дело к своему производству, я немедленно выехал для осмотра места происшествия, где застал следующую картину. Труп Корниенко лежал лицом кверху около забора углового дома улицы примерно в 400—500 м от маслозавода, на котором работала потерпевшая.

Лицо Корниенко было сильно окровавлено. На верхней губе слева имелась резаная рана с ровными краями, рассекающая всю толщу губы от носогубной складки косо, сверху вниз. На передней поверхности шеи имелась широко зияющая рана размером 8 см × 7 см. В правом углу ее был виден осколок обломанного лезвия бритвы. Кроме этой раны, на шее имелось несколько разрезов линейной формы.

Состояние одежды свидетельствовало о сопротивлении, оказанном потерпевшей.

На расстоянии 14 м от трупа на дороге была найдена мужская кепка черного цвета.

Кепку и осколок лезвия бритвы я приобщил к делу в качестве вещественных доказательств.

Установление личности убийцы не потребовало особого труда: убийство было совершено днем, на улице, в присутствии многих лиц.

По словам рабочих маслозавода, оказавшихся очевидцами преступления, Корниенко была убита своим бывшим мужем Беляевым.

Допросом свидетелей — родных и близких знакомых Корниенко — было выяснено, что Беляев с 1949 года состоял в зарегистрированном браке с Корниенко. Последняя не раз расходилась с мужем, так как Беляев, ревнуя ее, часто устраивал скандалы и избивал ее. Каждый раз, когда Корниенко уходила от мужа, он, угрожая расправой, добивался ее возвращения.

Незадолго до убийства Корниенко покинула своего мужа, заявив, что ее решение бесповоротно и ничто не заставит ее вернуться.

Однако и после этого Беляев не прекращал преследовать свою жену. При каждой встрече с ней — на заводе, на улице — он угрожал убить ее, если она не вернется к нему.

Отец убитой и другие ее родственники, знавшие Беляева, считали эти угрозы настолько реальными, что добились перевода Корниенко в дневную смену и почти каждый вечер ходили встречать ее при возвращении с работы.

О самом событии преступления свидетели-очевидцы показывали следующее:

Корниенко шла домой с работы. На углу переулка к ней подошел Беляев, стоявший там до этого продолжительное время. Некоторое время они о чем-то говорили. Затем между ними произошла короткая борьба. Беляев свалил Корниенко на землю, выхватил из кармана бритву и нанес ей несколько ран в горло. Отскочив в сторону, Беляев быстро вымыл лицо и руки водой из лужи, после чего бегом направился в сторону железнодорожного переезда и скрылся в лесу, расположенном за переездом, в 600 м от места убийства.

Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что свидетели, видевшие все издали, не успели принять мер к предотвращению преступления. Задержать Беляева также не удалось.

Противоречий в показаниях свидетелей не было. Картина преступления и его мотивы рисовались совершенно ясно.

Оставалось разыскать убийцу.

Разрешение этой задачи я решил начать с выяснения

некоторых подробностей из биографии Беляева. В частности, в первую очередь надо было узнать, где работал и проживал Беляев раньше, в каких местах он имеет родственников или знакомых, с кем из них состоит в переписке.

Как показывает опыт, установление родственных связей нередко помогает обнаружить скрывающегося преступника. Рассчитывая на помощь родных и близких, преступник или поселяется в той же местности, или бывает там проездом, или, наконец, письменно сообщает что-либо о себе.

Вот почему я прежде всего допросил родственников покойной Корниенко. Заинтересованные в обнаружении убийцы, они, а в особенности ее отец, стремились оказать мне всемерную помощь в установлении обстоятельств, касавшихся прошлого Беляева.

Оказалось, что у Беляева было только двое родственников — мать, проживающая вместе с сыном в Невинномысске, и сводный брат — Михайлов, проживавший в станице Шелковской Грозненской области. Однако, как оказалось при проверке, мать Беляева выехала из Невинномысска в неизвестном направлении за неделю до убийства Корниенко.

Для получения более подробных данных о личности Беляева, в частности, для выяснения, с кем из знакомых он находился в переписке, я произвел обыск в его квартире. В результате обыска был обнаружен обрывок конверта, адресованного Беляеву гражданкой Москалевой. Это обстоятельство особенно привлекло мое внимание. Фамилия Москалевой неоднократно фигурировала в показаниях свидетелей, хорошо знавших образ жизни Беляева. По их словам, Москалева была одной из наиболее близких его знакомых.

При обыске был также найден блокнот, в котором среди заметок и записей, не представлявших интереса для расследования, были три адреса в г. Свердловске:

1) ул. Вышинского, д. 37, Свердллесдревмет;
2) ул. Пушкинская, д. 113;
3) ул. Красная, д. 7.

Поскольку не исключалось, что по этим адресам в дальнейшем можно будет выявить людей, знавших что-либо о жизни Беляева после совершения убийства, этот блокнот был мною также изъят.

В процессе обыска я нашел несколько фотокарточек Беляева. Предвидя, что в целях розыска Беляева мне в дальнейшем придется рассылать отдельные требования, я решил изъять одну из них и, размножив, приложить к каждому отдельному требованию. Для этого из всех фотокарточек я выбрал ту, на которой стояла дата, указывающая, что фотографирование производилось незадолго до совершения Беляевым преступления.

Таковы были данные, которые я мог использовать в целях розыска Беляева.

Розыск я производил одновременно по нескольким направлениям.

Во-первых, через РОМ Министерства внутренних дел я разослал запросы о розыске Беляева во все города и районы, где пребывание его (по собранным мною данным) казалось более вероятным. К каждому запросу была приложена фотокарточка Беляева.

Надо сказать, что особые надежды я возлагал на запросы, посланные в Прохладненский район Кабардинской АССР, где Беляев родился и жил довольно продолжительное время, в г. Нальчик, где проживала Москалева (адрес ее был нами установлен), и, наконец, в Шелковский район — по месту жительства Михайлова. Но меня ждало разочарование. Результаты этих запросов оказались малообнадеживающими.

Из Прохладненского района мне ответили, что принятыми мерами Беляев не найден, розыск продолжается.

Из г. Нальчика пришло сообщение, что Беляев на территории города не обнаружен. Но в процессе розыска удалось установить, что Беляев в конце октября проезжал через город, останавливался у Москалевой и в тот же день уехал. По словам Москалевой, допрошенной органами милиции, о его дальнейших планах и пути следования ей не было ничего известно.

Из Шелковского района на запрос о пребывании Беляева был получен ответ, что Беляев мерами оперативного розыска не обнаружен. К ответу прилагались справки из адресного стола.

Никаких сведений об обвиняемом не было получено также в результате розыска по Свердловской области.

Наряду с этим я принимал и другие меры к выяснению местопребывания Беляева. Исходя из того, что Беляев, как и большинство мужчин его возраста, является,

вероятно, военнообязанным, я понимал, что в любом месте, где бы он ни поселился, ему неизбежно придется встать на военный учет. Но взять его на учет могли лишь после того, как получили бы его учетную карточку из военного стола по месту прежнего жительства. Наличие запроса этой карточки могло бы дать нить к установлению места его пребывания.

Поэтому по прошествии двух недель, в течение которых Беляев мог уже где-то окончательно поселиться, я обратился в районный военкомат с просьбой сообщить, состоит ли на учете Беляев и имеются ли по поводу его какие-либо запросы из других районов. Однако этим путем выяснить ничего не удалось. Ответ, полученный мною из райвоенкомата, свидетельствовал о том, что снятием Беляева с учета никто не интересовался, учетная карточка другими военкоматами не затребовалась и сведений о его местопребывании не имеется.

Таким образом, прямых указаний на местопребывание Беляева розыск пока не давал.

Тем более внимательного отношения к себе требовали те немногие сведения, которые удалось собрать в результате всех предпринятых мною действий.

Тщательно продумывая и сопоставляя результаты розыска с фактами, известными мне из показаний свидетелей, я пришел к выводу, что между ними имеется некоторое противоречие.

Беляев выехал из Невинномысска и проехал через Нальчик, следовательно, он мог двигаться в направлении к Каспийскому морю. При таком маршруте он должен был проехать через Грозненскую область. Трудно было допустить, что он не воспользуется случаем заехать при этом к своему брату — Михайлову, жившему на пути его следования. Отношения с братом, по показаниям родных Корниенко, у него были прекрасные. Поэтому рассчитывать на поддержку и отдых в его доме, хотя бы на некоторое время, было со стороны Беляева вполне естественным.

Не исключено было, что Грозненская область могла быть конечной целью пути Беляева. С помощью брата он мог устроиться на работу и постоянное жительство в той же местности или где-нибудь поблизости.

Исходя из таких соображений, я решил проверить всеми возможными путями сообщение милиции Шелков-

ского и смежных с ним районов об отсутствии Беляева на их территории. С этой целью я послал в прокуратуру Шелковского района отдельное требование с просьбой выяснить, не проживает ли Беляев на территории района. В отдельном требовании я обращал внимание прокуратуры на то, что брат Беляева постоянно проживает в Шелковском районе и что не исключена возможность встречи обоих братьев.

Полагаясь на возможность установления местопребывания разыскиваемого, прокурору одновременно было послано постановление на арест Беляева и этапирование и рекомендовалось в необходимых случаях прибегнуть к производству обыска и допросов соответствующих лиц.

Одновременно с этим через прокурора Шелковского района я направил начальнику районной конторы связи свое постановление о наложении ареста на корреспонденцию Михайлова.

Успешное выполнение отдельного требования прокуратурой Шелковского района решило исход дела. При допросе проживающего в станице Шелковской брата Беляева были установлены чрезвычайно важные обстоятельства.

Как показал Михайлов, его брат, Беляев, был у него дважды — в первых числах декабря 1952 года и в феврале 1953 года. Первый раз он объяснил свой приезд тем, что его командировали на сбор хлопка в г. Моздок и что он после окончания работы будто бы отпросился на несколько дней, чтобы навестить брата. На вопрос Михайлова о жене, Беляев ответил, что они живут по-старому. Прожив у Михайлова два дня, Беляев уехал, сказав, что направляется домой, в Невинномысск.

В феврале он снова неожиданно приехал к Михайлову, заявив, что поселился по соседству с ним, вблизи г. Кизляра, и работает там в колхозе имени Шаумяна в качестве кузнеца. Переезд из Невинномысска он мотивировал тем, что «не поладил с начальством на старой работе». По словам Михайлова, о совершении убийства, Беляев ему ничего не сказал и на этот раз.

Однако, как выяснилось при дальнейшем расследовании, Михайлов рассказывал не все, что было ему известно о Беляеве.

При обыске на квартире у Михайлова было изъято два письма от Беляева. Содержание писем дало в распоряжение следствия ценные сведения. Пользуясь тем, что в колхозе не поинтересовались его документами, Беляев скрыл свою настоящую фамилию, имя и отчество и с целью затруднения розыска называл себя Скворцовым Николаем Сергеевичем.

Материалы отдельного требования были немедленно направлены прокурором Шелковского района прокурору г. Кизляра, и 10 апреля милиция задержала Беляева-Скворцова.

От своей вымышленной фамилии Беляев отказался лишь при допросе в прокуратуре г. Кизляра, где ему была предъявлена его собственная фотокарточка, приложенная мною к отдельному требованию. На том же допросе Беляев, поняв бесполезность запирательства, полностью признал себя виновным в совершенном убийстве.

После того как обвиняемый был этапирован в Невинномысск, я закончил следствие по делу в трехдневный срок.

Народный суд 1-го участка Невинномысского района осудил Беляева по ст. 136 «а» УК РСФСР к длительному сроку лишения свободы.

Прокурор следственного управления
Прокуратуры СССР
младший советник юстиции
С. В. КОВАЛИХИН

Старший научный сотрудник
ВНИИ Криминалистики
Прокуратуры СССР
советник юстиции
Г. И. КОЧАРОВ

НЕУКЛОННО СОБЛЮДАТЬ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНА О ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ

В ночь на 28 февраля 1949 г. в управление милиции Северо-Осетинской АССР из села Ольгинского поступило сообщение о том, что неизвестные преступники, проникнув в дом стариков Кокаевых, убили хозяина дома А. Кокаева и тяжело ранили его жену Д. Кокаеву.

В нарушение уголовно-процессуального закона сотрудники милиции, выезжая на место происшествия, не поставили в известность о случившемся ни прокурора, ни следователя. С работниками милиции выехали на место эксперт-криминалист и судебный медик.

На месте происшествия в одной из комнат дома лежал одетый в нижнее белье труп Кокаева. В этой же комнате лежала раненая Кокаева, находившаяся в бессознательном состоянии.

Придя в сознание, Кокаева заявила, что убийство ее мужа совершил их сосед Асхарбек Арчегов, бывший с ним в ссоре. С Арчеговым был второй, не известный ей человек.

Получив это сообщение, работники милиции направились к Арчегову и задержали его. В доме и на приусадебном участке Арчегова был произведен тщательный обыск.

Арчегов категорически отрицал причастность к убийству. Не сознался он и после того, как потерпевшая на очной ставке указала на него как на убийцу.

Осмотр места происшествия был произведен утром

28 февраля. К этому времени Арчегова уже заключили под стражу. Сомнений, что он является убийцей, у работников милиции не было, и осмотр по существу производился «порядка ради».

Осмотр места происшествия начали с осмотра трупа. Полностью положившись на судебно-медицинского эксперта, работник милиции механически записывал в протокол все то, что тот ему диктовал. Эксперт же, в свою очередь, не менее работников милиции уверенный, что убийца уже обнаружен и всякие подробности излишни, ограничился лишь указанием на то, что убитому нанесли несколько ран. Расположение этих ран, их размеры и форма в протоколе не описывались.

Эксперт мог бы подсказать, как правильно описать многочисленные следы крови в комнате, однако и этого он тоже не сделал.

Все последующие действия работников милиции на месте происшествия, а равно помогавших им экспертов были грубо ошибочными.

На вынутом преступниками стекле окна, через которое они проникли в дом, были найдены следы пальцев рук. Их расположение в протоколе не описали, а сами следы не сфотографировали. Стекло было изъято, но впоследствии его потеряли.

В саду, прилегавшем к дому потерпевших, нашли финский нож с ручкой, состоявшей из отдельных колец пластмассы. Была ли на ноже кровь, осталось неизвестным, так как в протоколе об этом ни слова не говорилось. Не говорилось и о том, в каком именно месте обнаружили этот нож.

В саду во время осмотра была найдена и пара мужских галош. Их размер, как оказалось, в протоколе указали неправильно. На индивидуальные признаки галош никакого внимания не обратили. Более того, эксперт-криминалист без всякой к тому необходимости разрезал носки этих галош до подошвы. Место, где нашли эти галоши, в протоколе подробно указано не было.

Судя по протоколу, участники осмотра обнаружили следы ног двух человек. Эти следы вели через сад Кокаевых к сельскому кладбищу, оттуда сворачивали в сторону г. Дзауджикау и исчезали на городской окраине. На большом протяжении рядом со следами ног одного человека слева и справа от них имелись пятна,

похожие на кровь. Следы ног вели не к дому Арчегова, а в противоположном направлении. Следы не были описаны, измерены и сфотографированы. Не было также сделано гипсового слепка с этих следов. Указание в протоколе на то, что следы не сфотографированы, так как они «оставлены на снегу», звучит наивно. Произвести такую фотосъемку, методы которой в криминалистике достаточно хорошо известны, было вполне возможно.

В результате следы ног не могли быть впоследствии использованы для последующей идентификации обуви.

Обнаружение рядом со следами ног пятен, похожих на кровь, давало основание предположить, что один из преступников был ранен. Об этом же свидетельствовало и то, что пятна крови нашли на калитке, ведущей со двора Кокаевых в сад.

Казалось, этим следам нужно было уделить особое внимание, так как не исключалось, что при тщательном их изучении можно было установить, в частности, куда ранен преступник. Однако описание точного расположения следов в протоколе отсутствовало. Не составили участники осмотра и необходимой в таких случаях схемы. Пятна, похожие на кровь, найденные у следов ног, не изымались, хотя это было совершенно необходимо. Не изъяли и досок калитки с пятнами крови.

Таким образом, все найденные на месте происшествия важнейшие доказательства по существу игнорировались, что впоследствии сыграло крайне неблагоприятную для исхода дела роль.

Не на высоте оказался и судебно-медицинский эксперт, вскрывавший труп Кокаева. Обнаруженные на трупе ранения были описаны поверхностно, без указания на их характерные особенности и свойства. Достаточно сказать, что в акте судебно-медицинской экспертизы не было даже указано, какие углы и края имели раны. В результате впоследствии не представилось возможным установить, могли ли эти раны относиться к категории резаных и быть нанесенными ножом.

Все следствие велось в направлении одной версии, согласно которой преступление совершил Арчегов совместно с неизвестным соучастником. Однако после десятидневного содержания под стражей Арчегова пришлось освободить.

В материалах дела не нашли отражения все доказательства, говорившие о невиновности Арчегова. Между тем даже спустя более чем четыре года при дополнительном расследовании была бесспорно установлена непричастность Арчегова к преступлению.

Как показало это дополнительное расследование, работники милиции, явившиеся в дом Арчегова вскоре после происшествия, застали его спящим. Его обувь оказалась сухой, хотя на улице в то время было много снега. Следов крови на одежде или обуви Арчегова не обнаружили, а тщательный обыск никаких уличавших Арчегова материалов не дал. Оказалось, что и свежих следов от места убийства к дому Арчегова, неизбежно имевшихся бы, если бы Арчегов возвращался к себе ночью после убийства, обнаружено не было.

Мать и брат Арчегова утверждали, что он около 10 часов вечера лег спать и никуда не отлучался.

Заявление Д. Кокаевой, что Арчегов враждовал с ее мужем, было голословным и не подтверждалось допросом остальных членов семьи Кокаевых и многих односельчан. Наоборот, выяснилось, что Арчегов бывал в доме Кокаевых и дружил с их сыном.

При анализе показаний Д. Кокаевой и односельчан, которым она рассказывала о происшествии, стало очевидным, что опознание ею Арчегова не было твердым и, повидимому, явилось результатом заблуждения. Так, в одних показаниях Д. Кокаева категорически утверждала, что преступление совершил Арчегов, а в других — говорила об этом предположительно («мне кажется»).

Имелись также показания Д. Кокаевой, в которых она указывала, что с Арчеговым был другой односельчанин — Каллагов, хотя вначале Кокаева говорила, что второго преступника она не узнала. Каллагов в связи с этими показаниями несколько дней содержался под стражей, но был освобожден за отсутствием улик.

При дополнительном расследовании — к этому времени Д. Кокаева умерла — возникло предположение, что подозрения Кокаевой в отношении Арчегова могли явиться результатом не только возможного сходства Арчегова с кем-либо из действительных преступников, но и того, что Д. Кокаева знала о прошлом Арчегова, судившегося за скотокрадство. Более того, в свое время

(в 1942 г.) Д. Кокаева подозревала Арчегова в краже у них коровы.

Ко всему изложенному нужно добавить, что возможность опознания Арчегова в условиях, когда случилось происшествие, вызывала сомнение: в комнате было темно (она освещалась тусклой коптилкой), а Д. Кокаева, несомненно, находилась в состоянии испуга.

Убедившись в непричастности к убийству Арчегова, работники милиции с большим опозданием решили проверить и другие возможные версии преступления.

Вернувшись к данным осмотра места происшествия и правильно придя к выводу, что один из преступников получил при нападении повреждения, органы милиции запросили лечебные учреждения г. Дзауджикау по поводу сведений о лицах, обращавшихся в период, близкий ко времени происшествия, за медицинской помощью в связи с ранением.

Оказалось, что вечером 1 марта 1949 г. на станцию «Скорой помощи» обращался некий Быдтаев по поводу довольно глубокого пореза большого пальца левой руки. Ему была наложена асептическая повязка и введена противостолбнячная сыворотка.

Было установлено, что Быдтаев не имел определенных занятий, ранее судился за кражу и хулиганство. Вместе с тем оказалось, что за два дня до происшествия Быдтаев совместно со своей знакомой Туаевой и дальней родственницей Кодзаевой, являвшейся также невесткой убитого, ездил на автомашине в село Ольгинское, куда Кодзаева отвозила продукты. Выяснилось также, что Кодзаева находилась в неприязненных отношениях со своей свекровью — Д. Кокаевой, которая была против брака своего старшего сына с Кодзаевой. Вместе с тем Кодзаева была в хороших отношениях с Быдтаевым, который постоянно встречался в ее комнате с Туаевой.

Эти данные послужили основанием для производства обыска у Быдтаева. Одновременно были произведены обыски у его товарищей Цакулова и Оказова. Обыск и осмотр одежды Цакулова и Оказова никаких результатов не дал, а у Быдтаева были изъяты телогрейка и сапоги, так как на них имелись пятна, похожие на кровь. Быдтаев был задержан, а изъятые у него вещи направлены на судебно-медицинскую экспертизу. Одновременно

на экспертизу были направлены образцы крови Быдтаева.

В связи с его задержанием вспомнили о пятнах крови на калитке двора Кокаевых. Два сколка дерева с пятнами крови тоже направили на экспертизу.

Исследуя эти доказательства, экспертиза пришла к выводу, что на сапогах Быдтаева крови нет, а на телогрейке кровь хотя и имеется, но принадлежит она животному. На калитке имеется кровь человека, группу которой определить невозможно, так как кровь была представлена в незначительном количестве.

Быдтаев категорически отрицал свою причастность к преступлению. Порез на большом пальце, по объяснению Быдтаева, он случайно причинил себе при попытке нарезать ножом лучину для растопки печи. Эти показания были подтверждены Туаевой и некоторыми другими свидетелями.

Дело об убийстве Кокаева было производством прекращено. Однако органы милиции продолжали вести расследование.

Допрошенные в качестве свидетелей, Анохин, Железняков и Королев показали, что в 1948 году они работали вместе с Быдтаевым и Цакуловым на железнодорожной станции и видели у них финский нож с ручкой из пластмассовых колец.

Свидетелям был предъявлен нож, приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства, который они, как было указано в протоколах, опознали за тот, который прежде видели у Быдтаева и Цакулова.

Через несколько месяцев после этих показаний в г. Дзауджикау был задержан Цакулов. На протяжении ряда дней он многократно допрашивался и на одном из допросов признал, что причастен к преступлению. Он показал, что однажды, придя в общежитие, где жила Туаева, он встретил там Быдтаева, который повел его в буфет, где заказал по 400 граммов водки и по две кружки пива. Когда они выпили, Быдтаев показал Цакулову финский нож и предложил совместно с ним совершить в Ольгинском убийство стариков Кокаевых за то, что из-за них судили кого-то из его, Быдтаева, родственников.

Он, Цакулов, согласился и отправился с Быдтаевым в Ольгинское. Дойдя ночью до какого-то дома и

убедившись, что там все спят, они вынули стекло из окна и проникли в дом. Быдтаев стал наносить удары старухе и старику. Затем они выбежали из дома. Убегая, он потерял свои галоши, соскочившие с чувяк. Быдтаев же уронил во время бегства финский нож.

Быдтаев, как показал Цакулов, во время убийства порезал себе палец и у него на обратном пути до г. Дзауджикау текла кровь. В городе Цакулов пошел на работу, а Быдтаев отправился домой.

Эти показания Цакулова послужили основанием для ареста его и Быдтаева. К уголовной ответственности была привлечена также и Кодзаева, которой вменялось в вину, что она на почве неприязненных отношений с родителями мужа — Кокаевыми, организовала нападение на их дом.

С нарушением ст. 108 УПК РСФСР дело по обвинению Быдтаева, Цакулова и Кодзаевой *было направлено милицией в суд.*

Чем же доказывалась, по мнению работников милиции, виновность указанных лиц?

Этими доказательствами являлись следующие факты:

1. Неприязненные отношения, существовавшие между Кодзаевой и Д. Кокаевой.

2. Приезд Кодзаевой совместно с Быдтаевым в Ольгинское за два дня до убийства.

3. Обнаружение на месте происшествия у дома Кокаевых финского ножа, опознанного свидетелями как тот, который они видели в свое время у Быдтаева и Цакулова.

4. Обращение Быдтаева вскоре после происшествия на станцию «Скорой помощи» по поводу пореза большого пальца руки.

5. Признание Цакулова в совершенном преступлении и изобличение им Быдтаева как своего соучастника. При выезде в Ольгинское Цакулов в присутствии понятых описал, как он с Быдтаевым проник в дом, как ими было совершено преступление, какая обстановка была в комнатах потерпевших, как они убегали с места происшествия и как потеряли во время бегства нож и галоши. Галоши, найденные на месте происшествия, Цакулов признал за свои.

6. Показания сестры Быдтаева — Веры Быдтаевой о том, что ей известно, будто убийство в Ольгинском со-

вершил ее брат совместно со своим приятелем Николаем (имя Цакулова).

На судебном заседании Цакулов от своих показаний отказался. Дело обратили к дополнительному расследованию для выяснения причин отказа Цакулова от своих показаний и ряда существенных моментов, оставшихся нерасследованными.

Тщательное исследование представителями Прокуратуры СССР приведенных выше доказательств и иных обстоятельств дела подтвердило несостоятельность указанных доказательств, которые не давали оснований для направления дела в суд.

Этот вывод обосновывается следующими соображениями.

1. Следствием было подтверждено, что между потерпевшей — Д. Кокаевой и ее невесткой Кодзаевой действительно были ненормальные отношения, вызванные тем, что сын потерпевшей — С. Кокаев женился на Кодзаевой без разрешения матери. Однако, как было установлено, ссоры между Д. Кокаевой и Кодзаевой имели место задолго до убийства, в период, когда Кодзаева еще не вступила в брак с С. Кокаевым и последний жил у родителей. Женившись на Кодзаевой, С. Кокаев отделился от родственников, переехав с женой в другую квартиру. С. Кокаев еще при жизни родителей неоднократно говорил, что в угоду матери не станет портить себе жизнь и разводиться с Кодзаевой. На следствии С. Кокаев показал, что его жена относилась к матери хорошо. С отцом же, старым и больным человеком, никогда не вмешивавшимся в личные дела своего сына, у Кодзаевой с самого начала отношения тоже были хорошие.

Таким образом, мотивов, которые могли бы побудить Кодзаеву организовать убийство родителей мужа, не было.

2. Установлено, что за два дня до происшествия 26 февраля 1949 г., Кодзаева вместе с Быдтаевым и Туаевой действительно выезжала в Ольгинское к родителям мужа и привозила им различные продукты.

В дом Кокаевых Кодзаева входила одна, а Быдтаев и Туаева оставались в автомашине и, ожидая Кодзаеву, разговаривали друг с другом и с шофером.

Из машины Быдтаев ни на одну минуту не выходил

и с обстановкой в доме не знакомился. Из показаний Туаевой видно, что Быдтаев поехал в Ольгинское не по инициативе Кодзаевой, а по приглашению Туаевой, предложившей ему прокатиться. Кодзаева на всех допросах также утверждала, что прокатиться с собой она приглашала Туаеву, а уже та, в свою очередь, пригласила Быдтаева.

Приведенные обстоятельства не могут свидетельствовать о том, что поездка Быдтаева в Ольгинское преследовала какую-нибудь определенную преступную цель.

3. Свидетели Анохин, Железняков и Королев показали, что в 1948 году, когда Быдтаев и Цакулов работали грузчиками на товарной станции, они как-то во время обеденного перерыва видели у них финский нож с ручкой из пластмассовых колец.

В показаниях названных свидетелей имелись существенные противоречия, касающиеся обстоятельств, при которых они видели этот нож. Железняков сначала показывал, что он видел этот нож и у грузчика Куделькина. Однако последний категорически отрицал это обстоятельство, и Железняков впоследствии отказался от своих показаний в части, касавшейся Куделькина.

Нож, приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства, был предъявлен свидетелям с нарушением элементарных тактических приемов предъявления предметов для опознания, а показания этих лиц при опознании были зафиксированы неправильно.

Так, в частности, Железнякову и Анохину нож предъявлялся не среди других сходных по виду ножей, а в единственном числе.

Показания Анохина и Королева были записаны в протоколе предъявления для опознания с такой категоричностью, которой, как выяснилось при дополнительном расследовании, они не имели. И Королев и Анохин заявили впоследствии, что они не показывали, что предъявляемый им нож является именно тем, который они видели у Цакулова и Быдтаева, а говорили лишь о сходстве ножей.

Следует также сказать, что нож, приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства и предъявлявшийся свидетелям, существенно отличался от того, который был, судя по протоколу осмотра, най-

ден на месте происшествия. Достаточно отметить, что ширина лезвия ножа, предъявленного свидетелям, была в два раза меньше, чем ширина лезвия ножа, найденного на месте происшествия, а длина его была на полтора сантиметра короче. Быдтаев в процессе следствия по делу утверждал, что при одном из допросов ему показывали нож, б о л ь ш и й по размеру, чем тот, который приобщен к делу, и предлагали признаться в преступлении, ибо на рукоятке этого ножа якобы найдены следы его пальцев и он этим изобличен. Все это сводило на нет доказательственное значение приобщенного к делу ножа.

В процессе дополнительного следствия в 1953 году, организованного Прокуратурой СССР, были приняты меры к установлению орудия, которым могло быть совершено убийство Кокаева. Для выяснения характера орудия были прежде всего допрошены судебно-медицинский эксперт Хабаева, выезжавшая на место происшествия и осматривавшая труп, и судебно-медицинский эксперт Сорокина, производившая вскрытие. Необходимость в допросе экспертов вызывалась тем, что в протоколе осмотра места происшествия раны убитого, как уже указывалось, вовсе не были описаны, а в акте судебно-медицинского вскрытия трупа описаны настолько неполно, что характер орудия преступления оставался неясным.

Допрос, однако, положительных результатов не дал. Оказывается, Хабаева, рассчитывая, что вскрытие будет делать она, раны Кокаева внимательно не осматривала и поэтому их не запомнила. Сорокина также не помнила вид ран, обнаруженных ею при осмотре трупа перед вскрытием. Объясняя причины составления ею акта с грубыми ошибками, Сорокина показала, что вскрытие трупа Кокаева было первым в ее судебно-медицинской практике и она была тогда еще неопытным экспертом.

Из-за допущенных Хабаевой и Сорокиной серьезных ошибок назначенная по делу повторная судебно-медицинская экспертиза в составе судебно-медицинских экспертов т. Гурциева и т. Тиссова также не смогла ответить на вопрос о виде орудия убийства. Не помогла в разрешении этого вопроса и проведенная эксгумация трупа Кокаева. На его черепе следов ранений, по кото-

рым иногда возможно судить и об орудии преступления, не имелось.

Эти обстоятельства лишали возможности судить о характере орудия, которым был убит Кокаев.

4. Как указывалось выше, по данным осмотра места происшествия (кровь на калитке, кровь рядом со следами ног) можно было предполагать, что один из преступников в момент совершения преступления причинил себе ранение.

У Быдтаева имелась рана большого пальца левой руки, по поводу которой он вечером 1 марта обращался на станцию «Скорой помощи». На первом же допросе, еще в 1949 году, Быдтаев показал, что порезал себе большой палец левой руки, находясь в общежитии, при попытке нарезать лучину. Быдтаев сослался на ряд свидетелей этого происшествия.

Тогда же, в 1949 году, показания Быдтаева проверялись (правда, очень поверхностно) и были признаны правдоподобными. После его вторичного ареста, в 1952 году, обстоятельства, связанные с порезом пальца, работниками милиции проверялись вновь.

Но и на этот раз некоторые из свидетелей показали, что они помнят, когда Быдтаев вбежал на кухню с окровавленным пальцем и попросил тряпку для перевязки, после чего, замотав палец, направился в «Скорую помощь». Один из свидетелей заявил, что лично провожал туда Быдтаева.

Однако показания свидетелей, подтверждавших, что Быдтаев порезал палец в общежитии, милицией почему-то во внимание приняты не были.

При дополнительном расследовании в 1953 году с большей степенью вероятности было установлено, что Быдтаев порезал палец в общежитии. Показания свидетелей, подтверждавших этот факт, были детализированы. Это позволило установить и свидетельницу, дававшую Быдтаеву тряпку для перевязки.

Показаниями нескольких свидетелей было установлено, что до случая, когда Быдтаев забежал в кухню с порезанным пальцем (1 марта), они его с раненым или перевязанным пальцем не видели.

Медицинская сестра «Скорой помощи», оказывавшая 1 марта 1949 г. Быдтаеву медицинскую помощь, показала, что она хотя и не помнит ни Быдтаева, ни его раны,

но категорически утверждает, что рана была свежей и кровоточила, так как в иных случаях она никогда не вводила раненым противостолбнячной сыворотки, однако это, судя по данным регистрации, было ею на этот раз сделано.

Для выяснения вопроса, могла ли рана на большом пальце левой руки образоваться при обстоятельствах, которые называл Быдтаев, в 1953 году была назначена судебно-медицинская экспертиза, производство которой было поручено судебно-медицинским экспертам т. Краснову и т. Тиссову.

По поручению следователя и в его присутствии эксперты произвели опыт, который заключался в следующем.

Быдтаеву предложили описать размеры и форму ножа, которым он расщеплял щепку, а также размеры щепки. После этого Быдтаеву дали ряд щепок и ножей, из которых он выбрал соответствовавшие его описанию. Затем ему предложили взять в руки щепку и нож точно так же, как он их держал перед порезом пальца, и продемонстрировать, как именно он расщеплял лучину.

Все действия Быдтаева сопровождались фотографической съемкой положения его рук.

В результате проделанного опыта эксперты пришли к выводу, что рана на большом пальце левой руки м о г л а получиться при обстоятельствах, о которых показывал Быдтаев.

Кроме того, экспертиза, исходя из расположения и характера раны, заключила, что она, вероятнее всего, не могла быть причинена Быдтаевым самому себе при нападении с ножом.

На поставленный вопрос, в течение какого времени могла кровоточить эта рана, эксперты ответили, что не более чем в течение полутора часов. Таким образом, если бы Быдтаев поранил себя в ночь с 27 на 28 февраля, то рана на пальце вечером 1 марта не могла быть свежей и кровоточащей.

Совокупность изложенных данных говорит о несостоятельности версии, будто палец был поранен Быдтаевым при нападении на Кокаевых.

Следует указать также, что при условии, если Быдтаев наносил удары холодным оружием, да еще двум

потерпевшим, на его одежде неизбежно имелись бы пятна крови, но их, как уже говорилось выше, не было.

Выводы по этому поводу первой судебно-медицинской экспертизы были подтверждены заключением Центрального научно-исследовательского института судебно-медицинской экспертизы. В этом же институте подтвердили и то обстоятельство, что количество крови, изъятой с калитки сада дома Кокаевых для дачи заключения о группе крови, недостаточно.

Отсутствие описания точного расположения следов крови на снегу, имевшихся рядом со следами ног одного из преступников, шедших с места происшествия, лишало возможности судить, был ли преступник ранен именно в левую руку.

5. Как уже указывалось, Цакулов на допросе в милиции признал себя виновным в убийстве, показав об обстоятельствах совершения преступления. Это доказательство расценивалось как важнейшее по делу. Однако и оно являлось неполноценным.

Показания о своей причастности к убийству Цакулов на допросах в органах милиции подтверждал неоднократно. Однако уже через несколько дней после подписания протокола об окончании следствия Цакулов направил жалобу на имя Прокурора РСФСР, в которой указывал, что никакого убийства он не совершал, а виновным себя признавал в результате применения к нему неправильных методов ведения следствия.

От своих показаний, в которых он признавал себя виновным, Цакулов как в суде, так и в процессе дополнительного следствия отказался.

При тщательной проверке тех показаний Цакулова, в которых он признавал себя виновным, оказалось, что они имеют ряд существенных противоречий, а в значительной части являются попросту неправдоподобными.

Как указывалось, на месте происшествия были найдены старые галоши. В период, когда Цакулов признавал себя виновным, он опознал эти галоши, заявив, что они принадлежат ему и были утеряны при бегстве после совершения преступления. На вопрос, по каким признакам он опознал галоши, Цакулов ответил, что по бумаге, лежавшей в них вместо стельки, которую он положил, поскольку галоши ему были «великоваты».

На суде и при дополнительном расследовании Цаку-

лов заявил, что галоши ему не принадлежат и таких галош у него никогда не было. Для проверки этого заявления было решено произвести следственный эксперимент. В результате оказалось, что галоши, найденные на месте происшествия и опознанные Цакуловым, последний надеть ни на какую обувь не может, и галоши ему не «великоваты», а малы [1]. Это обстоятельство можно было без труда проверить при первоначальном расследовании. Отметим, что Цакулов носил чувяки и другую обувь 42-го размера, которой соответствуют галоши 10-го и 11-го номеров, но никак не 8-го номера, которые были найдены на месте происшествия.

Выше уже указывалось, что, признав себя виновным, Цакулов подробно рассказал, как 27 февраля по окончании работы он встретился с Быдтаевым и каким путем добирался с ним в село Ольгинское.

При проверке этих показаний было решено произвести следственный эксперимент с тем, чтобы выяснить, сколько времени могло потребоваться Цакулову, чтобы с места работы добраться до села Ольгинского путем, о котором он говорил.

В результате выяснилось, что на этот путь затрачивается свыше 3 час. 40 мин. Учитывая, что 27 февраля 1949 г. Цакулов окончил работу в 22 часа, а убийство было совершено примерно в половине первого ночи, следственный эксперимент позволил сделать вывод, что Цакулов и Быдтаев могли добраться до Ольгинского спустя только час с лишним после того, как уже было совершено убийство.

Неправдоподобными были и показания Цакулова о том, что после убийства он будто бы отправился прямо на работу. В тот день он фактически работал не в ночной, а в дневной смене.

Работники милиции придали большое значение результатам выезда Быдтаева совместно с Цакуловым в Ольгинское, когда Цакулов объяснял, где находится дом Кокаевых, как они с Быдтаевым проникали в этот дом и т. д.

---

[1] Как выше указывалось, эксперт, осматривавший галоши в 1949 году, без всяких к тому оснований разрезал носки этих галош. В 1953 году перед следственным экспериментом носок одной из галош был специалистом так сшит, что размер остался неприкосновенным. Вторая галоша не восстанавливалась.

Отказавшись от ранее данных показаний, Цакулов заявил, что перед его выездом, как и перед тем допросом, на котором он признал себя виновным, его ознакомили с протоколом осмотра места происшествия и рассказали об обстановке места происшествия, после чего только повезли в Ольгинское.

При проверке заявления Цакулова вскрылись обстоятельства, сводившие на нет доказательственное значение допроса Цакулова на месте происшествия. Оказалось, что не Цакулов указал в селе дом Кокаевых, а работники милиции сами остановили у этого дома автомашину. Таким образом, Цакулов не мог указать никакого другого дома, кроме дома Кокаевых.

Рассказывая на месте происшествия, как он и Быдтаев проникли в дом, Цакулов первоначально указал на окно, находившееся в месте, противоположном тому, где находилось окно, через которое на самом деле проникли преступники. Об «ошибке» Цакулова следствию[1] стало известно со слов Цакулова, но этот факт подтвердил на допросе и сын потерпевших И. Кокаев, наблюдавший с понятыми действия Цакулова.

При выезде на место происшествия в момент, когда Цакулов находился внутри дома, понятые почему-то были оставлены во дворе; поэтому впоследствии не представилось возможным их допросом установить, действительно ли Цакулов объяснил, какая обстановка была в доме. Об этом, правда, было указано в протоколе, однако протокол по неизвестной причине Цакулову для подписи не дали.

Таким образом, и это доказательство не изобличало Цакулова.

В процессе дополнительного расследования не было установлено никаких мотивов, которые могли бы побудить Цакулова к совершению преступления. Его объяснение о том, что Быдтаев расправился со стариками Кокаевыми потому, что из-за них судили кого-то из его родственников, проверялось и подтверждения не нашло.

6. В процессе расследования в органах милиции была допрошена сестра Быдтаева — Вера Быдтаева, которая показала, что об убийстве в Ольгинском ей известно со слов Туаевой. Это преступление якобы совер-

[1] Имеется в виду расследование, производившееся в 1953 году.

шили ее брат и приятель брата — некто Николай (имеется в виду Цакулов). На преступление они пошли по наущению Кодзаевой.

В дальнейшем В. Быдтаева категорически отказалась от этих показаний, заявив, что ей со слов Туаевой было известно лишь то, в чем обвиняют ее брата. Она же, будучи в неприязненных отношениях с братом, решила дать уличающие его показания.

При дополнительном расследовании в 1953 году было установлено, что между Быдтаевым и его сестрой Верой, ученицей 9-го класса, действительно имели место неприязненные отношения. Быдтаев неоднократно ругал и бил сестру за вечерние отлучки.

При изучении показаний Быдтаевой, уличавшей брата в преступлении, было установлено, что в значительной части они неправдоподобны. Так, в частности, Вера Быдтаева заявила, что после убийства Быдтаев и его приятель Николай переночевали в стогу сена, а весь следующий день Быдтаев прятался дома под печкой, опасаясь прихода работников милиции. Вместе с тем было бесспорно установлено, что уже через несколько часов после происшествия работники милиции шли из Ольгинского в г. Дзауджикау по следам преступников и эти следы ни к каким стогам не сворачивали.

В доме Быдтаевых, как выяснилось при дополнительном расследовании, была не русская печь, под которой мог бы прятаться человек, а голландская, что исключало такую возможность.

Допрошенная по делу Туаева показала, что в связи с делом об убийстве в Ольгинском ее в свое время допрашивали и на допросах ей стало известно о том, какими доказательствами располагают органы милиции в отношении Быдтаева. Об этом она и рассказала Вере Быдтаевой.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что и показаниями Быдтаевой как уличающим доказательством пользоваться было нельзя.

* * *

Таким образом, ни одно из доказательств, на которых было построено обвинение Быдтаева и Цакулова в убийстве Кокаева и обвинение

Кодзаевой в организации этого преступления, при дополнительном расследовании в 1953 году не нашло подтверждения. Уголовное преследование в отношении этих лиц было прекращено.

При дополнительном расследовании была проверена и версия о причастности к преступлению Арчегова. Однако эта версия, как уже выше отмечено, не подтвердилась.

Были исследованы и другие версии, но положительных результатов достигнуто не было. Произошло это не столько потому, что дополнительное расследование производилось свыше чем через четыре года после происшествия, сколько потому, что в начальной стадии следствия не было уделено никакого внимания важнейшим вещественным доказательствам, которые могли стать ключом к раскрытию преступления.

Особо следует подчеркнуть, что *провал с расследованием этого дела в значительной степени обусловлен нарушением требований ст. 108 УПК РСФСР*. Нет никакого сомнения в том, что, если бы на место происшествия выехал следователь, который внимательно произвел бы его осмотр, расследование было бы осуществлено на надлежащем уровне. Но, не выполнив требований ст. 108 УПК РСФСР и понадеявшись только на работников милиции, *прокуратура Северо-Осетинской АССР не организовала даже элементарного надзора за ходом расследования дела в милиции.*

Зная о том, что милиция вопреки той же ст. 108 УПК РСФСР направляет дело в суд, прокуратура Северо-Осетинской АССР не истребовала дела для передачи его следователю, хотя бы для выполнения требований ст. 109 УПК РСФСР, т. е. для предъявления обвинения обвиняемым, их допроса и составления обвинительного заключения.

Грубейшее нарушение уголовно-процессуальных норм со стороны органов прокуратуры совершенно нетерпимо, и к каким печальным последствиям оно приводит, видно на примере приведенного дела: ведь люди, совершившие тяжкое преступление, продолжают оставаться безнаказанными!

Младший научный сотрудник
ВНИИ Криминалистики
Прокуратуры СССР
младший советник юстиции
Е. В. БОЛДЫРЕВ

УСТАНОВЛЕНИЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ УБИЙСТВА ПРИВЕЛО К ОБНАРУЖЕНИЮ ПРЕСТУПНИКОВ

Утром 26 апреля около насыпи Московско-Рязанской ж. д. близ станции Томилино прохожие обнаружили в канаве труп молодой женщины. Прибывшие на место происшествия работники милиции при осмотре установили, что на трупе надета голубая шелковая блузка с застегнутым воротом, а под ней белая сорочка, заправленная в трико, завязанное спереди шнурком (вздержка). На ногах трупа были черные чулки с круглыми резинками у колен и серые носки. Другой одежды на трупе не было (см. фото № 1).

В нескольких шагах от трупа были обнаружены варежки, большая пуговица от дамского пальто с остатками шерстяной материи и ниток, носовой платок и пустая спичечная коробка.

У трупа и на расположенной рядом с железнодорожной насыпью проселочной дороге виднелись следы галош, а также несколько неполных отпечатков ноги в чулке.

На лице, шее и кисти правой руки трупа имелись ссадины. Следов ранения огнестрельным или холодным оружием на трупе не было.

Среди собравшихся у трупа жителей поселка Томилино оказались соседи убитой, которые опознали ее и заявили, что это — труп гражданки Ульяны Горбик, которая проживала на расстоянии 300—400 м от места обнаружения трупа в д. № 35 по улице Карамзина.

В течение двух месяцев органы милиции производили расследование этого убийства, после чего дело прекратили за необнаружением виновных. Следует отметить,

что прокуратура Ухтомского района не только своевременно не изъяла дела из органов милиции, но и не осуществила должного надзора за следствием.

Прокуратурой СССР постановление о прекращении дела было отменено и прокурором Московской области предложено мне — тогда старшему следователю прокуратуры Московской области — принять данное дело к своему производству.

Фото № 1. Труп У. Горбик на месте его обнаружения у железнодорожной насыпи.

Внимательно изучая уже имеющиеся в деле материалы, я обратил внимание на ряд существенных ошибок, допущенных милицией при расследовании.

Какие же это были ошибки?

Прежде всего была выбрана, как первоначально казалось, самая вероятная версия о том, что убийство Горбик совершено у железнодорожной линии с целью ограбления, проверке же других версий уделялось самое незначительное внимание.

Горбик проживала в Томилино вдвоем с мужем А. А. Горбиком, который в апреле был в командировке на Урале.

В комнате, где проживала Горбик, была описана часть находившегося там имущества, а также изъят паспорт и другие документы У. Горбик. Однако комнату Горбик не осмотрели, что отрицательно повлияло на результаты следствия. В частности, не было обращено должное внимание и на то обстоятельство, что в комнате оказались такие вещи, как сумка Горбик.

Не были выяснены взаимоотношения Горбик с соседями и, в частности, с домовладельцем Сорокиным, у которого она купила комнату за 15 тыс. руб., но была им прописана только как временный жилец.

При составлении мною плана расследования сразу же наметились такие версии:

Горбик была убита с целью грабежа при возвращении домой по пути со станции Томилино.

Горбик была убита где-то в другом месте и труп ее перенесен в канаву, где и был обнаружен прохожими.

В связи с тем, что из материалов дела было видно, что муж Горбик вскоре после смерти У. Горбик вновь женился (примерно через один-два месяца), возникало также предположение, что убийство совершил А. А. Горбик с целью избавиться от жены, завладеть ее вещами и комнатой, а затем вновь жениться.

После допроса сестер Горбик, проживавших в Москве, и соседей Горбик по дому — Кривушиной, Карташовой и других, было выяснено, что между Горбик и домовладельцем Сорокиным, проживавшим в смежной комнате, неоднократно происходили ссоры. Во время одной из таких ссор Сорокин нанес Горбик побои. Кроме того, Сорокин не раз угрожал У. Горбик, что убьет ее.

Один из соседей Горбик по дому, Ожогин, на допросе заявил, что в ночь накануне обнаружения трупа, примерно около 24 часов, он, находясь во дворе, слышал, как Горбик с кем-то, как ему показалось, с Сорокиным, громко спорила из-за дров и оплаты счетов за электричество.

В связи с этим возникла еще одна версия о том, что убийство совершил Сорокин из личной мести, а вещи взял для инсценировки убийства с ограблением неизвестными лицами.

Муж убитой, А. А. Горбик, при допросе показал, что он с 18 по 29 апреля находился в командировке, а когда

вернулся уже после смерти жены, то к нему вскоре пришел сосед Ожогин и признался, что он «убил Улю».

Такие показания А. А. Горбика, с одной стороны, как будто подтверждали версию о том, что убийство совершил сам Горбик и, стараясь отвлечь от себя подозрение, оговорил Ожогина. С другой стороны, возникла версия о том, что Ожогин и в самом деле убил У. Горбик.

Поскольку при имевшихся тогда противоречивых данных по делу любая из указанных версий могла оказаться самой правильной, я производил проверку всех версий одновременно.

Допросами соседей Горбик было установлено, что она выехала в Москву накануне того дня, когда был обнаружен ее труп, примерно в 9—10 часов утра, имея с собой хозяйственную сумку. После этого свидетели Горбик больше не видели.

Сестры Горбик — Пикулик и Рудницкая, а также их общая знакомая Явич, проживавшие в Москве в разных местах, подробно сообщили, сколько времени Горбик пробыла у них и когда выехала из Москвы, а также в чем она была одета и какие вещи были у нее в сумке.

Оказалось, что Горбик целый день пробыла у своих сестер, а затем поехала к Явич, от которой ушла приблизительно в девятом часу вечера на Казанский вокзал, чтобы ехать домой в Томилино.

На Горбик были высокие резиновые боты, зимнее пальто черного цвета и шляпа, изготовленная Явич. Под пальто на Горбик была одета шерстяная кофта кофейного цвета и голубая блузка в цветочках. В хозяйственной сумке Горбик везла продукты, а также сумочку, в которой были облигации, сберегательная книжка, деньги и серьги «клипс», подаренные ей Рудницкой.

Изучением уже имевшихся допросов, а также подробными повторными допросами мне удалось восстановить обстановку в комнате Горбик, узнать, какие у нее были вещи, и т. д.

Так, на стене возле стола на гвозде висела сумочка Горбик, в которой были сберегательная книжка, облигации, деньги, а также те самые серьги «клипс», которые были подарены ей Рудницкой. Шерстяная кофта, в которой Горбик была 25 апреля в Москве, висела на стене возле двери среди другой одежды.

Сумки с продуктами, а также пальто, платка, шляпы, бот и юбки в комнате не оказалось.

Муж убитой — А. А. Горбик показал, что, вернувшись из командировки 29 апреля, он обнаружил в квартире швейную машину против обыкновения открытой. Кроме того, А. А. Горбик указал, что кровать была застелена не так, как это обычно делала жена: она клала подушки с правой стороны, если смотреть от входа в комнату, а они оказались на левой стороне кровати. На чистой наволочке имелись грязные мазутные пятна. Из бачка, где находилось намоченное для стирки белье, А. А. Горбик вынул бюстгальтер жены.

Наконец, уже через десять дней после своего возвращения из командировки, Горбик случайно под кроватью возле своего старого полуботинка нашел большой перстень из желтого металла с красным камнем, который, по его объяснению, никому из их семьи не принадлежал.

О своей находке Горбик сообщил в милицию, где составили протокол о том, что в комнате Горбик обнаружен перстень. Других протоколов, описывающих обстановку в комнате или фиксирующих наличие в ней вещей, работники милиции составлять не посчитали нужным.

Когда мною, исключительно только по показаниям свидетелей, была восстановлена обстановка в комнате Горбик, мне пришлось, пользуясь этими данными и личными указаниями присутствовавших свидетелей, составить план расположения вещей в комнате Горбик (по истечении более одного года после совершения убийства). При этом в плане расположения вещей в комнате и протоколе обнаружения я отразил и новые данные — две глубокие царапины, обнаруженные на стене возле кровати, и зубило, найденное под умывальником. Откуда зубило появилось в комнате и кому оно принадлежало, Горбик не знал.

После проведенных мною следственных действий для восстановления как можно полнее картины места обнаружения трупа и обстановки в комнате Горбик, я стал устанавливать, какие из намеченных версий следует отбросить как совершенно неправильные и над проверкой каких версий следует работать.

Сразу же отпали версии, связанные с предположением о том, что Горбик была убита при возвращении из

Москвы по пути со станции Томилино домой, и стало очевидным, что Горбик вечером 25 апреля успела побывать дома.

Это совершенно бесспорно подтверждалось наличием в комнате вещей, которые видели у У. Горбик свидетели, когда она была в Москве, а также наличием в комнате ее бюстгальтера, в то время как У. Горбик, по показаниям своих сестер, никогда из дому, не надев бюстгальтера, не выходила.

Вещественные доказательства — перстень, зубило, а также грязные пятна мазута на белоснежной наволочке, царапины на стене, и, кроме того, изменение обычной обстановки в комнате Горбик (кровать застелена иначе, швейная машина открыта и т. д.) привели к выводу о том, что убийство было совершено в комнате, где жили супруги Горбик. Довольно определенным оказался и круг подозреваемых. Это были, в первую очередь, А. А. Горбик, домовладелец Сорокин и их сосед Ожогин. Потерпевшая была такой комплекции, что перенести ее труп из комнаты на значительное расстояние к железной дороге было совершенно не под силу одному человеку. Поэтому стало очевидно, что в убийстве участвовало не менее двух человек.

Прежде всего было проверено, не вернулся ли А. А. Горбик из командировки ранее срока и, приняв участие в убийстве своей жены, затем, через три дня, уже официально «приехал» из командировки.

Был сделан соответствующий запрос милиции Свердловска, где Горбик был в командировке. Оттуда пришло сообщение, что Горбик ранее срока окончания командировки не выезжал и все время проживал в гостинице. На самолете он также не вылетал.

Этим устанавливалось алиби А. А. Горбика, но тем не менее осталось еще сомнение, не действовали ли преступники с согласия или по договоренности с А. А. Горбиком. Кстати отмечу, что А. А. Горбик при предъявлении ему носового платка, обнаруженного возле трупа, заявил, что такой носовой платок он видел у жены Сорокина, когда она развешивала свое белье для сушки. Сорокина же отрицала, что платок принадлежит ей.

Мною были проанализированы показания членов семьи Сорокина. Все они утверждали, что 25 апреля Сорокин находился на работе с 9 до 23 часов и вер-

нулся домой около полуночи, поужинал, лег спать и из квартиры больше не отлучался.

Сам Сорокин и его жена показали, что общий вход в квартиру они по вечерам всегда запирали. Вечером 25 апреля вся семья Сорокиных, за исключением отца Сорокина, который был на ночном дежурстве, находилась дома. Если бы Горбик возвратилась домой, то она должна была бы постучать к ним в дверь и кто-нибудь из Сорокиных должен был бы открыть ей. Все члены семьи Сорокиных заявляли, что У. Горбик никто из них дверь вечером 25 апреля не открывал, следовательно, домой она не возвращалась.

Мать Сорокина в противовес показаниям сына и невестки утверждала, что по вечерам они не всегда закрывали наружную дверь на запор и была ли эта дверь закрыта 25 апреля, она не помнит.

Незадолго до принятия мною дела к своему производству Сорокин спешно продал принадлежащую ему часть дома и выехал со всей семьей в неизвестном направлении, не указав никому своего нового адреса, и только в разговоре с соседями сообщил, что собирается ехать в Калининградскую область.

Я заинтересовался, каким же образом Сорокин продавал свою часть дома. При этом было установлено допросом свидетелей, что Сорокин каждую комнату продавал отдельно, о чем соответственно вывешивал объявления о продаже и эти объявления давал под чужими фамилиями: под девичьей фамилией своей жены —Ольшанской, девичьей фамилией матери жены —Дроздовой и под вымышленной фамилией — Фарисенковой.

Получилось так, что Сорокина и членов его семьи не только нельзя было еще раз подробно передопросить, но нужно было еще и разыскивать, что никак не содействовало успешному расследованию преступления.

Я решил проверить личную жизнь Сорокина. Оказалось, что Сорокин женат вторично. От первого брака у него имелась дочь Людмила, на содержание которой он до 1949 года платил алименты своей первой жене.

Я вызвал к себе мать Людмилы. Она предъявила мне письмо Сорокина, в котором тот сообщал, что якобы находился длительное время в больнице, а затем нигде не работал, в связи с чем и задержал выплату алиментов. В письме Сорокин указал место своего жительства —

в Тамбове, что, как затем выяснилось, не соответствовало действительности.

Были сделаны соответствующие запросы органам милиции для проведения оперативно-розыскных мер.

Пока проводились мероприятия по установлению точного местонахождения Сорокина, я одновременно проверял личность Ожогина и его взаимоотношения с Сорокиным.

Допросом родственников Ожогина, а также лиц, совместно работавших с Сорокиным и Ожогиным, мне удалось установить, что Сорокин познакомился с Ожогиным на заводе «Пластмасса», где Сорокин некоторое время работал механиком гаража, а Ожогин — шофером.

У них завязались дружеские отношения. Ожогин купил у Сорокина комнату за 16 тыс. руб., часто заезжал к Сорокину выпить водки в павильон в поселке Красково, где Сорокин работал заведующим.

Допросом родственников Ожогина я установил, что он недавно брал у Сорокина взаймы 2 тыс. руб. денег на покупку поросят. Члены семьи Сорокина, как и члены семьи Ожогина, вначале тщательно скрывали от всех, что Ожогин получил 2 тыс. руб. взаймы у Сорокина, и только мать Ожогина — Ревнивцева случайно проговорилась об этом, а затем была вынуждена подтвердить это при допросе. Эти обстоятельства позволяли сделать вывод о том, что Ожогин и Сорокин были чем-то связаны друг с другом.

Допрос Ожогина я решил произвести, не вызывая его в Москву, а по месту его жительства, так как там же надо было с его участием провести следственный эксперимент на слышимость. Это понадобилось для проверки показаний Ожогина о том, что в ту ночь, когда было совершено убийство, он будто бы слышал громкий разговор и ссору из комнаты Горбик.

Были приглашены понятые, и когда следственный эксперимент на слышимость с участием Ожогина был проведен, то оказалось, что даже громкий разговор в комнате Горбик при закрытой двери во дворе совершенно не слышен (см. фото № 2). Ожогин, убедившись в том, что с указанного им места действительно ничего не слышно, заявил:

«Я вообще с себя эту вину снимаю и в эту ночь я не

был даже дома, а ездил в командировку, а поэтому ничего не слышал. Такие показания меня подговорил дать следователю муж убитой Горбик Александр».

Я отправился с Ожогиным в ближайшее отделение милиции, где допросил его. Это произошло примерно через полчаса после указанного выше заявления.

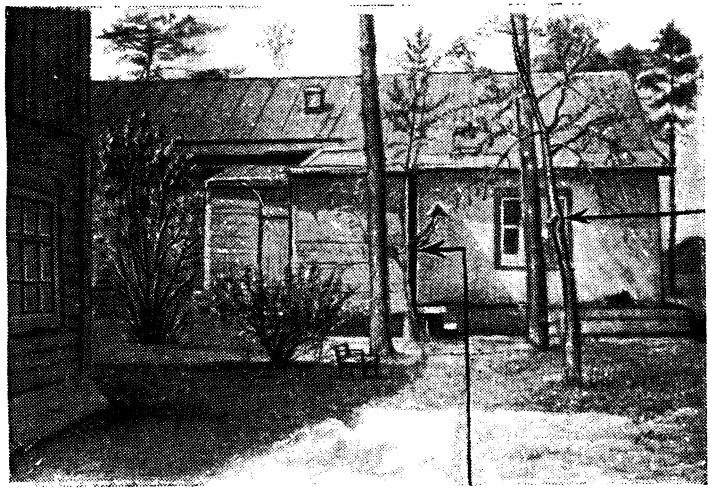

Фото № 2. Дом, где жила убитая.

Стрелками показано окно комнаты Т. Горбик и вход в дом. На первом плане куст сирени, возле которого якобы обвиняемый Ожогин был в ночь убийства и слышал происходивший в комнате Горбик разговор.

Ожогин вел себя явно неуверенно и нервничал. В ночь с 25 на 26 апреля Ожогин, по его заявлению, был в командировке в г. Орехово-Зуево и даже назвал агента по снабжению Сорокина Н. Ф. (однофамилец его бывшего соседа Сорокина), который якобы выезжал с ним на машине.

Это заявление Ожогина было проверено мною на заводе «Пластмасса».

В бухгалтерии завода я осмотрел путевые листы и командировочные удостоверения Ожогина, а также осмотрел путевые листы и других шоферов. Кроме того, я поинтересовался и накладными, по которым представители завода «Пластмасса» получали полуфабрикат

пластмассы на заводе в Орехово-Зуеве. Оказалось, что Ожогин в Орехово-Зуево не выезжал и дал об этом ложные показания, чтобы создать себе алиби. Выезжал в Орехово-Зуево в указанную Ожогиным ночь другой шофер завода «Пластмасса», по фамилии Кознов, и при этом с ним действительно был агент по снабжению Сорокин.

Я составил протоколы осмотра путевых листов, командировочных удостоверений, а также накладных, по которым на Орехово-Зуевском заводе получали полуфабрикат пластмассы. Затем были допрошены свидетели Кознов, Сорокин и другие, которые подтвердили, что Ожогин в апреле совсем не ездил на завод в Орехово-Зуево.

Когда Ожогин узнал об этом, он не стал настаивать на своих прежних показаниях и признался, что говорил неправду. В дальнейшем Ожогин стал давать совсем путаные показания и заявлял попеременно или то, что он действительно слышал разговор на половине Горбик, или то, что он ничего не слышал, а говорил об этом по просьбе мужа Горбик.

На основании добытых косвенных данных, свидетельствовавших об участии Ожогина в убийстве Горбик, я арестовал Ожогина.

Я поинтересовался тем, что рассказывал Ожогин соседям и товарищам по работе об убийстве Горбик. С этой целью мною был допрошен ряд свидетелей, причем один из них, грузчик на заводе «Пластмасса» Христенко, показал, что Ожогин уже в 10—11 часов утра в день обнаружения трупа рассказывал о том, что Ульяну Горбик убил какой-то милиционер, когда провожал ее домой со станции Томилино.

Свидетель Христенко также запомнил, что в тот день у Ожогина руки были в царапинах.

Когда же я допросил по этому поводу Ожогина, он заявил, что об убийстве Горбик он узнал только в 20 часов 26 апреля от Сорокиной.

Я установил еще одну свидетельницу — Остроухову, которая заявила, что ей в тот же день, т. е. в день обнаружения убийства, Сорокин рассказывал при возвращении из милиции о том, что убийство Горбик будто совершил милиционер.

Таким образом, наметился сговор Сорокина и Ожогина в согласованном распространении слухов о том, что убийство Горбик связано с каким-то милиционером. Характерно, что распространение именно такого слуха было лишено какого-бы то ни было основания. Было ясно, что Ожогин и Сорокин делали это умышленно для того, чтобы отвлечь от себя подозрение. При этом оказалось, что эти слухи распространялись только ими.

Выясняя взаимоотношения между супругами Горбик и Сорокиным и обстоятельства покупки Горбик комнаты у Сорокина, я установил, что, хотя Сорокин полностью получил обусловленную сумму за комнату (15 тыс. руб.), он прописал Ульяну Горбик только как временного жильца и вымогал у нее еще 15 тыс. руб. за постоянную прописку, угрожая в противном случае выселить ее из дома.

Горбик категорически возражала против дополнительной уплаты еще 15 тыс. руб., что послужило основной причиной ссор между ними.

В деле имелись два заявления, написанные Ульяной Горбик и подписанные ею и мужем. Заявления эти были адресованы в народный суд Ухтомского района Московской области с просьбой привлечь Сорокина к уголовной ответственности за оскорбление и нанесение побоев.

Допросом дальней родственницы Горбик, Якубовой, гостившей у нее несколько дней, мне удалось выяснить, что Сорокин и Ожогин проявляли непонятный интерес к отъезду А. А. Горбика в командировку и ко времени его возвращения.

Поведение Сорокина и Ожогина показалось Якубовой подозрительным. Удивлялась этому и сама У. Горбик, о чем она поделилась со своими сестрами.

Как выше указывалось, по делу был изъят ряд вещественных доказательств, в том числе перстень и зубило, обнаруженные в комнате Горбиком, и носовой платок, обнаруженный возле трупа Горбик.

Перстень был направлен на экспертизу, так как на нем имелся след пальца, который был сфотографирован при большом увеличении. Однако по заключению эксперта, этот след оказался непригодным для идентификации.

К этому времени принятыми мерами розыска органами милиции было установлено местонахождение

Сорокина. Новое место жительства его оказалось в г. Ростове, где он поселился со всей семьей, купив дом в дачном поселке.

Сорокин был арестован и этапирован в Москву.

Допрашивая родственников Сорокина, приехавших вслед за ним в Москву, а также его соседей, я установил, что он любил носить перстень на пальце. Но когда я предъявил этот перстень в числе других на опознание, то потерпел неудачу: никто из свидетелей перстня не опознал, они заявили, что Сорокин носил перстень с другим камнем.

Точно так же не удалось установить принадлежность зубила ни Сорокину, ни Ожогину, хотя я выезжал в гараж, где работал Ожогин, и очень тщательно проверял, нет ли там аналогичного зубила среди инструментов и не обнаруживалась ли там пропажа зубила.

Точно так же никем, кроме А. А. Горбика, не был опознан и носовой платок.

Несмотря на все эти неудачи вещественные доказательства в дальнейшем приобрели доказательственную силу.

Успешному допросу Ожогина очень помогло заявление одного установленного мною свидетеля — Аванесова, который при допросе показал о том, что Ожогин ему рассказывал о совершенном им убийстве.

После этого я вновь допросил Ожогина, которому я привел каждое противоречие в его показаниях, и приступил к очной ставке его с А. А. Горбиком. Хотя показания Горбика на очной ставке и не были для Ожогина неожиданными и он их отрицал, тем не менее вел себя Ожогин очень неуверенно.

Сразу же вслед за этой очной ставкой я дал Ожогину очную ставку со свидетелем Аванесовым.

Как только Аванесов повторил свои показания, разоблачающие Ожогина, наступил ожидаемый мною результат — Ожогин заявил, что будет давать показания, но просил вывести Аванесова из кабинета. Я выполнил его желание, после чего Ожогин приступил к рассказу.

Отрицая полностью свое участие в убийстве У. Горбик, он дал подробные показания о том, что ему Сорокин якобы рассказывал о совершенном им убийстве У. Горбик. Кроме того, Ожогин добавил, что в ту ночь,

когда было совершено убийство, он видел из окна своей комнаты, как Сорокин со своим отцом откуда-то возвращался к себе домой.

На другой день я решил предъявить Ожогину несколько перстней, в том числе и перстень, обнаруженный в комнате Горбик. Ожогин совершенно безошибочно опознал перстень, обнаруженный в комнате Горбик, и заявил, что этот перстень он видел на пальце у Сорокина.

При очередном допросе жены Сорокина выяснилось, что у нее действительно исчез носовой платок, но куда он пропал, она не знает. Я предъявил ей три носовых платка, в том числе и платок, обнаруженный у трупа У. Горбик, и Сорокина опознала свой платок, но как он оказался у трупа, она объяснить не смогла.

Все это соответствующим образом было зафиксировано в протоколе предъявления вещей на опознание в присутствии понятых.

Имея уже достаточно косвенных данных, я решил дать Сорокину очную ставку с Ожогиным.

Приступив к допросу Сорокина, я изложил ему имеющиеся косвенные улики против него. Я старался убедить Сорокина в том, что версия об убийстве Горбик с целью грабежа посторонними лицами и вне комнаты явно несостоятельна и противоречит всем добытым косвенным доказательствам. Сорокин сначала пытался уверить меня, что убийство было совершено посторонними лицами у станции, причем стал даже приводить в подтверждение те первоначальные данные, которые ему были известны при ведении следствия до его выезда из Томилино в Ростов. Но затем доводы Сорокина быстро иссякли, так как последние материалы дела ему были совсем не известны, я же все время постепенно приводил все новые улики против него. Этим я сильно поколебал уверенность Сорокина в себе и осторожно дал ему понять, что его участие в убийстве Горбик для меня совершенно бесспорно.

В этот же момент я вызвал Ожогина на очную ставку с Сорокиным. Для Сорокина это было большой неожиданностью, так как по допросам он мог предполагать, что привлечен по делу один, а вдруг оказалось, что арестован также и его соучастник, да еще приведен на очную ставку с ним.

Не давая ни минуты ему для раздумья, я попросил Ожогина подтвердить в присутствии Сорокина, что ему «рассказывал» Сорокин про убийство Горбик. Ожогин коротко повторил те же свои показания, которые дал ранее при допросе.

Сорокин возмутился показаниями Ожогина и сделал попытку броситься на него с кулаками.

Я предложил вывести Ожогина и тут же показал Сорокину протокол предъявления Ожогину на опознание перстней, среди которых тот опознал один перстень, как принадлежащий Сорокину.

Сорокин попросил прервать допрос и заявил, что он не будет больше ничего показывать. Видя, в каком состоянии находится Сорокин, и решив, что дальнейший разговор сегодня с ним бесполезен, я прервал допрос.

Через день я возобновил допрос Сорокина, и он признался в совершении убийства Ульяны Горбик.

Признание Сорокина пролило свет на многие неясные вопросы, например на способ проникновения в дом, а затем в комнату Горбик, на причину заинтересованности Ожогина в убийстве Горбик, а также на то обстоятельство, почему соседи во время нападения на Горбик ничего не слышали, и т. д. Поэтому описание дела было бы неполным, если не привести кратко содержание этих показаний Сорокина.

После очередной ссоры Сорокина с Горбик, окончившейся нанесением ей побоев, Сорокин решил убить Горбик. Зная, что он один с Горбик справиться не сможет, Сорокин подобрал себе в качестве соучастника Ожогина, с которым он был в приятельских отношениях и которого он мог заинтересовать материально.

Сорокин обещал ему дать за это 3000 руб. Осталось только выбрать удобный момент для совершения преступления. Такой момент скоро наступил — муж Горбик уехал в длительную командировку. Но тут возникла неожиданная помеха — к Горбик приехала погостить ее родственница Якубова. Сорокин и Ожогин решили, что надо Ожогину зайти к Горбик и, не вызывая со стороны ее особенных подозрений, узнать, когда вернется ее муж из командировки и долго ли будет гостить у нее родственница.

Ожогину не удалось ничего определенного выяснить, и тогда на другой день Сорокин решил сам это сделать,

хотя рисковал навлечь на себя подозрение, так как он был в ссоре с Горбик.

Через несколько дней Сорокин передал Ожогину часть договоренной суммы — 2000 руб.

Затем, 25 апреля Ожогин зашел к Сорокину в павильон около 12 часов дня, выпил с ним. Они окончательно решили в эту же ночь убить Горбик.

В 8—9 часов вечера этого же дня Сорокин приехал на попутной машине с работы домой и вынул в наружной застекленной двери гвозди, которые удерживали одно из стекол, оставив его только на одном гвозде. Это было сделано им для того, чтобы позднее свободно вынуть снаружи стекло, просунуть руку, отодвинуть внутреннюю задвижку и открыть дверь. После этого Сорокин возвратился назад на работу в павильон.

Около 12 часов ночи Сорокин закрыл павильон и направился домой, где встретил во дворе Ожогина. Они тихо подошли к наружной двери дома, и когда Сорокин собрался вынимать стекло, то Ожогин, не зная о том, что Сорокин уже все подготовил, сказал, что у него в кармане есть металлический предмет. В кармане, видимо, и было то зубило, которое было затем найдено в комнате Горбик. Но Сорокин не дал ему вынуть инструмент из кармана, а предложив отойти в сторону, беспрепятственно вынул стекло, отодвинул задвижку и открыл дверь. После этого он постучал в окно к Горбик, которая уже легла спать. Когда она встала и спросила, кто к ней стучит, он сказал, что пришел с участковым милиционером.

Пока Горбик накинула на себя пальто и включила электричество, Сорокин и Ожогин уже вошли в коридор и стали у дверей комнаты Горбик. Как только Горбик открыла свою дверь, Сорокин, не дав ей опомниться, неожиданно нанес ей кулаком удар в грудь. У Горбик от удара перехватило дыхание, и она, не успев крикнуть, была повалена Ожогиным на кровать и после незначительного сопротивления задушена. Во время борьбы она поцарапала стену возле кровати и руки убийцы. Грязные пятна на наволочке подушки, повидимому, оставил Ожогин. Сорокин потерял при этом свой перстень. Ожогин также оставил на месте происшествия вещественное доказательство — зубило.

Для того чтобы инсценировать убийство с целью

ограбления вне комнаты, Сорокин и Ожогин одели на труп чулки, носки, резинки, блузку и заправили нижнюю рубашку в трико, которое было на Горбик.

Сорокин убрал постель, застелив ее одеялом, сверху покрыл кружевным покрывалом, создав таким образом видимость, что Горбик не приходила домой и спать не ложилась. Для инсценировки ограбления Горбик на улице они забрали ее верхнюю одежду и обувь, юбку, платок, пальто, боты, не забыв также и хозяйственной сумки.

Но так как они не видели Горбик в этот вечер при возвращении из Москвы, то, естественно, не знали, что та была в новой шляпе, которую они из комнаты не взяли. Была забыта и сумочка Горбик с находившимися внутри серьгами «клипс», облигациями и сберегательной книжкой.

После этого Сорокин и Ожогин связали вещи в узел, вынесли труп и узел на улицу, заперли дверь, а затем через дворы перенесли труп к линии железной дороги.

Возле трупа Сорокин специально подбросил большую пуговицу от пальто с остатками материи и ниток для создания обстановки борьбы Горбик с преступниками именно на том месте. При этом Сорокин случайно утерял носовой платок возле трупа, принадлежащий его жене, который несколько дней носил в кармане.

Сорокину было предъявлено несколько носовых платков на опознание, и он опознал в одном из них тот платок жены, который оказался на месте обнаружения трупа. Это опознание было оформлено соответствующим протоколом в присутствии понятых.

Что касается вещей Горбик, то, по объяснению Сорокина, он их бросил в ту же ночь в кузов одной из автомашин, остановившихся у шлагбаума на переезде через линию железной дороги.

Мною были приняты меры для розыска пропавших вещей, вплоть до выезда совместно с сестрой потерпевшей за 200 км в Луховицкий район, где проживали родственники Сорокина, однако установить, куда девались вещи, так и не удалось.

Для закрепления опознания перстня я решил выяснить у Сорокина, не видел ли кто-нибудь из посторонних лиц этот перстень. Выяснил я это попутными вопросами, возвращаясь несколько раз к перстню до тех пор,

пока Сорокин мне не сказал, что за этот перстень его однажды стыдил начальник политотдела складов, когда он приезжал в Москву при увольнении с должности заведующего складом на ст. Красково.

Это заявление Сорокина позволило окончательно закрепить данные о том, что перстень принадлежит Сорокину. Я выехал в политотдел и при допросе начальника политотдела установил, что случай с перстнем он хорошо помнит и, возможно, опознает сам перстень.

После этого я предъявил ему в присутствии понятых три перстня с разными камнями, и он сразу же указал на перстень Сорокина. Кроме того, выяснилось, что Сорокин приходил тогда и к другому работнику политотдела — капитану М. Я допросил и этого свидетеля, после чего предъявил и ему для опознания перстни, причем он также опознал перстень, который он видел на руке у Сорокина.

При рассмотрении дела Московским областным судом Ожогин повторил свои показания, которые дал на предварительном следствии, так и не признавшись в совершении убийства. Сорокин же решил отказаться от своего признания и сделал заявление о том, что убийство совершил Ожогин, о чем он ему потом рассказывал. Однако добытыми по делу уликами оба преступника были полностью изобличены в совершении убийства и осуждены по ст. 136 «а» УК РСФСР к десяти годам лишения свободы каждый.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ РАСКРЫТО ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ПОСЛЕ ЕГО СОВЕРШЕНИЯ

По материалам ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР

В июне 1951 года на пивоваренном заводе г. Тернополя, расположенном на северо-западной окраине города, производился капитальный ремонт здания. Однако в течение нескольких дней строители вынуждены были простаивать, так как на площадку во-время не подвозили песок.

Гражданин г. Тернополя Сеник, желая помочь в быстром выполнении ремонта, указал рабочим место, где они могут сами накопать песок. Это место было сзади его дома, около пустыря, вблизи грунтовой дороги.

Рабочие отправились за песком. Когда они начали его выбирать, то на глубине примерно 30—35 см от поверхности обнаружили кости человека. По всем признакам это были части скелета женщины, так как рядом с ними была найдена небольшая коса, а на самих костях имелось истлевшее шелковое платье черного цвета.

Обнаружению костей не было придано значения, так как рабочие предположили, что это останки человека, убитого во время военных действий. Рабочие зарыли кости недалеко от того места, где они были найдены.

Через две недели рабочие, обнаружившие кости, рассказали о случившемся Сенику, а он сообщил об этом в прокуратуру.

На место обнаружения костей в тот же день выехал старший следователь прокуратуры Тернопольской обла-

сти юрист 3-го класса т. А. А. Седнева вместе с судебно-медицинским экспертом и другими работниками прокуратуры.

По указанию следователя кости были извлечены из земли. Состоялся подробный осмотр костей, а также осмотр места их обнаружения. Среди костей, извлеченных из ямы, был череп с верхней и нижней челюстью, с одиннадцатью зубами в них. В области правой теменной кости черепа справа имелся пролом кости внутрь, размером 3,5 × 5 см.

Кроме черепа, были осмотрены две плечевых кости, две лучевых кости, две ключицы, две лопатки, три шейных, один поясничный и один крестцовый позвонки, двадцать две реберных кости, одна бедренная кость, одна тазовая кость. Коса, о которой говорилось выше, состояла из русых волос. Ее длина была 12 см.

В яме были также найдены два лоскута хлопчатобумажного трикотажа с неровными краями размером 7 × 6 см и 5 × 6 см. Они были коричневого цвета с голубыми, красными и желтыми полосами.

Истлевшее женское шелковое платье черного цвета состояло из шести кусков разной величины. Одной из отличительных особенностей кусков этого платья были хорошо сохранившиеся на лифе две металлические застежки «молния». Одной из них застегивался левый бок лифа, а другой — ворот на спинке. Кроме того, обращали на себя внимание имевшиеся на лифе, левом рукаве и других кусках ткани пятна бурого цвета.

Судебно-медицинский эксперт, осмотрев обнаруженные кости, заявил, что они не составляют полного скелета человека.

В связи с этим рабочим, бравшим песок, было предложено указать первоначальное место обнаружения костей. Когда там произвели дополнительные раскопки, то на глубине 36 см от поверхности среди мусора и кусков ржавого железа были обнаружены две больших и две малых берцовых кости, около которых носками вверх лежала пара черных женских бот 2-го размера. Внутри бот находились истлевшие женские кожаные туфли светлокоричневого цвета. Из двух бот вместе с туфлями извлечены 44 кости стопы и два ногтя.

Кости и место их обнаружения т. Седнева сфотографировала. Кроме того, она составила подробный

схематический план этого места. План и фотоснимки были приобщены к протоколу осмотра (см. фото № 1).

Все обнаруженное было соответствующим образом опечатано и доставлено в прокуратуру области.

Перед следствием возникла трудная задача — выяснить причину смерти человека, кости которого обнару-

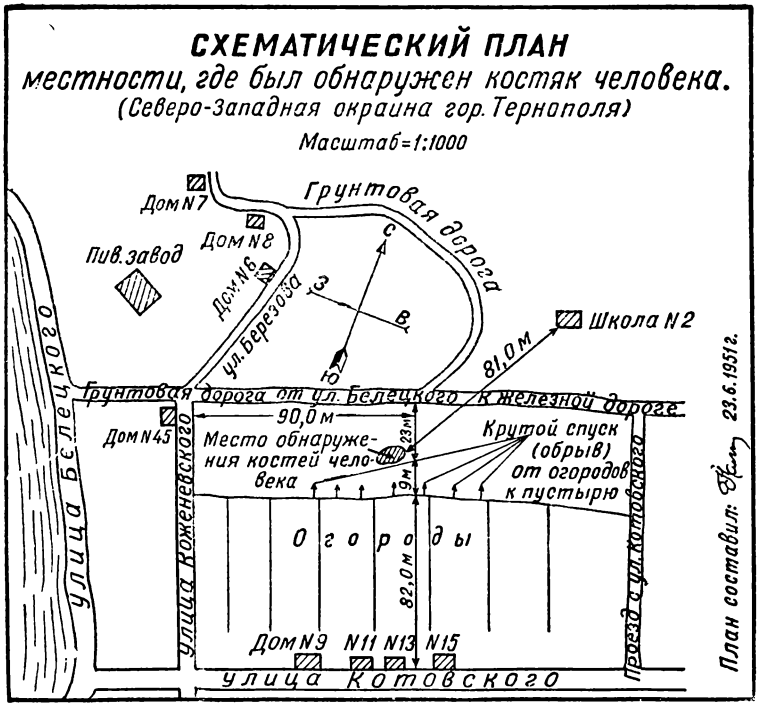

Фото № 1. Схематический план местности, где был обнаружен скелет человека.

жили, время наступления его смерти и кто был этот человек.

Отсутствие мягких тканей на костях позволяло следователю предположить, что с момента наступления смерти прошло уже продолжительное время. Но нужно было установить с возможной точностью это время, что позволило бы искать людей, исчезнувших за какой-то более или менее ограниченный период времени.

Наличие на костях черепа пролома позволяло сделать вывод, что в данном случае была насильственная смерть, но не известно, имел ли место несчастный случай или преступление. В последнем случае следователю предстояло найти убийцу.

Тов. Седнева провела большую и кропотливую работу, проявила немало инициативы и в конце концов добилась успеха в раскрытии преступления.

Большую помощь оказала ей плановость в работе. Расследуя дело, т. Седнева методически и последовательно выясняла все возникавшие вопросы.

Для того чтобы установить, составляют ли обнаруженные кости скелет одного лица или являются частями скелетов нескольких человек и если составляют скелет одного человека, то мужчины или женщины, и для выяснения ряда других вопросов т. Седнева назначила судебно-медицинскую экспертизу, которая пришла к следующему заключению:

1) Доставленные кости относятся к скелету одного взрослого человека, ростом 159 см.

2) Есть данные полагать, что исследуемый скелет принадлежит женщине в возрасте примерно 20—25 лет.

3) Имеющееся на кости черепа повреждение нанесено тупым предметом с ограниченной поверхностью. По заключению экспертизы, удар был нанесен с большой силой и подобное повреждение могло повлечь за собой кровоизлияние в вещество мозга, а следовательно, служить причиной смерти. Учитывая характер повреждений, эксперт пришел к выводу, что ранение не могло быть нанесено самой потерпевшей.

Труп, по мнению экспертизы, находился в земле примерно три-четыре года, так как кости скелета имели грязно-желтый цвет, были совершенно лишены мягких и хрящевых тканей и в значительной степени обезжирены.

Заключение судебно-медицинской экспертизы дало т. Седневой некоторые сведения, необходимые для установления личности женщины, кости скелета которой были найдены.

Предполагая, что об исчезновении этой женщины в милиции могло иметься заявление и какие-либо материалы по розыску, т. Седнева проверила в районных отделениях милиции г. Тернополя все заявления за

последние четыре-пять лет об исчезновении женщин в возрасте 20—25 лет.

В районных отделениях милиции, однако, не оказалось каких-либо заявлений и розыскных требований о пропавших женщинах указанного возраста.

Тогда следователь провел такую же проверку и в областном управлении милиции, но и там никаких данных по этому вопросу не было.

Тов. Седнева вспомнила, как Сеник горячо доказывал ей, что на месте обнаружения костей во время Великой Отечественной войны боев не было, о чем ему, как коренному жителю Тернополя, хорошо известно, поскольку он из города никуда не выезжал. Сеник был, повидимому, уверен в том, что имело место убийство, и имел какие-то соображения по этому поводу. Вот почему т. Седнева решила допросить его.

Вызванный на допрос Сеник сообщил об известном ему случае исчезновения одной женщины за три года до обнаружения скелета на пустыре. Он подробно рассказал все, что знал по этому вопросу.

В феврале 1947 года его знакомая Худик арендовала у него домик, состоявший из двух комнат. При аренде она попросила его, Сеника, чтобы он разрешил вместе с ней в домике проживать близкому ей человеку — Бабецкому. Он дал свое согласие. Понаблюдав за своими квартирантами, Сеник убедился в том, что Бабецкий нигде не работает и живет на средства Худик. Поэтому он однажды даже сказал Худик, чтобы она прогнала бездельника. К Бабецкому часто заходил его знакомый Измалков вместе со своей женой Александрой Вильчаковской.

В начале июля 1948 года Измалкова арестовали, и Вильчаковская продолжала одна приходить к Худик и Бабецкому.

Примерно в конце июля 1948 года к Худик заходил 15-летний брат Вильчаковской и, громко плача, спрашивал у нее, не знает ли она, где находится его сестра, которая, как он говорил, ушла два дня тому назад вместе с Бабецким и после этого домой не вернулась.

Сеник слышал этот разговор, а через несколько дней ему Бабецкий, возмущаясь, сказал: «Вот ведь бывают жены, как мужа посадят в тюрьму, так они и сбегут с другим». Он сообщил, что стоило Измалкову оказаться

арестованным за хищение кирпича, как его жена уехала с каким-то военнослужащим.

Примерно в октябре 1948 года Бабецкий куда-то уехал и больше в Тернополь не вернулся.

Худик была вызвана в прокуратуру. Она была чрезвычайно этим напугана и сразу же сама заявила, что, повидимому, ее вызвали на допрос «из-за этого негодяя Бабецкого».

В начале допроса Худик нервничала, но через некоторое время успокоилась и начала подробно рассказывать о Бабецком, с которым она была близко знакома с октября 1946 года. Об Александре Вильчаковской Худик рассказала, что действительно в конце июля 1948 года Александра пришла к ним, имея с собой 1600 руб., которые в присутствии ее и Бабецкого считала. После этого они пошли с Бабецким якобы в прокуратуру ходатайствовать об освобождении Измалкова, но через некоторое время Бабецкий вернулся один, сказав, что «Шура ушла с каким-то милиционером», а ему сказала, чтобы он шел домой, так как «она сделает все сама».

Однако, как показала Худик, Александра Вильчаковская в дальнейшем не появлялась.

Однажды в октябре Худик узнала, что Бабецкий женат. Она стала его упрекать и плакать. Бабецкий же в ответ на это заявил ей: «Молчи, а то с тобой сделаю то же самое, что и с Шурой».

После допроса т. Седнева предъявила Худик остатки истлевшего платья, обнаруженного на костях, волосы и боты, найденные на месте обнаружения костей, и спросила ее, не может ли она опознать эти вещи и волосы.

Осмотрев истлевшее платье, предъявленное ей, Худик сказала, что это остатки любимого платья Вильчаковской.

Платье было ею опознано по двум застежкам «молния». В отношении же бот Худик пояснила, что боты она опознает по застежке (боты застегивались на две пуговицы). Она как-то просила Вильчаковскую продать ей эти боты, так как они имели удобную застежку, а достать подобные боты она в то время не могла.

В результате всех приведенных данных т. Седнева выдвинула две версии:

1) Вильчаковская убита Бабецким с целью ограбления.

2) Вильчаковская выехала из Тернополя, боясь, что в связи с привлечением ее мужа к уголовной ответственности за незаконно приобретенный им кирпич, она также может быть арестована, так как из осмотра архивного уголовного дела Измалкова было видно, что она знала, откуда муж привез кирпич, и даже оказала ему помощь в его перевозке.

Со времени исчезновения Вильчаковской прошло три года. Такие важные свидетели по делу, как Измалков и брат Вильчаковской — Николай Вильчаковский, неизвестно куда уехали из Тернополя. Также неизвестно было, где проживает предполагаемый преступник — Бабецкий.

Для проверки своих версий т. Седнева прежде всего установила место рождения Александры Вильчаковской, так как там могли проживать ее родные, которые в случае, если Александра Вильчаковская жива, должны знать, где она проживает. Кроме того, следователь надеялся, что Николай Вильчаковский проживает вместе с родными и более подробно может рассказать об обстоятельствах исчезновения сестры и об имевшихся у нее вещах.

Установив, что Вильчаковская уроженка Ободовского района Винницкой области, т. Седнева направила прокурору этого района отдельное требование об установлении родственников исчезнувшей и выяснении у них местопребывания Александры Вильчаковской и ее мужа Измалкова, а также изъятии ее писем и фотокарточки. Кроме того, давалось задание подробно допросить Николая Вильчаковского об обстоятельствах исчезновения его сестры: в чем она была одета, какая при ней была сумма денег, какую она носила прическу, какой у нее был размер обуви и т. д.

Отдельное требование было исполнено. Родители Вильчаковской действительно проживали в Ободовском районе. Они сообщили, что о дочери они никаких известий не имеют, а их сын Николай Вильчаковский призван в армию и адрес его им неизвестен.

Родители Вильчаковской показали, что Измалков после исчезновения жены приезжал к ним, но, узнав, что им ничего не известно о ее судьбе, выехал к себе на родину в село Измалково Измалковского района Курской области, а где он проживает в настоящее время, они не знают.

Через райвоенкомат Ободовского района Винницкой области, где был призван Николай Вильчаковский, т. Седнева установила его местопребывание и вызвала его через командование воинской части на допрос в прокуратуру Тернопольской области.

Одновременно с этим было направлено отдельное требование прокурору Измалковского района о допросе Измалкова относительно обстоятельств исчезновения его жены, о ее росте, форме прически и других приметах, а также об имевшихся у нее вещах и размере обуви, которую она носила.

Через некоторое время в Тернополь прибыл Николай Вильчаковский, который рассказал, что он в начале мая 1948 года гостил у своей сестры. В первых числах июля муж сестры — Василий Измалков — был арестован за хищение кирпича. В конце июля к Вильчаковской зашел хороший знакомый ее мужа — Бабецкий и пригласил пойти вместе с ним в прокуратуру города, чтобы там узнать о судьбе Василия Измалкова. Сестра тут же оделась и ушла вместе с Бабецким и домой больше не вернулась. Утром к нему зашел Бабецкий и сказал, что вчера, когда он вместе с его сестрой часов в одиннадцать вечера шел в прокуратуру, по дороге им встретился какой-то военнослужащий и Шура (т.е. Александра Вильчаковская), сказав Бабецкому: «Идите домой», ушла с военнослужащим по направлению к вокзалу.

Пятнадцатилетний, в то время, Николай Вильчаковский пошел в 3-е отделение милиции г. Тернополя и рассказал, что исчезла его сестра, а он остался в незнакомом ему городе совсем один. Начальник 3-го отделения милиции на это ответил: «Можешь итти, мы сами все проверим». При этом милиция не поинтересовалась ни приметами сестры заявителя, ни одеждой, в которой она ушла из дома.

Николай Вильчаковский, погоревав несколько дней, продал кое-какие вещи сестры и на вырученные деньги купил себе железнодорожный билет и уехал к своим родителям.

Тов. Седнева подробно допросила Вильчаковского. Он показал, что, когда сестра его ушла вместе с Бабецким, она была одета в шелковое платье черного цвета, имевшее две «молнии», одной из которых платье

застегивалось на левом боку лифа, а другой — застегивался ворот на спинке платья. Кроме того, она на платье одела хлопчатобумажный свитер коричневого цвета с голубыми, красными и желтыми полосками. На ногах у Шуры были одеты старые светлокоричневые туфли, и так как на улице шел дождь, то она одела на туфли резиновые боты, имеющие две пуговички.

С собой она взяла сумочку, в которой находились документы и 1600 руб. Прическа сестры была гладкая, волосы заплетены в одну небольшую косичку и уложены сзади.

Только после установления всех этих данных т. Седнева предъявила Вильчаковскому в числе других найденные боты, остатки истлевшей ткани, обнаруженные вместе с костями, и волосы.

Осмотрев предъявленное ему, Вильчаковский опознал боты, найденные на месте обнаружения костей, по застежке, как принадлежащие его сестре. Он сказал, что истлевшая ткань черного цвета представляет собой остатки платья Шуры, которое он опознает по двум металлическим застежкам «молния», а кусочки ткани коричневого цвета есть части свитера.

К этому же времени из Измалковского района поступил ответ на отдельное требование.

Измалков, будучи допрошен, показал, что в сентябре 1948 года его осудили к трем месяцам исправительно-трудовых работ.

Вернувшись домой, он пытался у Бабецкого выяснить, где его жена. Бабецкий сказал ему, что Вильчаковская выехала из Тернополя с каким-то военнослужащим.

Так как к этому времени комната, где он проживал ранее, была занята, он поехал к родителям Шуры, а оттуда к себе на родину, где и устроился работать. Измалков указал приметы своей жены, в частности, он показал, что ее рост был 159 см, о чем он хорошо знает, так как он был на 10 см выше жены, а рост у него 169 см. Вильчаковская волосы обычно заплетала в небольшую косу, которую укладывала на затылке.

Измалков столь же подробно описал вещи, которые были у жены, в том числе назвал боты, шелковое платье черного цвета с двумя застежками «молния», туфли

светлокоричневого цвета, которые ей шил сапожник Лебедь, проживающий в Тернополе.

Тов. Седнева, собирая все новые и новые доказательства, отыскала в городе названного сапожника Лебедя и, вызвав его на допрос, предъявила ему найденные в ботах истлевшие туфли (кожаные каблуки, носки, задники и подметки).

Лебедь, осмотрев предъявленное ему, заявил, что подобного рода кожаные каблуки, которые ему показаны, делает обычно только он, так как остальные сапожники г. Тернополя изготовляют деревянные каблуки. Осмотрев подметку и задник, Лебедь сказал, что это его работа и он узнает ее, несмотря на то, что предъявленные ему части туфель потеряли свой первоначальный цвет и фасон. Свою работу он опознал по кожаным задникам, стелькам, под которые он ставил вместо металлических планок фанерную выпаковку. В каблуках он укладывал в первые три ряда кожаные пластинки, затем картонные, а набойки делал резиновые. Кроме того, он опознал и подошву, шитую деревянными шпильками в два ряда.

Лебедь также показал, что эти туфли он шил Вильчаковской из кожи светлокоричневого цвета, принесенной ею. Других туфель такого цвета он больше никому не шил.

Несмотря на то, что с момента пошивки туфель прошло три с лишним года, он хорошо помнит эти подробности, так как туфли вышли красивыми и изящными и он даже показывал их некоторым из своих заказчиков как образец своей работы.

После допроса свидетелей и опознания ими вещей, найденных на месте обнаружения костей, как вещей принадлежащих Вильчаковской, т. Седнева пришла к окончательному выводу, что обнаружен скелет именно Александры Вильчаковской.

Версия о том, что Вильчаковская выехала из г. Тернополя и проживает в другом месте, разумеется, отпала.

Одновременно с осуществлением всех вышеуказанных действий т. Седнева проводила активный розыск Бабецкого.

По справке адресного бюро г. Тернополя значилось, что Бабецкий выбыл в село Межирички Голованевского района Одесской области.

По справке же Тернопольского райвоенкомата, где Бабецкий состоял на учете как пенсионер, значилось, что его пенсионное дело как инвалида Великой Отечественной войны направлено в Львовский облвоенкомат, по запросу последнего.

Поэтому т. Седнева послала запрос начальнику финансового отдела Львовского облвоенкомата с просьбой сообщить, получает ли Бабецкий пенсию, а также, если известно, то сообщить о местах его работы и жительства. В то же время было послано отдельное требование прокурору Голованевского района с просьбой проверить, не проживает ли Бабецкий в этом районе, а если не проживает, то допросить его отца о местопребывании сына (из показаний Худик было известно, что у Бабецкого есть отец, проживающий в Голованевском районе).

Отец Бабецкого, не зная, что его сына разыскивают, показал, что Бабецкий проживает где-то в Львовской области.

Львовский облвоенкомат сообщил, что пенсию Бабецкий не получает, так как им не была представлена справка из ВТЭК. Однако в сообщении указывалось, что до апреля 1950 года Бабецкий проживал в г. Сокаль Львовской области, где состоял на военном учете. В настоящее время его местожительство не известно.

Прокурор Сокальского района был немедленно запрошен, проживает ли в Сокале Бабецкий, а если проживал и выбыл, то куда.

В ответ на этот запрос поступило сообщение, что в июле 1950 года Бабецкий был осужден за покушение на убийство гражданки Балынской к десяти годам лишения свободы и отбывает наказание.

Тогда т. Седнева установила место, где Бабецкий отбывает наказание, и направила туда постановление об его этапировании. Через некоторое время Бабецкий был этапирован в Тернополь.

Будучи допрошен, Бабецкий не признал себя виновным в убийстве Александры Вильчаковской.

Однако он, как выше указывалось, изобличался показаниями Худик, которая на очной ставке с Бабецким подтвердила свои ранее данные показания о том, что Бабецкий ушел вместе с Вильчаковской и вскоре вернулся один, что он угрожал ей поступить с ней таким же образом, как и с Шурой, и что после исчезновения

Вильчаковской у Бабецкого появились деньги, которых у него до этого не было.

Бабецкий был предан суду по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и осужден к 20 годам лишения свободы.

В процессе расследования дела следователь выяснил, почему в милиции при осмотре дел об исчезновении граждан не был обнаружен материал об исчезновении Вильчаковской.

На запрос прокуратуры управление милиции Тернопольской области сообщило, что в архиве материалов расследования о внезапном исчезновении Вильчаковской не обнаружено.

Тогда т. Седнева вызвала и допросила по этому вопросу начальника 3-го отделения милиции т. Калмыкова и оперуполномоченного т. Волкова.

Тов. Калмыков показал, что действительно в июле 1948 года к ним поступило заявление Николая Вильчаковского об исчезновении его сестры. Для проверки этого заявления они вызвали Бабецкого, который высказал предположение, что, возможно, Александра Вильчаковская уехала из города, так как ее муж был арестован.

Органы милиции ограничились объяснением Бабецкого и дальнейший розыск Александры Вильчаковской прекратили. Материал же розыска Вильчаковской был утерян.

Приведенное дело показывает, какие полезные результаты дает внимательность, настойчивость и инициатива следователя. Только благодаря этому т. Седнева сумела успешно раскрыть тяжкое преступление, совершенное за три года до того момента, когда она начала свою кропотливую работу по собиранию и проверке доказательств. Нельзя также не обратить внимания на ту помощь в раскрытии преступления, которую оказал советский гражданин Сеник.

НЕКОТОРЫЕ НЕДОСТАТКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СОПРОВОЖДАВШИХСЯ ИНСЦЕНИРОВКОЙ САМОУБИЙСТВА И РАЗБОЙНОГО НАПАДЕНИЯ

По материалам ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР

В этой статье будут проанализированы недостатки, встречающиеся в практике работы следователей при расследовании тех убийств, когда преступник (обычно близкое потерпевшему лицо) с целью сокрытия совершенного им преступления инсценирует смерть своей жертвы, будто бы наступившую в результате самоубийства или разбойного нападения.

Решающими следственными действиями в таких случаях обычно оказываются осмотр места происшествия и трупа, а также судебно-медицинская и криминалистическая экспертизы. Правильное их проведение может дать следователю достаточно данных для разрешения вопроса о том, какова была действительная причина смерти потерпевшего.

Положительное разрешение этого вопроса, как правило, облегчает получение ответа и на вопрос: кто является действительным виновником смерти потерпевшего. Естественно поэтому, что недостатки по этого рода делам об убийстве в основном сводятся к пробелам в процессе обнаружения и закрепления следов и других вещественных доказательств на месте происшествия, в частности к недостаточному или неправильному применению при этом научно-технических средств.

Нередко подобные пробелы следствия приводят к тому, что несмотря на серьезные косвенные улики против

лица, заподозренного в убийстве, доказать его виновность не удается и дело заканчивается прекращением. Так, например, и произошло при расследовании одного из двух аналогичных дел, освещаемых в настоящей статье, — дела о смерти Харитоновой.

Как для этого дела, так и для дела о смерти Степановой одинаково характерны не только обстоятельства их возбуждения (заявления в милицию со стороны мужей о самоповешении их жен), но и допущенные при расследовании основные ошибки, прежде всего совершенно неудовлетворительно проведенные осмотры мест происшествия. В результате поверхностного подхода следователей к этому решающему по значению следственному действию и неприменению научно-технических средств остались невыявленными и незафиксированными существенные обстоятельства. Это в свою очередь привело к тому, что когда по делу о смерти Харитоновой следователь потом выдвинул версию об убийстве ее мужем, проверить эту версию в полной мере было уже невозможно.

В обоих случаях в заявлениях мужей указывалось, что по возвращении домой они застали жен повесившимися. И в том и в другом случае следователь прокуратуры, придя на место происшествия, обнаружил трупы уже лежащими на полу. Как в том, так и в другом случае с балки (над дверьми во внутренних перегородках) свешивались куски привязанных к ним веревок.

В протоколе осмотра места происшествия по делу о смерти Степановой, кроме описанных выше обстоятельств, следователем прокуратуры одного из районов г. Таганрога было зафиксировано еще то обстоятельство, что на земляном полу около трупа стояло пустое ведро, перевернутое кверху дном. В остальном протокол осмотра сводился к фиксации данных обыска. Этот обыск следователь произвел исключительно в связи с заявлением Степанова о том, что потерпевшая — его бывшая жена, к которой он приехал за несколько дней до ее смерти, занималась спекуляцией. Поэтому в протоколе очень подробно был описан «товар», которым спекулировала Степанова: упакованные в кульки и расфасованные в порошки душистый перец, ванилин, пшено, краски для ткани и т. д. Отмечено было также обнаружение 3134 руб. наличными деньгами, с указанием купюр. Что же касается трупа, то в протоколе

осмотра было лишь указано, что на шее надета веревочная петля и что «потерпевшую в момент появления следователя еще пытались привести в чувство».

Фактически же основной объект осмотра — труп потерпевшей — вообще не осматривался. Это видно хотя бы из того, что в протоколе не было отмечено даже такое важное обстоятельство, как наличие множества кровоподтеков, царапин и ссадин на лице, шее и руках, а в области затылка — рана, нанесенная тупым тяжелым предметом.

В протоколе осмотра не было дано описания и другого важного в случаях повешения предмета — веревки. Вместо того чтобы тщательно и подробно описать характер плетения веревки, структуру ее волокон, длину, поперечное сечение, состояние каждого из концов, наличие или отсутствие посторонних предметов или пятен, характеристику узлов и способ крепления веревки к опоре, а также состояние этой опоры, — следователь лишь отметил, что «на шее трупа веревочная петля» и что «с балки свисает свободный конец привязанной веревки».

Не было отмечено в протоколе и обнаружение в сарае большого, свыше двух метров длиной, куска веревки, хотя эта веревка и была изъята следователем вместе с порошками, красками и другими «вещественными доказательствами».

Между тем впоследствии другой, более опытный следователь из прокуратуры г. Таганрога т. Щетинин обратил, в частности, внимание на то, что веревка, найденная в сарае, повидимому, была отрезана от обрывка веревки, привязанного к балке, что потом подтвердила и экспертиза (см. фото № 1). При тщательном осмотре этой веревки на ней было обнаружено несколько вырванных с корнем женских волос (это потом установила экспертиза). Такие же волосы были обнаружены и на петле, и на обрывке веревки на балке.

При измерении петли оказалось, что в максимально раздвинутом (вплоть до балки) положении окружность петли равна 44 см, в то время как окружность головы Степановой была равна 52 см.

Следователь т. Щетинин сделал поэтому правильный вывод о том, что потерпевшая не могла повеситься иначе, как сначала надев себе петлю на шею, а затем привязав веревку к бал-

ке. Но этому противоречило то обстоятельство, что на отрезанном конце веревки, найденном в сарае, оказались женские волосы, явно вырванные во время повешения, после чего потерпевшая, разумеется, уж не могла сама отнести отрезанный кусок веревки в сарай.

Кроме того, т. Щетининым с обеих сторон балки были обнаружены множественные вдавления, выз-

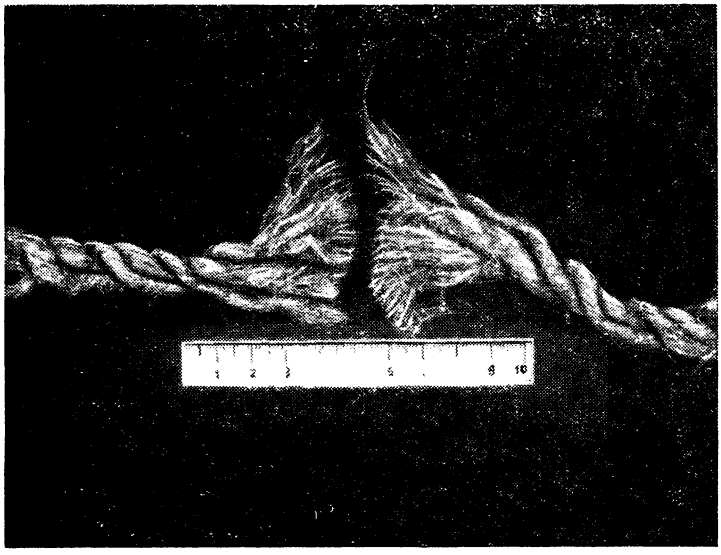

Фото № 1. Видимое совпадение концов веревок по линии их разреза.

ванные, по заключению эксперта-криминалиста, неоднократным подтягиванием груза на веревке, что не могло иметь места при самоповешении.

Следователь обратил внимание и на особый характер узла, которым веревка была закреплена на бэлке. Заключением криминалистической экспертизы узел был отнесен к числу «морских», или «буксирных».

Дальнейшим расследованием было установлено, что Степанов в 1943 году работал линейным механиком пароходства и поэтому вполне мог быть знаком с техникой вязки «морских» узлов.

Все эти обстоятельства, столь существенные для хода следствия, не были выявлены при осмотре места происшествия, произведенном первым следователем.

Кроме того, отметив в протоколе осмотра перевернутое ведро, этот следователь не поинтересовался, имеются ли на земляном полу сеней, где оно было обнаружено, какие-либо следы вдавления от ушек и краев ведра. Между тем, рассуждая логично, следователь, естественно, должен был бы учесть неизбежность образования таких следов в случае, если на ведро кто-нибудь становился. Нет нужды пояснять, какое серьезное значение имело это обстоятельство при проверке версии о самоповешении Степановой.

Не пытаясь в процессе осмотра воссоздать истинную картину происшедшего, безоговорочно и без малейшей проверки приняв на веру версию, выдвинутую Степановым, первый следователь обращал внимание и фиксировал в протоколе только то, что подтверждало эту единственную попавшую в поле его зрения версию.

Проявилось это, в частности, в том, что следователь не заметил пятен крови ни на постели, ни на одежде потерпевшей, к трупу которой он, повидимому, даже близко не подходил. Лишь благодаря тому, что перед похоронами мать потерпевшей сменила одежду на трупе дочери и сохранила снятую одежду, удалось впоследствии установить наличие на ней пятен крови.

Обыск следователь провел столь же небрежно, как и осмотр. Это видно из того, что на другой день мать потерпевшей сама принесла в прокуратуру найденный ею в погребе кусок сжатой в комок тряпки, еще влажной от крови и слюны. Она же указала следователю, что тряпка эта оторвана от полы халата, который был одет на Степановой в момент смерти.

Не был составлен следователем и план места происшествия. Лишь через месяц этот пробел бы восполнен и частный план места происшествия был составлен. Этот план помог опровергнуть объяснения Степанова о происхождении ранения в затылочной области головы потерпевшей. По его словам, когда он обрезал ножом веревку, то не смог удержать труп Степановой, и тот, падая, ударился об угол ларя, стоявшего тут же в сенях. Сопоставлением расстояния от места, где висел труп Степановой, до угла ларя с ее ростом было

установлено, что труп никак не мог удариться о ларь. Четкая фиксация этого обстоятельства благодаря составлению плана наглядно опровергла версию Степанова. Прижизненное происхождение ранения на затылке потерпевшей, а также ссадин на лице было впоследствии подтверждено и судебно-медицинской экспертизой.

Не говоря уже о данных, которые можно было бы извлечь из тщательного осмотра места происшествия, сама по себе версия, выдвинутая Степановым по поводу обстоятельств, при которых им был обнаружен труп его бывшей жены, должна была сразу же возбудить подозрения у следователя.

Вкратце она сводилась к следующему.

После того как около восьми часов утра мать погибшей ушла из дома, а сын ушел в школу, Степанов с женой остались дома вдвоем. Степанова, собираясь итти на базар, дала ему денег и попросила сходить в магазин купить сыну ботинки. В начале девятого часа он вышел из дому, дошел до улицы Чехова и, встретив там знакомого, узнал от него, что промтоварные магазины по понедельникам не торгуют и, во всяком случае, так рано не могут быть открыты. В связи с этим он вернулся домой, отсутствовав минут 40—50. Когда Степанов вошел в дом, он якобы увидел в сенях Степанову, висевшую в петле.

В этом объяснении все было неправдоподобно: и то, что Степанова поручила своему бывшему мужу покупать ботинки для сына, хотя, отправляясь на базар, легко могла сделать это сама; и то, что покупать ботинки Степанов пошел один, без сына; и то, что он пошел в промтоварный магазин в понедельник, да еще в девятом часу утра, когда промтоварные магазины не торговали, о чем он не мог не знать. Совершенно неправдоподобно было и то, что Степанов не мог сказать, как зовут встреченного им знакомого — его бывшего сослуживца по заводу имени Молотова. Сказать, в качестве кого, в каком цехе или отделе завода тот работал, Степанов также не смог.

Проверяя эту явно неправдоподобную версию, следователь должен был учесть следующее обстоятельство, характерное для случаев маскировки убийства, в частности, убийства мужем жены, инсценировку самоубийства.

Считая, что наиболее правдоподобным «самоубийство» будет выглядеть в том случае, когда дома, кроме «самоубийцы», никого не было, преступник обычно выдвигает такое объяснение: «Все ушли из дому, жена осталась одна, а когда я вернулся, — жена была уже мертва». Типичной подробностью оказывается в таких случаях и то, что преступник обязательно уходит из дому последним. (Это и понятно, так как для совершения преступления ему необходимо отсутствие свидетелей). Возвращается же преступник домой, как правило, первым и, «обнаружив» труп жены, сам же сразу заявляет об этом следственным органам (чтобы отвлечь от себя подозрения).

При этом иногда преступник фактически никуда из дома не выходит, лишь рассказывая о своей отлучке (как было и в случае со Степановым). Обычно же преступник для большей убедительности действительно уходит из дому после совершения убийства, стараясь при этом создать себе алиби.

Отсюда неизбежно вытекает и одна из первоочередных задач следователя при расследовании такого рода дел: тщательно проверять, действительно ли отлучался из дому тот, кто последний оставался с потерпевшим, и, если уходил, то куда и зачем; была ли реальная надобность в этой отлучке. Все объяснения по этим вопросам, данные заподозренным в убийстве лицом, должны быть, разумеется, немедленно и глубоко проверены.

Так, в данном случае следователю надлежало установить, была ли вообще необходимость в покупке ботинок сыну, чем вызывалась срочность этой покупки (до возвращения сына из школы), какой размер обуви Степанов предполагал купить, была ли у него мерка с ноги сына и т. д.

Все эти вопросы следовало сначала задать самому Степанову, а затем проверить путем допроса матери жены, сына, а также путем осмотра обуви сына и т. п.

Не проверил следователь и наличие у Степановой хотя каких-нибудь мотивов к самоубийству, не выяснил, каково было ее настроение в последнее перед смертью время, каковы были ее планы на ближайшее будущее. Между тем, судя по показаниям матери Степановой, у последней не было никаких поводов к тому, чтобы лишать себя жизни. Отсутствие предсмертной

записки также должно было насторожить следователя.

Лишь после того как дело было передано т. Щетинину, в результате детального повторного осмотра места происшествия и вещественных доказательств инсценировка самоубийства Степановой была быстро установлена. Глубоко исследовав историю взаимоотношений Степанова и его бывшей жены, следователь установил и мотив убийства — желание освободиться от уплаты алиментов на сына Виктора, которого он ранее также пытался убить, подговаривая для этого одного из подчиненных ему по службе рабочих.

В результате Степанов при ознакомлении с делом в порядке ст. 206 УПК РСФСР признал себя виновным в убийстве своей бывшей жены.

В судебном заседании Степанов отказался от этих показаний, но народный суд, исходя из ряда имевшихся в деле неразрывно связанных друг с другом косвенных улик, признал Степанова виновным и приговорил к десяти годам лишения свободы. Областной суд этот приговор оставил в силе.

При производстве осмотра места происшествия по другому делу — о смерти Харитоновой — следователь одного из районов г. Таллина также допустил ряд существенных недочетов, что в основном и привело к неудовлетворительному исходу следствия.

Основной ошибкой, допущенной при осмотре, была грубейшая недооценка значения повреждений, имевшихся на трупе. Наличие, характер и происхождение этих повреждений имели решающее значение для получения ответа на важнейший вопрос по делу — была ли смерть Харитоновой вызвана самоубийством или Харитонова была убита с последующей инсценировкой преступником обстановки самоповешения.

Как видно из акта вскрытия трупа, на шее погибшей было две странгуляционных борозды: одна — горизонтальная, другая — косовосходящая. В акте также указано, что прижизненной являлась лишь горизонтальная борозда, как известно, характерная для удавления посторонней рукой; косовосходящая же борозда была посмертного происхождения.

Следователь же совершенно не описал в протоколе осмотра ни одной из этих борозд и даже не поставил

судебно-медицинскому эксперту вопроса об их происхождении, почему об этом не было указано и в акте вскрытия.

Между тем вопрос о том, какого рода предметом (веревкой, ремнем, лентой и т. д.) была оставлена каждая из борозд, имел серьезное значение еще и потому, что вокруг шеи трупа был завязан марлевый бинтик. В этих условиях происхождение горизонтальной странгуляционной борозды могло быть объяснено мужем погибшей наличием у нее на шее названной повязки.

Из числа других повреждений на трупе следователь отметил лишь небольшую царапину на безымянном пальце правой руки, а в отношении повреждений на лице указал лишь, что «изо рта выделяется немного крови, которой испачкан подбородок», и «в правом ухе красная жидкость, похожая на кровь». Каковы же повреждения, вызвавшие эти кровоизлияния, следователь не заинтересовался и о них в протоколе даже не упомянул. Что же касается потеков крови, следователь не указал ни их формы, ни размеров, ни самого главного — направления этих потеков.

Между тем фиксация в протоколе направления потеков крови крайне существенна: если бы потеки располагались в вертикальном направлении, это соответствовало бы положению висящего трупа. Горизонтальное же направление потеков означало бы, что повреждения, их вызвавшие, образовались, когда труп погибшей находился в горизонтальном положении. Особая необходимость в самой тщательной фиксации повреждений и потеков крови на трупе вызывалась еще и тем, что муж Харитоновой на вопрос следователя, чем могли быть вызваны эти повреждения, ответил, что это — следы укусов крыс. По его словам, возвратившись домой с футбольного матча, он застал жену мертвой, лежащей на полу, с петлей на шее. Поскольку он отсутствовал несколько часов, то возможно, что труп жены, очевидно, упавший на пол из-за разрыва веревки, на которой он висел, за это время мог быть покусан крысами. В свете такого заявления и учитывая, что на место происшествия не был приглашен не только судебно-медицинский эксперт, но и обычный врач (еще одно грубейшее нарушение со стороны следователя основного и элементарного условия осмотра места происшествия по делу об

убийстве), следователь должен был с особой внимательностью подойти к описанию этого важного обстоятельства в протоколе осмотра. Следователь же не только не сделал этого, но даже не поставил судебно-медицинскому эксперту первостепенной важности вопросов: являются ли повреждения на лице трупа прижизненными или посмертными и могли ли они явиться результатом укусов крыс. Однако судебно-медицинский эксперт, подробно описав в акте вскрытия множественные ссадины и царапины на лице погибшей, по собственной инициативе указал в заключении, что все они — прижизненного происхождения и могли быть причинены ударами руки.

Исходя из этих данных, а также из прижизненного характера горизонтальной странгуляционной борозды, судебно-медицинский эксперт пришел к категорическому заключению, что смерть гр-ки Харитоновой последовала от удавления, сопровождавшегося борьбой, с последующим подвешиванием трупа. Свое заключение эксперт подкрепил фотоснимками головы и шеи трупа, на которых отчетливо были видны обе странгуляционные борозды, повреждения и потеки крови (см. фото № 2).

Следователь не поставил эксперту и такого важного вопроса: «Сколько прошло времени с момента смерти Харитоновой до вскрытия ее трупа?» В результате этот момент так и остался не освещенным в акте вскрытия. Между тем, как и всегда при расследовании убийств, установление времени смерти потерпевшей имело для данного дела очень существенное значение.

Так, если было бы установлено, что смерть Харитоновой наступила в то время, когда ее муж был еще дома, это явилось бы серьезным доказательством ложности всей его версии. Если было бы установлено, что смерть потерпевшей последовала непосредственно перед тем, как ее муж пришел в отделение милиции, было бы опровергнуто его объяснение о том, что труп успели искусать крысы. Учитывая всю важность определения времени наступления смерти и отсутствие при первичном осмотре трупа не только эксперта, но и обычного врача, подробная фиксация состояния трупных явлений, которая позволила бы определить время смерти, была прямой обязанностью следователя. Однако это не было отражено в протоколе осмотра, а когда труп впервые был осмотрен экспертом при вскрытии,

т. е. через 1,5 суток после его обнаружения, определить время смерти более или менее точно было уже крайне трудно.

Очень важными для хода следствия были вопросы, связанные с обнаруженными на месте происшествия двумя отрезками веревок: одним на шее трупа — в виде

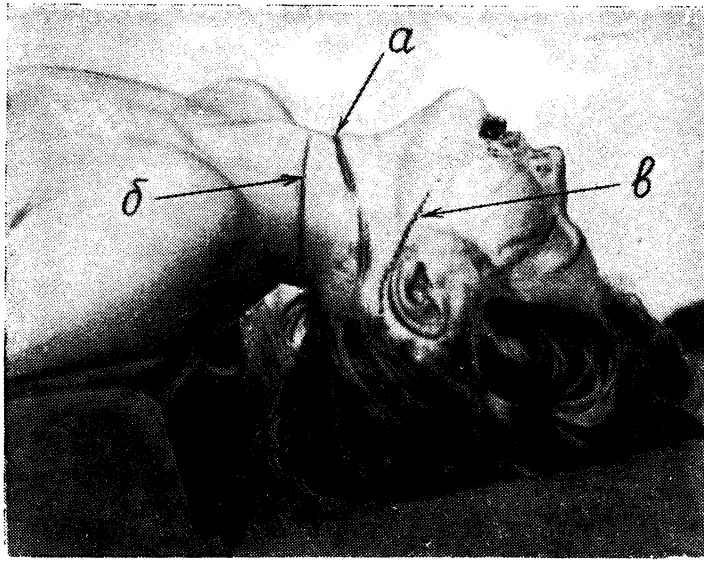

Фото № 2. Фотоснимок жертвы преступления.

Стрелками указаны: а) странгуляционная борозда – посмертная, образовавшаяся после подвешивания трупа; б) странгуляционная борозда от удавления; в) потек крови.

петли, другим — привязанным к перекладине над дверью, возле которой был обнаружен труп. Здесь требовалось прежде всего выяснить, являются ли обе эти веревки продолжением одна другой; если да, то разрезана ли веревка или она разорвалась; нет ли на веревке, привязанной к перекладине, женских волос; каковы особенности узлов на петле и на перекладине. В протоколе осмотра отмечено лишь следующее: «В свисающей части веревки один конец оборван, а другой конец обрезан». И далее: «На шее — кусок веревки. На одном конце веревки петля. Длина веревки — 30 см».

Из всего этого описания нельзя понять, была ли надета петля вокруг шеи трупа или веревка с петлей только лежала на шее. Непонятно было также и то, о каких двух свисающих концах идет речь: была ли веревка сложена вдвое или один из концов являлся свободным, а другой — продолжением отрезка с петлей, обнаруженного на шее трупа. В отношении последнего отрезка в протоколе вовсе не было указано, отрезан или оборван его конец.

Даже по поводу такого важного момента, как наличие пятен крови на свисающей части веревки, в протоколе было лишь отмечено: «На веревке два красных пятна». Ни размеры этих пятен, ни расстояние до них от перекладины, ни степень их свежести не были отмечены в протоколе. Ничего не было сказано в протоколе и о том, имелись ли какие-либо следы трения на перекладине, и если имелись, то какие именно.

Не было также указано в протоколе, был ли или отсутствовал вблизи трупа какой-либо предмет, которым погибшая могла бы воспользоваться как подставкой при самоповешении.

Отсутствие внимания следователя к негативным обстоятельствам, особенно важным для проверки симулятивного характера версии о причине смерти потерпевшей, проявилось не только в одном этом факте.

Так, не были проверены следователем обстоятельства, связанные с написанием двух предсмертных записок, предъявленных милиции мужем потерпевшей. Учитывая, что они были написаны карандашом на листках, вырванных из школьной тетради, следователь, естественно, должен был отразить в протоколе наличие или отсутствие в квартире такой тетради со следами вырванных листов. Этого сделано не было. Записки были полностью аналогичны по содержанию, и поэтому, естественно, возникали вопросы: зачем было писать две записки? Не были ли они написаны в разное время? Поэтому важно было зафиксировать в протоколе наличие или отсутствие карандаша в комнате, где был обнаружен труп (например, на столе или на других предметах обстановки). По объяснению мужа, увидев труп жены на полу, он сначала нашел предсмертные записки в сумочке жены и лишь затем побежал в милицию.

Отсюда вытекала необходимость установить, где же

находилась эта сумочка в момент осмотра, была ли она открыта или закрыта.

Ни о записках, ни о тетради, ни о сумочке, ни о карандаше в протоколе даже не было упомянуто. Следователь явно недоучел, насколько важной уликой оказалось бы, в частности, отсутствие сумочки на видном месте и обнаружение ее, например, в шкафу или комоде, где муж потерпевшей сразу после обнаружения трупа жены, естественно, не стал бы искать сумочки, если бы не знал заранее, что там могут быть предсмертные записки.

При направлении записок на экспертизу для установления, написаны ли они Харитоновой, не был поставлен вопрос о том, давно ли и одновременно ли они написаны, о чем можно было судить по степени свежести текста, по сохранности карандашных линий в местах перегибов бумаги, по однородности или разнородности карандаша и т. д. Ни один из этих вопросов не был поставлен эксперту, в то время как их разрешение могло бы пролить свет на противоречие между состоянием трупа и обстановкой места происшествия, с одной стороны, и заключением графической экспертизы о подлинности обеих записок — с другой.

Совершенно не использовал следователь фотоаппарат. Между тем фотоснимки трупа, в частности головы с повреждениями и потеками крови на лице, масштабные фотоснимки веревок, узлов, перекладины, общий обзорный снимок, где было бы ясно видно расположение предметов обстановки в комнате и, в частности вокруг трупа, — все это существенно облегчило бы расследование, точно зафиксировав ряд существенных для дела обстоятельств.

Хотя отмеченные выше грубые недочеты следователя при осмотре места происшествия и затруднили дальнейшее расследование, но в распоряжении следователя еще оставались действенные средства к установлению истины. Одним из них была глубокая проверка алиби мужа потерпевшей. Фактически же его объяснение о том, что он часа в четыре пошел на футбольный матч, а жена осталась дома одна, по существу вовсе не проверялось. Между тем для проверки версии Харитонова имелись все возможности. Прежде всего надлежало подробно допросить его об обстоятельствах посещения им футболь-

ного матча. Чтобы проверить, был ли он действительно на данном матче, ему достаточно было задать несколько контрольных вопросов, например: «В котором часу начался и кончился матч?», «Каковы были результаты первого и второго таймов?», «На какой стороне поля играла местная команда в первом тайме и на какой — во втором?» Ответы Харитонова на эти и аналогичные вопросы следователя необходимо было тщательно проверить.

Задача проверки алиби Харитонова облегчалась еще и тем, что он в подтверждение алиби сослался на свою сослуживицу — Векслер (с которой он находился в близких отношениях и из-за ревности к которой со стороны жены у них часто возникали скандалы).

По его словам, он встретился с Векслер при выходе со стадиона и проводил ее до автобусной остановки, после чего вернулся домой. Отсюда вытекала возможность сопоставить их объяснения по одним и тем же вопросам, как, например: где именно они встретились, в чем каждый из них был одет, по какому пути они шли к автобусной остановке, о чем разговаривали. Кроме того, Векслер следовало допросить по тем же вопросам о подробностях футбольного матча, что и Харитонова.

Такая двойная проверка, безусловно, дала бы возможность установить, был ли Харитонов в день смерти жены на футбольном матче или не был.

Необходимость проверки алиби Харитонова была очевидной, в частности, еще и по следующей причине. Один из сослуживцев Харитонова показал при допросе, что на другой же день после смерти жены Харитонов спрашивал у него, в котором часу накануне окончился футбольный матч. Уже один этот факт как бы прямо наталкивал следователя на детальную проверку объяснений Харитонова о посещении им футбольного матча.

Не была проверена следователем и содержавшаяся в одной из предсмертных записок Харитоновой ссылка на тяжелую болезнь как на причину ее самоубийства. Муж Харитоновой также неоднократно показывал, что у жены было заболевание сердца и что у нее опухали ноги. По этой причине она будто бы даже не могла выходить из дому, что ее крайне тяготило. В то же время по делу установлено, что на следующий день Харитонова собира-

лась итти устраиваться на работу и, следовательно, уже выздоровела, если и была ранее больна.

В этом свете необходимо было тщательно проверить, каково было состояние здоровья Харитоновой в последнее время, болела ли она до этого и когда именно, лечилась ли, как протекала ее болезнь и т. д., чтобы таким путем установить, находилась ли она ко дню смерти в таком болезненном состоянии, из-за которого можно было покончить жизнь самоубийством, или болезнь Харитоновой относилась к другому, более раннему периоду времени.

Не попытался также следователь проверить, не было ли раньше попыток к самоубийству со стороны Харитоновой, и если да, то не тогда ли были написаны предсмертные записки, предъявленные мужем после ее смерти.

Все эти существенные пробелы в расследовании дела о смерти Харитоновой особенно непонятны в свете прямого заключения судебно-медицинского эксперта о ее смерти от удавления с последующей инсценировкой самоубийства. Лишь полной бесплановостью следствия могут быть объяснены отмеченные выше недочеты в проверке буквально напрашивавшейся версии об убийстве Харитоновой мужем, приведшие в итоге к прекращению дела.

Анализ этого дела еще раз подчеркивает, к каким серьезным последствиям могут привести нарушения следователем элементарных требований, предъявляемых к расследованию дела об убийстве. К числу этих нарушений относятся: а) производство осмотра трупа без участия эксперта и даже обычного врача; б) поверхностная фиксация в протоколе всего того, что было обнаружено при осмотре; в) неприменение научно-технических средств при осмотре места происшествия; г) бесплановое ведение следствия и д) недооценка значения проверки алиби обвиняемого.

Наиболее часто допускаемым недостатком из числа названных является бесплановость расследования, характеризующаяся выполнением отдельных следственных действий от случая к случаю. В таких условиях положительный результат следствия может быть достигнут лишь при случайном стечении благоприятных обстоятельств, а не будет неотвратимо вытекать из последовательных, планомерных действий следователя.

В отдельных же случаях бесплановость следствия, в частности увлечение следователя одной версией при игнорировании остальных возможных версий, может привести к более серьезным последствиям и даже к судебной ошибке.

Характерным примером такой ошибки может служить следующее дело.

Около часа ночи 26 октября 1949 г. жителя села Лиховка Днепропетровской области колхозника Жука разбудил его сосед Алексей Одижный, который, подбежав к его дому в одном белье, крикнул через окно: «Бандиты мать убили!». Одижный сообщил Жуку, что к ним в дом, где он жил вдвоем с матерью, только что забрались два преступника, разобрав для этого засохшую глину в замурованном окне кладовки, расположенной в доме рядом с единственной комнатой. Самому Одижному, по его словам, лишь случайно удалось спастись, благодаря тому, что при входе преступников в дом он сразу же проснулся и спрятался, а затем выбежал на улицу.

На утро на место происшествия прибыл следователь районной прокуратуры вместе с группой работников милиции. Труп Одижной был обнаружен на лежанке; на голове, покрытой шерстяным платком, выше левого уха имелась рубленая, проникающая в полость черепа рана, длиной в 13 см и глубиной в 8 см. На полу возле лежанки — лужа крови. Кроме опрокинутого шкафа и пролитого из кувшина молока, других следов пребывания преступников в доме не оказалось, из дома ничего не было похищено. Присутствовавший при осмотре Одижный показал место, где он спрятался от бандитов. То был узкий, в 25 см шириной, простенок между сундуком и кроватью. Между тем при осмотре спинки кровати и торцовой стенки сундука оказалось, что они покрыты ровным слоем пыли. Нетронутой осталась и паутина на верхней части окна кладовки, а вынутая из него глина лежала на земле ровными пластами, причем под глиной была обнаружена лопата. Ни на подоконнике, ни под окном кладовки следов ног найдено не было; вместе с тем на подоконнике было обнаружено несколько зерен проса, а в кладовке у самого окна — кадушка с просом.

Во дворе, невдалеке от двери в дом, лежал на земле окровавленный топор, который, по словам Одижного, один из преступников бросил в него, когда он выбежал из дому на двор. В протоколе осмотра было, однако, отражено, что поверхность земли под топором ровная, гладкая и никаких следов падения топора — в виде вдавлин, царапин и т. п. ни под топором, ни вблизи не найдено.

Поскольку Одижный объяснил, что брошенный в него топор ударился о его ногу, он был сразу же освидетельствован врачом. Никаких повреждений — в виде царапин, кровоподтеков и т. п. на ногах Одижного не оказалось, но на правой штанине его кальсон на уровне колена были найдены три, повидимому, кровяные пятна, каждое размером с горошину.

Составив протокол осмотра, начертив план места происшествия и произведя фотосъемку трупа, следователь поручил ведение дальнейшего расследования по делу работникам районного отдела милиции и... забыл о деле ровно на год.

Между тем результаты осмотра, произведенного следователем, настолько очевидно опровергали версию, выдвинутую Одижным, что, казалось, невозможно было пройти мимо противоречий между его объяснениями и установленными осмотром обстоятельствами.

Прежде всего неясна была цель убийства, если допустить, что оно было совершено неизвестными, посторонними преступниками, — против этого, в частности, говорило то обстоятельство, что из дома ничего не было похищено, хотя у Одижных было два поросенка, много меда, зерна и других продуктов.

Далее, вызвало сильное сомнение утверждение Одижного, что преступники проникли в дом через окно в кладовке. Так, если для разборки глины они использовали лопату, то было неясно, почему она оказалась под ровными пластами глины, вынутыми с ее же помощью, причем глина почему-то оказалась не внутри кладовки, а снаружи.

Можно было бы предположить, что преступники не пользовались лопатой и она просто случайно оказалась

под окном. Однако Одижный, признав, что лопата принадлежит ему, вместе с тем заявил, что с вечера она лежала в огороде. При таких условиях положение лопаты должно было вызвать естественное недоумение.

Неясным было и то, почему на окне кладовки не только не осталось никаких следов проникновения через него преступников, но оказались зерна проса из стоявшей тут же кадушки и сохранилась нетронутой паутина.

Совершенно неправдоподобно выглядело объяснение Одижного о том, что он спрятался между кроватью и сундуком, если учесть, что указанное им место было прямо против входной двери, откуда вошли в комнату преступники, что простенок этот был очень узким — всего 25 см и что слой пыли на спинке кровати и стенке сундука оказался ненарушенным.

Уже одно то, что следователь отметил в протоколе осмотра все перечисленные обстоятельства, казалось, должно было означать, что при проведении осмотра у него возникло предположение о неправдоподобности объяснений Одижного.

К тому же вскоре было установлено, что единственное, судя по данным осмотра трупа, орудие убийства — топор вечером накануне убийства находился в коридоре дома Одижного. Это выяснилось после того, как обнаруженный во дворе окровавленный топор был предъявлен соседям Одижного и опознан Жуком. Последний объяснил, что этот топор — его, но за несколько дней до убийства был взят Одижным для пользования. Одижный, не отрицая этого, пояснил, что вечером 25 октября топор находился в коридоре дома, откуда он, повидимому, был взят преступниками.

Таким образом, получалось, что и орудие взлома — лопату и орудие убийства — топор преступники достали на месте, а шли на совершение убийства, не взяв с собой ни того, ни другого. Это обстоятельство еще больше подчеркивало неправдоподобность всех объяснений Одижного и в совокупности с результатами осмотра, казалось, обязательно должно было привести к выдвижению версии о причастности Одижного к совершению преступления.

Тем не менее такая версия не выдвигалась и не проверялась ни следователем, ни работниками милиции.

Не были направлены на биологическую экспертизу и кальсоны Одижного, хотя это было совершенно необходимо для выяснения видовой и групповой принадлежности обнаруженных на них пятен крови.

Более того, в течение первых трех дней после убийства никто даже не допрашивал Одижного, хотя с этого допроса следовало начинать расследование. Первоначальные устные объяснения, данные Одижным во время осмотра, таким образом, не были проверены и закреплены. Насколько это было бы важно для хода следствия, видно из того, что при первом допросе — 29 октября Одижный фактически уже изменил свои показания, неожиданно заявив, что в одном из преступников он узнал своего односельчанина Василия Степановича Дехтеря, ранее сожительствовавшего с потерпевшей. При этом Одижный добавил, что Дехтерь боялся, как бы Одижная не разоблачила совершенное будто бы им в прошлом хищение зерна из колхоза и поэтому, очевидно, решил ее убить.

Казалось, у допрашивавшего Одижного оперативного уполномоченного немедленно должен был возникнуть вопрос, почему же Одижный, прибежав сразу после убийства к соседу Жуку, а позже — присутствуя при осмотре следователем места происшествия, ничего никому не сказал о том, что одним из «неизвестных» преступников был хорошо ему известный Дехтерь? Однако причина этого не выяснялась, не было никем проверено, имело ли вообще место хищение зерна из колхоза.

Целый год работники милиции Лиховского района вели расследование, все время проверяя лишь одну версию — в отношении Дехтеря. Не собрав никаких новых доказательств, они в конце октября 1950 года передали дело в районную прокуратуру. 4 ноября дело принял к производству тот же следователь. Он начал с того, что арестовал Дехтеря, а вскоре нашел против него новую «ценную» улику: 77-летняя старушка Таран [1] показала, что на утро после убийства Одижной она встретила на улице Дехтеря, который, по ее словам, был чем-то взволнован. И вот на основании этого «веского» доказательст-

[1] Как впоследствии было установлено врачебной комиссией, Таран — умственно неполноценная женщина.

ва и одного опознания Одижным Дехтеря последний был следователем привлечен в качестве обвиняемого в убийстве Одижной по ст. 138 УК УССР (соответствует ст. 136 УК РСФСР). Прокурор района проштамповал обвинительное заключение, а народный суд Лиховского района, так же как и следователь, слепо поверил изобличавшим Дехтеря показаниям Одижного и приговорил Дехтеря к

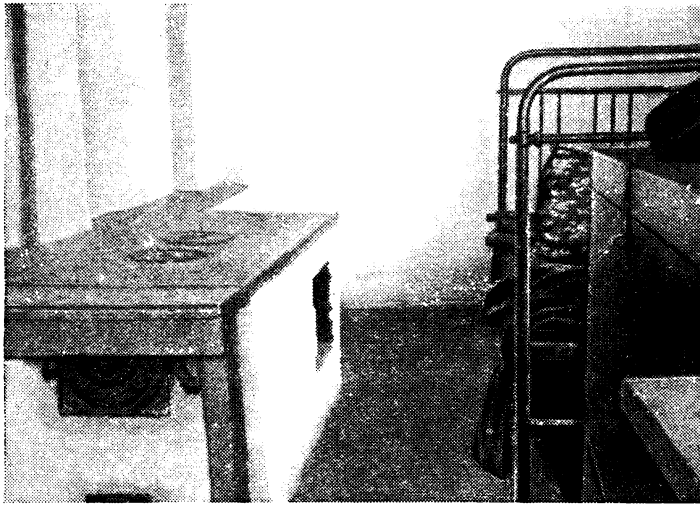

Фото № 3. Простенок между кроватью Одижного и сундуком расположен прямо против лежанки, где спала его мать.

десяти годам лишения свободы. Однако областной суд отменил приговор и направил дело на доследование.

Хотя в процессе доследования биологической экспертизой пятен, обнаруженных на кальсонах Одижного, и было установлено, что эти пятна являются каплями человеческой крови группы А (II), тождественной с группой крови потерпевшей, следователь ничего больше по делу фактически не сделал, и 13 марта 1951 г. дело было им прекращено.

В связи с этим следственным отделом было решено произвести по делу дополнительное расследование, поручив его другому, более опытному следователю — т. Гринченко.

Выехав в Лиховку и подробно допросив Одижного, т. Гринченко сразу же наглядно показал ему всю противоречивость и неправдоподобность его объяснений. Для этого следователь с участием Одижного произвел несколько следственных экспериментов. Восстановив с помощью имевшегося в деле плана обстановку места происшествия и убедившись путем допроса Одижного и его соседей, что обстановка в точности соответствует бывшей в момент совершения преступления, т. Гринченко предложил Одижному спрятаться в ранее указанном им месте у простенка, причем вместо густого слоя пыли спинка кровати и стенка сундука были посыпаны тальком. Поместиться в узкий простенок Одижному хоть и с трудом, но удалось. Однако при этом чуть ли не весь тальк был стерт как с сундука, так и с кровати (см. фото №№ 3 и 4).

Следственным экспериментом было установлено и то обстоятельство, что с того места, где, по объяснению Одижного, сначала находились преступники, очень хорошо было видно место, где будто бы сидел спрятавшийся Одижный. Была также доказана невозможность открыть толчком изнутри запертую наружную дверь, как это было, по объяснению Одижного, им сделано, когда он выбегал из дому, спасаясь от преступников (см. фото № 5). Результаты этих трех последовательно проведенных следственных экспериментов убедили Одижного в бессмысленности дальнейшего отрицания своей виновности и он подробно рассказал следователю, как им было совершено убийство матери.

Он объяснил, что причиной преступления явились плохие взаимоотношения между ним и матерью, нередко приводившие к ссорам и скандалам. После одного такого скандала Одижный и убил свою мать, нанеся ей во время сна удар топором по голове.

Тов. Гринченко не ограничился этими показаниями Одижного, а подкрепил их фотоснимками, сделанными во время демонстрации Одижным того, как он совершал и маскировал убийство матери. В присутствии понятых Одижный показал, в частности, как им было проломлено замурованное глиной окно и как при этом глина упала на лопату, заранее положенную им под окно.

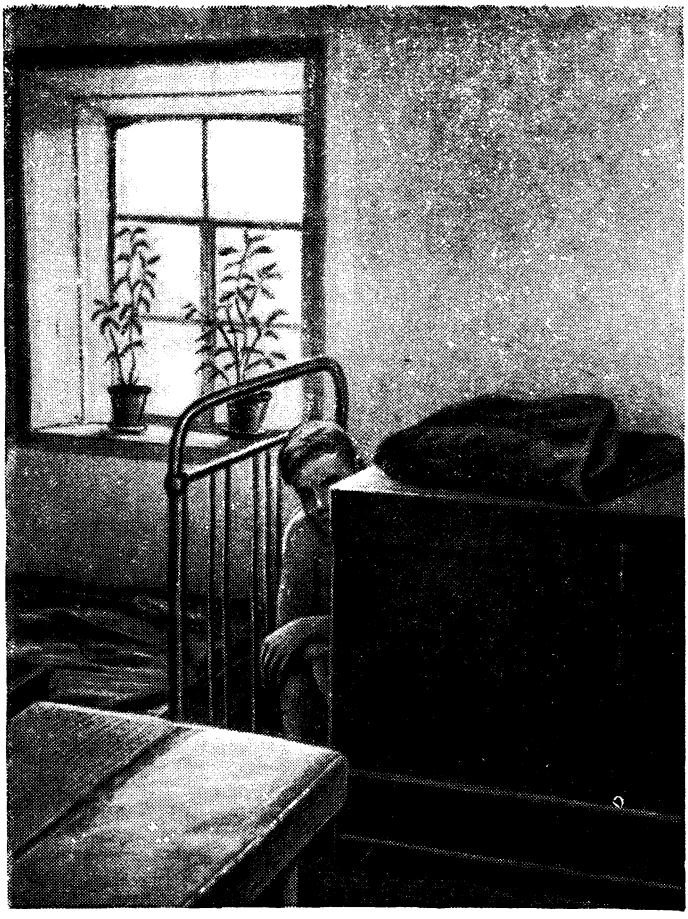

Фото № 4 При проведении следственного эксперимента Одижный едва уместился в узком простенке между кроватью и сундуком.

Так в течение двенадцати дней было полностью расследовано это дело, затянувшееся на полтора года.

В судебном заседании Одижный отказался было от своих показаний и вновь стал утверждать, что убийство совершил Дехтерь. Изобличенный, однако, результатами осмотра места происшествия и следственных экспериментов, а также своими собственными, проверенными и

Фото № 5. Дверной запор, не тронув который Одижный будто бы открыл дверь, спасаясь от преступников.

Фото № 6. Одижный показывает, куда будто бы побежали преступники.

закрепленными показаниями Одижный здесь же на суде вынужден был признать себя виновным. Характерно, что приговор суда — десять лет лишения свободы — Одижный даже не обжаловал.

Уроки этого дела весьма поучительны. Они наглядно показывают:

1. Необходимость при осмотре места происшествия обнаруживать и фиксировать абсолютно все, что сможет иметь какое-либо значение для расследования, т. е. все, что хотя в какой-то мере может быть связано с событием преступления; в тех же случаях, когда можно предполагать наличие инсценировки (как это имело место в данном случае), особенное значение приобретает фиксация негативных следов, подтверждающих или опровергающих версию, выдвинутую близкими потерпевшего.

Фото № 7. На этом месте под окном Одижным заранее была положена лопата.

В данном случае осмотр места происшествия был проведен первым следователем внимательно и с исчерпывающей полнотой; обнаруженные им и зафиксированные в протоколе осмотра отдельные, казалось бы, вовсе незначительные, обстоятельства впоследствии сыграли очень важную роль в изобличении преступника (нетронутая паутина на окне, лопата под глиной, отсутствие следов падения топора на землю, ненарушенный слой пыли на сундуке и кровати и т. д.).

2. Необходимость для следователя уметь обобщать обнаруженные при осмотре факты и обстоятельства и строить на этой основе наиболее правдоподобные версии, одновременно проверяя и последовательно отбрасывая те версии, которые противоречат установленным фактам. Основным недостатком в работе следователя и работников милиции по данному делу было неуменье вывести версию

из имевшихся в их распоряжении фактов, хотя ложность версии Одижного о нападении грабителей вытекала из результатов осмотра места происшествия.

Отрицательное влияние этого недочета на ход расследования усугублялось в данном случае еще и тем, что производившие расследование лица слепо доверились не подкрепленным фактами объяснениям Одижного. Между тем уже одно то, что имя Дехтеря было впервые названо Одижным лишь через три дня после преступления, заставляло критически отнестись ко всем его объяснениям в целом. Именно то, что и работники милиции и следователь оказались в плену одной версии, выдвинутой преступником, привело к грубым нарушениям социалистической законности — необоснованному аресту и даже осуждению ни в чем не повинного гражданина.

Эта судебная ошибка была бы, разумеется, невозможной, если бы производившие расследование лица не пытались факты подчинить версии, вместо того чтобы выводить версию из фактов.

3. Недопустимость для следователя самоустранения от ведения следствия по делам о преступлениях, прямо отнесенных законом к его, следователя, компетенции, в частности по таким сложным, как дела об убийствах. В данном случае это привело к тому, что расследование преступления, которое могло быть раскрыто и в дальнейшем было раскрыто в несколько дней, затянулось на полтора года.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ВЕРСИЙ

По материалам транспортной прокуратуры Московского округа

Около 20 часов 21 ноября 1951 г. на расстоянии нескольких сотен метров от перрона ст. Хлебниково в сторону ст. Водники Савеловской линии Северной ж. д. на рельсах был обнаружен труп женщины.

За несколько минут до этого по перегону Водники — Хлебниково прошел пригородный поезд.

К трупу выставили охрану, и через непродолжительное время на место его обнаружения прибыли работники милиции.

Труп сняли с линии железной дороги и перенесли в станционный сарай. При свете фонарей было осмотрено место происшествия и произведен внешний осмотр трупа, в котором участвовал и судебно-медицинский эксперт.

Осмотр места обнаружения трупа и близлежащих участков полотна железной дороги ничего существенного не дал. На заснеженных и обледенелых шпалах ближайших участков пути вокруг места, где лежал труп, были обнаружены обильные следы крови. Каких-либо иных следов, возникновение которых можно было бы отнести к данному происшествию, обнаружить не удалось. Было лишь отмечено, что в нескольких шагах от места обнаружения трупа, в снегу, покрывавшем поверхность земли с обеих сторон железнодорожной насыпи, протоптана тропинка, по которой из различных мест поселка к станции проходили местные жители.

Ближайшие жилые строения находились от железной дороги на значительном расстоянии, и их отделяли от линии заснеженные пустыри.

Погибшая была молодая женщина. О том, что смерть ее наступила незадолго до обнаружения трупа, свидетельствовали кожные покровы, еще не пораженные трупными пятнами.

Со слов железнодорожных служащих, снимавших труп с рельсов до прибытия следственных властей, погибшая лежала на одном из рельсов таким образом, что верхняя часть туловища находилась между рельсами.

Труп был размят колесами прошедшего поезда и, как отметил в заключении эксперт, оказался «почти полностью расчлененным в области живота и поясницы». Никаких иных внешних следов прижизненного насилия на трупе при его первоначальном осмотре на ст. Хлебниково не было обнаружено.

Судебно-медицинский эксперт на месте дал предварительное заключение о том, что смерть женщины последовала в результате повреждений, причиненных каким-то тупым твердым предметом, действовавшим с большой силой, например колесами и частями движущегося поезда.

В мягких тканях на месте расчленения туловища и в просвете позвоночного канала были обнаружены слабо выраженные кровоизлияния, которые, по заключению эксперта, более характерны для прижизненных повреждений.

Признав необходимым для установления действительных причин смерти производство химических и гистологических исследований частей трупа, эксперт указал, что окончательное заключение о причине смерти может быть дано по получении результатов дополнительных исследований.

На погибшей было синее хлопчатобумажное платье, черная хлопчатобумажная сорочка, черный бюстгальтер. Других вещей на трупе не оказалось. Не было никаких указаний и на личность погибшей, так как ни около трупа, ни в кармане платья не было обнаружено документов.

Однако личность погибшей была установлена быстро и без особых затруднений. К утру на ст. Хлебниково со

стороны ст. Лобня приехал молодой человек, заявивший, что он разыскивает свою жену, ушедшую накануне из дома и не возвратившуюся обратно. Между тем ему стало известно, что на ст. Хлебниково обнаружен труп молодой женщины, погибшей под поездом.

В предъявленном ему трупе мужчина опознал свою жену — Анну Ивановну Мырсову.

После опознания погибшей труп ее был направлен для дальнейшего исследования в морг.

Из показаний мужа Мырсовой, подтвержденных затем показаниями других лиц (матери Мырсовой, соседей, сослуживцев), выяснилось следующее.

Мырсова с мужем и матерью проживала в поселке одного из заводов, недалеко от ст. Лобня и, так же как и муж, работала на заводе. У нее был ребенок 11 месяцев. Жили Мырсовы дружно, ссор между ними не замечалось.

21 ноября 1951 г. муж и жена Мырсовы были свободны от работы и находились дома. Около часа дня А. И. Мырсова сказала мужу, что поедет на ст. Хлебниково в магазин сельпо, чтобы купить шапочку ребенку. Одевшись, она ушла по направлению к ст. Лобня и домой больше не возвратилась.

Каких-либо знакомых у Мырсовой, по утверждению мужа, ни на ст. Хлебниково, ни на ст. Водники не было. Никаких неприятностей ни на работе, ни в семье у Мырсовой не произошло, ни с кем во враждебных отношениях она не состояла и никаких подозрений муж Мырсовой высказать не мог. Его личная непричастность к происшедшему бесспорно устанавливалась показаниями ряда свидетелей.

Как выяснилось из допроса мужа и матери погибшей, при уходе из дома Мырсова была одета в зимнее пальто с меховым воротником, на ней был пуховый платок, черные валенки с галошами. Кроме платья на Мырсовой были надеты: черная сорочка, бюстгальтер, рейтузы, чулки и резиновые подвязки. Мырсова взяла с собой черную кожаную сумочку, в которой находилась небольшая сумма денег.

Допрошенный продавец Хлебниковского сельпо не мог вспомнить, приходила ли в магазин 21 ноября женщина, приметы которой соответствовали бы внешности Мырсовой. Машинист поезда, прошедшего непосредственно

перед обнаружением трупа Мырсовой, заявил, что он на пути ничего не заметил.

Перед следствием встал вопрос, в каком направлении вести расследование факта смерти Мырсовой.

Были выдвинуты следующие три возможные версии причин смерти Мырсовой:

1) несчастный случай;

2) самоубийство;

3) убийство с целью ограбления (после чего труп положили на рельсы).

Но все три версии при детальном рассмотрении обстоятельств обнаружения трупа оказались несостоятельными.

На погибшей не оказалось почти всех вещей, в которых она ушла из дома: пальто, платка, валенок с галошами чулок и рейтуз. Однако несмотря на отсутствие обуви и чулок, кожа на ногах погибшей не была загрязнена.

Для версии о несчастном случае отсутствие всех перечисленных предметов одежды являлось негативным обстоятельством. Шла ли потерпевшая по линии и была сбита поездом, упала ли случайно с подножки поезда или из тамбура при переходе из вагона в вагон — одежда и обувь на ней должны были сохраниться. Практика знает случаи, когда движущимися частями поезда с попавших под колеса срываются отдельные части одежды, но допустить, что с трупа движущимися частями поезда были сняты не только валенки, но и чулки и рейтузы, без повреждения к тому же кожных покровов на этих участках тела, было совершенно невозможно.

Для версии о самоубийстве отсутствие таких предметов, как головной платок и пальто, являлось обстоятельством нейтральным. Известны случаи, когда самоубийцы раньше, чем броситься под приближающийся поезд, снимают верхнюю одежду. Эта одежда могла быть подобрана кем-либо из проходивших вдоль линии людей.

Но то, что погибшая оказалась босой и без рейтуз, по отношению к этой версии также являлось обстоятельством негативным, ибо такого рода действия психологически не оправданы.

Наконец, очень важным негативным обстоя-

тельством являлось отсутствие загрязнения ступней ног, исключающим возможность того, что потерпевшая сама пришла к месту, где она была обнаружена попавшей под поезд.

Версия убийства с целью ограбления. В отличие от изложенных выше обстоятельств отсутствие на трупе наиболее ценных вещей (пальто, пухового платка, валенок с галошами, сумочки с деньгами) указывало на вероятность подобной версии. Но в то же время отсутствие таких малоценных предметов одежды, как рейтузы, чулки и резиновые подвязки, не могло быть объяснено результатом преступных действий грабителей и явно находилось в логическом противоречии с этой версией. К тому же отсутствие на трупе иных прижизненных повреждений, кроме тех, что с очевидностью были причинены движущимися частями поезда, обязывало сделать вывод, что сначала было совершено ограбление, а затем жертву ограбления, которая не была лишена жизни, положили на рельсы. Но в этом случае требовались какие-то физические усилия для того, чтобы удержать жертву на рельсах до проследования поезда, а это могло быть вероятным лишь при условии совершения над потерпевшей таких насильственных действий, которые привели бы ее в бессознательное состояние, или же при условии связывания ей рук и ног. Каких-либо объективных данных для подтверждения подобного рода действий в материалах осмотра трупа и места происшествия не имелось.

Таким образом, объективные данные, добытые на этой стадии расследования, содержали ряд таких негативных обстоятельств по отношению рассмотренных трех версий, которые с достаточным основанием свидетельствовали о несостоятельности этих версий.

По исключении этих трех версий возникла четвертая версия, совершенно иного порядка, о том, что Мырсова была положена на рельсы для сокрытия либо аборта, либо изнасилования, либо другого подобного преступления, при котором может иметь место обнажение нижней половины тела потерпевшей. Все те обстоятельства (отсутствие на трупе валенок, рейтуз, резиновых подвязок), которые являлись негативными в свете выше приведенных трех версий, для новой версии приобретали значение

обстоятельств положительных, не противоречащих, а подтверждающих эту версию.

В этой связи, не ожидая окончания работы по полному исследованию трупа, включая сюда химические и гистологические анализы, судебно-медицинскому эксперту было дано задание представить заключение о состоянии половых органов погибшей.

При исследовании половых органов оказалось, что Мырсова была на третьем месяце беременности. Кроме того, было обнаружено раскрытие наружного зева матки, кровоизлияние на слизистой наружного зева, воспаление внутренней оболочки матки. Все эти явления указывали на вмешательство с целью перерыва беременности, которое, по заключению эксперта, могло иметь место за некоторое время до наступления смерти.

Сопоставление этих данных с имевшимися раньше еще больше убеждало в реальности четвертой версии. Отсутствие грязи на ногах трупа свидетельствовало о том, что Мырсова была доставлена к линии железной дороги. Состояние, при котором потерпевшая, будучи живой (на прижизненный характер повреждений туловища указывали кровоизлияния в мягких тканях на месте расчленения туловища, о чем упоминалось выше), вместе с тем была лишена возможности оказать какое-либо сопротивление, также увязывалось с подобного рода версией. Такое состояние могло наступить в результате шока, что свойственно женскому организму, подвергшемуся грубому абортивному вмешательству.

Именно в этом направлении и был начат активный розыск лица, проживающего в районе ст. Хлебниково и занимающегося абортами. Были также приняты меры к установлению лиц, которые знали о намерении Мырсовой произвести аборт, с целью узнать, когда и с чьей помощью имелось в виду прервать беременность.

С этой целью были просмотрены все истории болезни женщин, поступивших за последнее время в местные больницы со следами искусственного перерыва беременности, и эти женщины были допрошены.

Первоначально эта работа не принесла существенной пользы, так как большинство допрошенных заявляли о

том, что аборт они делали себе сами, но затем удалось добиться положительных результатов.

Гражданка Логинова, оказавшаяся работницей того же завода, где служила Мырсова, на допросе показала, что в 1950 году она с целью перерыва беременности обращалась к некой А. С. Сметской, проживающей на ст. Хлебниково, которая у себя на квартире за 150 руб. сделала ей аборт путем введения в матку раствора водки и мыла. Логинова показала также, что она рассказывала об этом Мырсовой и что последняя взяла у нее адрес Сметской.

На квартире Сметской был произведен обыск, который, однако, никаких результатов не дал, так как ни предметов, которые бы подтверждали, что Сметская занималась производством абортов, ни следов пребывания у нее на квартире Мырсовой обнаружено не было.

Семья Сметской состояла из трех человек: ее самой, сына Владимира, работавшего на одном из московских заводов, и мужа — Кашеварова, работавшего на нефтебазе в качестве пожарного.

Сметская категорически отрицала как тот факт, что она занимается производством преступных абортов, так и какое-либо отношение к Логиновой и Мырсовой. Она показала, что 21 ноября провела весь день дома, никуда не отлучалась, к ней в этот день никто не приходил, что дома всю первую половину дня находился ее сын Владимир, а муж до поздней ночи был на дежурстве. Аналогичные показания дал и Кашеваров.

Тактика допроса Сметской и Кашеварова, изолированных друг от друга, состояла в том, что их самым тщательным образом допрашивали о всех подробностях времяпровождения днем 21 ноября. Допрашивающий поставил перед собой цель — установить хотя бы малейшие разноречия для изобличения Сметской и Кашеварова во лжи. Одновременно тщательно допрашивались соседи по квартире Сметской и сослуживцы Кашеварова.

Было установлено, что около 5 часов вечера Сметская приходила на работу к мужу и сообщила ему, что их поросенок подавился костью. Под этим предлогом Кашеваров получил разрешение у своего начальника отлучиться с работы, ушел домой и вернулся на нефтебазу через значительный промежуток времени.

Однако и Кашеваров и Сметская не стали отрицать этого факта, сославшись на то, что первоначально они о нем запамятовали, и особых противоречий в их показаниях, относящихся к этому эпизоду, не оказалось.

Вместе с тем этот факт давал основания к выводу, что если действительно Мырсова была в квартире Сметской (а могла она туда попасть не ранее двух часов дня), то с учетом, что труп ее был обнаружен в 8 часов вечера, Кашеваров, придя домой, не мог ее не видеть.

Наконец, было трудно предположить возможность доставки Мырсовой от дома Сметской к линии железной дороги без участия Кашеварова.

Подозрения эти усилились и приобрели реальное основание, когда допрошенный сын Сметской — Владимир после длительных колебаний заявил, что в первой половине дня 21 ноября, когда он вместе с матерью находился дома, она все время выглядывала в окно, ожидая прихода кого-то со станции, и что в момент, когда мать вышла к соседям, в квартиру Сметской пришла молодая женщина, одетая в пальто с меховым воротником, в валенках и платке, которая спросила Сметскую. Сын пошел за матерью к соседям, а когда вернулся в комнату, мать дала ему денег и отправила в Москву, где он после посещения кинотеатра пошел на работу, а домой он вернулся уже 22 ноября 1951 г.

Молодой женщины больше он не видел, но мать просила его, в случае если кто-нибудь будет о ней спрашивать, не говорить, что она приходила к ним на квартиру.

Оказалось, что Мырсову видел в квартире Сметской и товарищ Владимира — Бекин, с которым они вместе уехали в Москву.

Несмотря на очную ставку с сыном, разоблачившим мать, Сметская продолжала отрицать факт посещения ее Мырсовой.

Собранные по делу данные позволяли уже почти с полной достоверностью считать, что посещение Сметской нефтебазы в 5 часов и вызов мужа домой были вызваны необходимостью унести Мырсову.

При последующих допросах Кашеваров, запутавшись в деталях, связанных с приходом его домой, сознался в том, что давал до сих пор ложные показа-

ния. Он рассказал, что когда с женой пришел с нефтебазы домой, то увидел лежавшую на полу Мырсову и, полагая, что она умерла, вместе с женой положил ее в матрацный мешок, взвалил его на плечи и, пользуясь наступившей темнотой, отнес к линии железной дороги. Здесь он вытащил Мырсову из мешка и положил на рельсы. Вернувшись домой, Кашеваров собрал оставшиеся на квартире вещи Мырсовой и, связав их в узел, пошел к нефтебазе, закопав по дороге вещи в снег на дне оврага, невдалеке от нефтебазы.

Кашеваров указал место, где были спрятаны вещи, которые были изъяты и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

На очной ставке с Кашеваровым созналась и Сметская, показания которой полностью подтвердили выдвинутую в процессе расследования версию. Она показала, что во время производства аборта Мырсова потеряла сознание, и, полагая, что она умерла, Сметская побежала за мужем, который и отнес Мырсову на линию железной дороги.

Оба преступника понесли заслуженное наказание.

ТЩАТЕЛЬНЫЙ ОБЫСК УЛИЧИЛ УБИЙЦУ

По материалам прокуратуры Грозненской области

В августе 1952 года прокурор Гудермесского района, просматривая розыскные материалы в районном отделении милиции, обратил внимание на заявление гр-ки Яхненко Ульяны Андреевны.

В заявлении, поданном Яхненко еще 31 октября 1951 г., указывалось, что гр-нин Кадиев Куши Кадиевич (с которым Яхненко состояла в фактических брачных отношениях с 1938 года) 10 августа 1951 г., приведя с собой домой двух неизвестных ей мужчин, сказал, что с ними едет в Москву. Она дала ему 1500 руб., но после его отъезда уже два месяца не получает от него никаких известий.

В марте 1952 года Яхненко вторично подала заявление с просьбой найти Кадиева. В первом и во втором заявлениях Яхненко подробно описала внешность Кадиева, одежду, в которой он уехал. Заявительница указала, что Кадиев был инвалидом I группы и получал пенсию в сумме 360 руб. в Гудермесском райсобесе.

Районное отделение милиции по этим заявлениям провело очень незначительную работу и результата не добилось.

Прокурор, обнаружив это заявление, решил провести расследование об исчезновении Кадиева силами прокуратуры.

В розыскном материале имелись лишь указанные два заявления. В одном из своих заявлений Яхненко указывала, что Кадиев член партии с 1930 года. Следовательно, если он совсем выехал из Гудермеса, то должен был сняться с партийного учета, а также, поскольку

он был инвалидом, перевести дело об инвалидности по месту нового жительства.

На запрос следователя райком партии сообщил, что Кадиев с партийного учета не снимался.

Проведенной проверкой в райсобесе было установлено, что пенсионное дело Кадиева находится там и Кадиев последний раз получил пенсию за июль 1951 года. Деньги за август и сентябрь, посланные по адресу, где он проживал совместно с Яхненко, были возвращены отделением связи обратно 30 октября 1951 г. за ненахождением адресата.

На запрос милиции Гудермесского района управление милиции г. Москвы, а также органы милиции на железнодорожных станциях по пути следования Кадиева в Москву ответили, что несчастный случай с Кадиевым Куши Кадиевичем не зарегистрирован.

В процессе расследования следователь решил выявить взаимоотношения между Кадиевым и Яхненко и как вела себя Яхненко после исчезновения Кадиева.

Для этого были произведены допросы соседей и знакомых Кадиева и Яхненко. Допросы производились таким образом, чтобы о них не знала Яхненко.

Из этих допросов стало известно, что между Кадиевым и Яхненко происходили частые ссоры и драки. Когда же Кадиев исчез, то Яхненко была рада этому, а в июле 1952 года вступила в фактические брачные отношения с гр-ном Сиваткиным, который был моложе ее на 23 года.

Свидетельница Лебедева показала, что, когда ей Яхненко рассказала об отъезде Кадиева с двумя приехавшими к нему неизвестными ей людьми, она поинтересовалась, когда же приехали эти люди и почему она их не видела (Лебедева проживала в одном доме с Яхненко и их квартиры имели один общий вход). На это Яхненко ничего не ответила и поспешила перевести разговор на другую тему.

Таким образом, отъезд Кадиева в Москву хотя и не опровергался, но ничем и не подтверждался.

По результатам проверки у следователя возникла версия, что Кадиев никуда не выезжал, а был убит в Гудермесе Яхненко или же другим лицом, которое хорошо известно Яхненко.

Если эта версия была правильной, то можно было

предполагать, что труп Кадиева укрыт где-то поблизости от дома, где Кадиев проживал совместно с Яхненко. Поэтому следователь решил произвести обыск у Яхненко. Обыск производился в квартире, во дворе и во всех надворных постройках ее дома.

Во время производства обыска Яхненко была весьма расстроена и отвечала на вопросы следователя неуверенно. Это привело следователя к мысли о необходимости продолжать обыск в доме Яхненко с особой тщательностью. В кузнице был заказан специальный железный щуп. На другой день следователь внимательно осмотрел сад, мусорные ямы, старую и новую уборные. Вся осматриваемая территория была разбита на квадраты. Каждый квадрат осматривался с помощью щупа.

Один раз следователю показалось, что он достиг цели. Во дворе сзади сарая около уборной щуп мягко вошел в землю. Там принялись копать, но это оказалась яма, наполненная мусором. Трупа там не было.

Осмотрев территорию двора, следователь перешел к амбару, где находились порожние винные бочки. Каждую бочку выкатывали из амбара и под ней щупом проверяли плотность земляного пола. Когда следователь уже проверил почти весь пол амбара, с правой стороны от входной двери щуп мягко вошел в землю. На вопрос следователя к Яхненко, что это за яма, она ответила: «Здесь в прошлом году я зарывала картофель».

Было раскопано это место, и на глубине двух метров обнаружен полуистлевший труп.

Труп находился в яме лицом вверх. При его извлечении из ямы на шее нашли завязанную узлом марлевую ткань. Поперек туловища труп был обвязан электропроводом. На трупе, кроме истлевших брюк, ничего не было.

Кожные покровы, а равно и мышечные ткани на лице, голове и нижних конечностях отсутствовали. Слева в области шеи, грудной клетки и живота имелись высохшие мягкие ткани.

Выше правой надбровной дуги в области лба было обнаружено отверстие размером 2,5 × 2,5 см, справа от затылочного бугра — еще одно отверстие размером 5,5 × 2,5 см.

Труп был сфотографирован фотоаппаратом «ФЭД» и фотоснимки приобщены к протоколу осмотра.

Когда был извлечен труп, Яхненко с ужасом смотрела на него. Когда же ей сказали: «Оказывается Кадиев никуда не уезжал, а находится дома»,— Яхненко призналась, что она убила его.

Будучи допрошена, Яхненко показала, что жила она с Кадиевым плохо, между ними были частые ссоры, доходившие до драк, и она решила от него избавиться.

В мае 1951 года после ссоры с Кадиевым она вырыла во дворе сзади сарая около уборной яму для того, чтобы после убийства Кадиева зарыть его труп.

Но после того как яма была вырыта, она помирилась с Кадиевым и временно оставила мысль об его убийстве. Яму она засыпала мусором (эту яму следователь и нашел вначале при обыске).

10 августа 1951 г. утром, после того как Кадиев сильно избил Яхненко, у него начался припадок эпилепсии. Во время припадка Яхненко два раза ударила его по голове молотком. После этого Яхненко, допуская, что Кадиев еще жив, марлевой тканью задушила его.

Два дня труп Кадиева лежал в комнате на кровати, пока была вырыта яма в амбаре. После этого она обвязала труп электрическим проводом и вытащила его ночью из дома, закопав в приготовленной яме. Затем она пустила слух, что Кадиев уехал с двумя неизвестными ей лицами в Москву, а через два месяца подала заявление в милицию об его исчезновении.

Проведенная судебно-медицинская экспертиза пришла к заключению, что смерть Кадиева произошла в результате нанесения двух ударов по голове твердым предметом.

Необходимо было найти орудие, которым Яхненко убила Кадиева. Для этого следователь вновь произвел обыск в квартире Яхненко, в результате чего нашел три молотка различных размеров. Эти молотки были предъявлены Яхненко, и она указала на большой плотницкий молоток, которым она убила Кадиева. Этот молоток был следователем приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

На основании собранных следствием данных Яхненко была привлечена к уголовной ответственности по ст. 136 «е» УК РСФСР и приговорена судом к десяти годам лишения свободы.

КАК БЫЛ РАЗОБЛАЧЕН ЛОЖНЫЙ ОГОВОР

По материалам прокуратуры Челябинской области

6 ноября 1951 г. около 12 часов дня дежурный по городскому управлению милиции сообщил народному следователю г. Карабаш о том, что в доме № 11 по улице Молотова обнаружен труп гражданки Долгодворовой.

Получив это сообщение, следователь, взяв с собой следственный чемодан, сразу же совместно с работниками милиции и судебно-медицинским экспертом выехал на место происшествия.

Труп был обнаружен соседкой Долгодворовой — Сырниковой, которая зашла к ней в гости в 11 час. 30 мин.

Придя к Долгодворовой, Сырникова увидела, что дверь комнаты открыта. Войдя в комнату, она увидела лежавший на кровати вниз лицом труп хозяйки квартиры, который был накрыт овчинной шубой и старой ватной телогрейкой. Сырникова обратила внимание, что голова трупа в крови. Кровь по одеялу стекала на пол.

Получив предварительные данные об обстоятельствах обнаружения трупа, следователь приступил к осмотру места происшествия.

Входная дверь со двора в сени была открыта, а дверь из сеней в кухню приоткрыта, и в створку двери вставлен старый деревянный каблук.

В комнате был полный беспорядок, все вещи раскиданы. На столе находилась швейная машина, а на скамейке — раскрытая пустая сумочка, которая, как оказалась впоследствии, принадлежала квартирантке

Долгодворовой — Васильевой, работавшей кассиром в артели «Фотоателье».

В затылочной части головы трупа имелось пять рубленых ран. Два пальца левой руки — указательный и средний — оказались отрубленными и лежали на кровати рядом с трупом. На безымянном пальце было надето серебряное кольцо, которое легко снималось с пальца. Вокруг трупа на кровати и на полу имелось большое количество крови.

Труп к моменту осмотра еще не успел даже остыть, и поэтому, согласно заключению эксперта, убийство было совершено незадолго до прибытия следователя и милиции.

На дощатой стене около кровати было обнаружено значительное количество мелких брызг крови.

Наличие крови на постели и на дощатой стене давало основание предполагать, что Долгодворова была убита во время сна.

По характеру рубленых ран и размеру их можно было считать, что орудием преступления мог быть топор, который следователь и стал искать. Действительно, через непродолжительное время было найдено два топора — один из них в чулане (он не имел на себе каких-либо следов) и второй в сарае (на нем имелось множество пятен, напоминавших кровь). Пальцевых отпечатков на нем обнаружить не удалось.

Топор этот был изъят и сфотографирован, а фотоснимки впоследствии приобщены к протоколу осмотра.

Во время осмотра в квартиру Долгодворовой вбежала женщина, оказавшаяся квартиранткой Долгодворовой — Валентиной Васильевой, которая стала громко причитать.

Васильева неожиданно схватила лежавшую пустую сумку, обнаруженную следователем еще в начале осмотра, и заявила, что эта сумка принадлежит ей, что она оставила ее в квартире Долгодворовой и что там находились 500 рублей денег, которые теперь пропали. Она тут же пояснила, что из этих 500 руб. 334 руб.— это выручка по кассе артели «Фотоателье».

По окончании осмотра следователь сфотографировал общий вид места происшествия и место обнаружения трупа, а также составил план, который вместе со снимками приобщил к протоколу осмотра.

Труп убитой был отправлен на судебно-медицинское вскрытие, которое установило, что смерть Долгодворовой была насильственной, последовавшей в результате перелома свода черепа и обширного повреждения мозгового вещества. По характеру ран, которые имели гладкие, прямые, ровные края, можно было полагать, что рубящим предметом был топор. Экспертиза определила, что у Долгодворовой кровь III группы.

Прежде всего следователь стал выяснять время совершения убийства и лиц, которые незадолго до этого заходили к Долгодворовой.

Были допрошены соседи Долгодворовой.

Свидетельница Гарницкая показала, что в день убийства она возвращалась с работы в 8 часов утра и видела, как Долгодворова шла с ведрами, наполненными водой.

Свидетельница Грязева рассказала, что она в 9 часов утра видела, как Долгодворова вместе со своей квартиранткой Васильевой переносила хворост со двора на огород. Кроме того, она показала, что примерно за 20 минут до обнаружения трупа видела в окно, как Васильева прошла от дома Долгодворовой мимо ее дома.

Свидетельница Сырникова сообщила, что в 11 час. 30 мин. утра она вошла в квартиру Долгодворовой и обнаружила ее убитой.

Таким образом, выходило, что убийство было совершено в промежуток времени от 9 до 11 час. 30 мин. утра. В этот промежуток времени, как показали свидетели, никто из них не видел, чтобы кто-нибудь приходил к Долгодворовой.

Свидетели высказали предположение, что убийство Долгодворовой мог совершить некий Абдалов, который выплачивает ей по исполнительному листу деньги за причиненный материальный ущерб. Несколько дней назад Абдалов в присутствии соседей сказал Долгодворовой, чтобы она взяла обратно исполнительный лист, и грозил убийством, если она этого не сделает.

На основании данных осмотра и предварительного допроса свидетелей были выдвинуты вначале две версии:

1. Долгодворову убил Абдалов с целью избавиться от необходимости уплаты денег по исполнительному листу.

2. Долгодворову убили с целью ограбления неизвестные преступники.

Для проверки первой версии следователь стал выяснять, где был Абдалов 6 ноября утром. Оказалось, что в эти часы он был на работе, откуда никуда не отлучался, о чем показали сослуживцы, которые вместе с ним работали. Кроме того, при осмотре места происшествия был найден исполнительный лист, на котором имелась надпись о том, что шесть дней тому назад он был отозван, о чем Абдалов был поставлен в известность.

Таким образом, первая версия не подтвердилась.

Для проверки второй версии были допрошены соседи, в результате чего было установлено, что у Долгодворовой из ценных вещей имелась только швейная машина, которая похищена не была. Существовала Долгодворова на деньги, которые ей платили квартиранты за жилплощадь. О том, что Долгодворова живет небогато, знали все окружающие. Следовало также учесть, что серебряное кольцо, надетое на пальце Долгодворовой и легко с него снимаемое, не было похищено, а других колец, как показали свидетели, у нее не было.

Как уже указывалось, свидетели не видели, чтобы кто-нибудь приходил к Долгодворовой, но в то же время свидетельница Грязева обратила внимание, что квартирантка Долгодворовой, Васильева, за 20 минут до обнаружения трупа выходила из дома. Кроме того, следователь вспомнил, что на месте происшествия Васильева все время говорила о похищении 334 руб. «казенных денег». Она обращала внимание на хищение не всех 500 руб., а именно 334 руб., принадлежащих артели. Поэтому возникла новая версия: Васильева одна или с участием кого-либо убила Долгодворову с целью использовать инсценировку грабежа и убийства для сокрытия растраты.

В связи с этим следователь решил выяснить время ухода Васильевой из дома и установить, где она находилась в то утро, когда была убита Долгодворова.

Васильева, будучи допрошена, утверждала, что в день убийства Долгодворовой у нее был выходной день. Проводив мужа — Лежнева, который уходил на работу к 8 часам утра, она с 9 часов утра, примерно полчаса, помогала Долгодворовой таскать хворост со двора на

огород, а в 9 час. 30 мин. ушла к своей матери в гости где и узнала об убийстве Долгодворовой.

Однако мать Васильевой и квартирантка матери, Пьянкова, показали несколько иначе. Они заявили, что Васильева пришла к ним примерно в 11 час. 30 мин. утра, пришла очень взволнованной и расстроенной. На вопрос матери, что случилось, Васильева ничего не ответила. Через некоторое время после этого Пьянкова пошла на работу, сказав, что до работы она еще зайдет в магазин, но вскоре вернулась обратно и сообщила, что сейчас в магазине женщины рассказывали об убийстве Долгодворовой. Тогда Валентина схватила косынку, надела на голову и выбежала.

Эти показания совпадали с показаниями Грязевой, которая в двенадцатом часу через окно видела, как Васильева вышла из дома Долгодворовой. По показаниям Грязевой, Васильева была одета в черном осеннем пальто. На ногах у нее были резиновые сапоги, на голове белая шаль, а когда она прибежала обратно после обнаружения убийства Долгодворовой, на ней были красное платье и жакет.

При допросе матери Васильевой — Суприковой следователь также выяснял, в чем была одета Валентина, когда она пришла к матери, и если переодевалась, то почему. Допросом матери было установлено, что к ней Валентина пришла в демисезонном пальто, под которым был одет халат. Так как Суприкова в это время стирала, то она предложила Валентине постирать ее грязный халат. Валентина разделась и отдала ей халат и нижнюю рубашку, которые Суприкова и выстирала.

Имея такие показания, следователь немедленно вместе с Суприковой отправился на квартиру последней для обыска. При обыске были найдены халат, шаль, пальто, нижняя рубашка и косынка, которые были утром 6 ноября на Валентине Васильевой. Эти вещи следователь тщательно осмотрел.

На верхней части рубашки удалось обнаружить едва заметные желтоватые пятна. Рубашка была изъята и приобщена к делу в качестве вещественного доказательства. На косынке оказались пятна, напоминающие кровь, поэтому следователь изъял и косынку. Были также изъяты шаль, пальто и халат, принадлежащие Васильевой.

Одновременно следователь решил проверить в артели «Фотоателье», где Васильева работала кассиром, была ли у нее в самом деле недостача денег.

Этой проверкой было установлено, что у Васильевой уже неоднократно бывали недостачи денег, которые она затем покрывала. На 6 ноября за ней числилась недостача в 334 руб. Тогда следователь задержал Васильеву и допросил ее мужа — Лежнева о том, сколько у них было личных денег на 6 ноября.

Лежнев, не зная, какие показания дала его жена, показал, что на 6 ноября у них должно было быть примерно 50 руб.

Мать Валентины — Суприкова также заявила, что у ее дочери неоднократно бывали недостачи. Она, боясь, что дочь привлекут к уголовной ответственности, несколько раз давала ей деньги для покрытия недостач. По словам Суприковой, Валентина растрачивала казенные деньги на личные нужды. Примерно неделю тому назад она, Суприкова, вновь покрыла недостачу у Валентины, после чего категорически заявила ей, что больше не намерена давать ей денег. 5 ноября утром дочь отдала ей на хранение 54 руб., заявив, что это — все деньги, которые у нее есть.

Таким образом, показаниями Лежнева, Суприковой и проверкой данных бухгалтерии артели «Фотоателье» опровергалось объяснение Васильевой о хищении у нее 500 руб.

Будучи вновь допрошена, Васильева утверждала, что к убийству Долгодворовой она непричастна, и настаивала на том, что из дома она ушла к матери вскоре после 9 часов утра.

На вопрос следователя, в чем она была одета утром 6 ноября и не переодевалась ли в течение дня, Васильева ответила, что на ней было красное платье, а когда она пошла к матери, то поверх него одела жакет. Днем она не переодевалась. Тогда следователь напомнил Васильевой, что с утра ее видели дома в халате, а на улице — в осеннем пальто. Васильева это отрицала, заявив, что в халате она 6 ноября ходить не могла, так как еще накануне отдала халат матери для стирки.

Следователь предъявил Васильевой показания ее матери и Грязевой о том, что она пришла домой в 11 час. 30 мин., а не в 9 часов утра, что она свое белье отдала

в стирку 6 ноября, а не 5, что за 20 минут до обнаружения трупа ее видели около дома Долгодворовой и что в этот день она утром была одета в одной одежде, а вечером — в другой.

Узнав об этих показаниях, Васильева заявила, что убийство Долгодворовой совершила квартирантка ее матери — Ольга Пьянкова. Ее же, Васильевой, участие выразилось в том, что она отвлекла Долгодворову разговором, во время которого Пьянкова и нанесла Долгодворовой острием топора несколько ударов по голове.

Убийство было совершено ими с целью ограбления, но никаких вещей они сразу после убийства не взяли, намереваясь унести их совместно с Лежневым вечером, когда он возвратится с работы. Почему она оставила сумку с 500 руб. в квартире Долгодворовой и куда делись из сумки эти деньги, Васильева объяснить не смогла.

Однако допросом Суприковой, на квартире у которой жила Пьянкова, и допросом соседей Пьянковой было установлено, что с утра, примерно до 12 часов дня, Пьянкова никуда не выходила. В 12 часов дня она пошла на работу, т. е. уже после того, как был обнаружен труп Долгодворовой. На одежде Пьянковой, подвергнутой осмотру, никаких пятен, напоминающих кровь, обнаружено не было.

Таким образом, было установлено, что Пьянкова лично не принимала участия в убийстве Долгодворовой.

Еще раз проанализировав материалы следствия, следователь выдвинул новую версию, что убийство Долгодворовой Васильева совершила совместно со своим мужем — Лежневым. В связи с этой версией были допрошены лица, работавшие там же, где и Лежнев, которые показали, что Лежнев с 8 часов утра до 5 часов дня, т. е. до конца рабочего дня, был на работе и никуда не отлучался.

Васильева на новом допросе показала, что, работая кассиром в артели «Фотоателье», она за время с 31 октября по 6 ноября растратила на свои нужды 334 руб. И ранее у нее бывали небольшие недостачи, но каждый раз она погашала их деньгами, которые получала у матери. В этот же раз у нее было всего лишь 50 руб. денег, оставленных на ведение хозяйства, а мать деньги на

покрытие растраты давать отказалась. Поэтому погасить растрату в 334 руб. она не могла. Боясь уголовной ответственности, она и решила инсценировать грабеж в квартире и убить Долгодворову. С этой целью в выходной день 6 ноября она осталась дома и стала помогать Долгодворовой по хозяйству, выжидая удобный момент для совершения убийства.

В десятом часу утра Долгодворова закончила работу по хозяйству и решила отдохнуть. Она легла на кровать и вскоре заснула. Тогда Васильева взяла топор и нанесла его острием несколько рубленых ран по голове своей жертвы. После первого удара Долгодворова схватилась левой рукой за голову, в это время Васильева нанесла ей еще один удар и отрубила пальцы.

С целью сокрытия преступления Васильева создала в квартире видимость ограбления — положила свою пустую сумку на видное место, разбросала на кровати вещи Долгодворовой, нарочито оставила двери открытыми. Выбросив топор в сарай, она ушла к своей матери и отдала ей в стирку белье, в котором совершила убийство. Васильева заявила, что о ее растрате было известно мужу. Признала она также, что, услышав об осмотре места происшествия следственными органами, она специально прибежала домой, чтобы инсценировать свое сокрушение по поводу убийства.

Эти показания Васильевой полностью соответствовали собранным по делу доказательствам. Чтобы проверить эти показания, следователь предложил Васильевой указать в присутствии понятых на месте происшествия, куда был выброшен топор, с какого места она нанесла удар и др.

В присутствии понятых Васильева из числа предъявленных ей трех топоров опознала один за тот, которым она совершила убийство. Это был как раз тот топор, который следователь изъял из сарая после осмотра места происшествия.

Однако через несколько дней после этого осмотра места происшествия Васильева отказалась от данных ею показаний, заявив, что она не знает, кто убивал Долгодворову.

Тогда следователь стал добывать новые улики, которые бы подтвердили ее причастность к убийству. Он еще раз допросил Лежнева по поводу денег, имевшихся у

его жены 6 ноября. Лежнев, между прочим, сказал, что жена сообщила ему 5 ноября о растрате ею артельных денег. Оба они задумались над тем, откуда взять деньги, чтобы покрыть недостачу.

На очной ставке с Васильевой Лежнев подтвердил данные им показания.

Это подтвердило вывод о том, что Васильева действительно совершила растрату, и укрепило следователя в предположении, что она совершила убийство Долгодворовой с целью сокрытия этой растраты.

По делу была назначена экспертиза, которая должна была разрешить вопрос о наличии крови на косынке, шали, халате, нательной дамской рубашке и демисезонном пальто и в положительном случае определить, к какой группе относится эта кровь. Надлежало также установить наличие крови на предъявленном к исследованию топоре, а также ее группу. Поставил следователь также вопрос и об определении группы крови Васильевой и о наличии на лезвии топора или на других его частях волокон ткани и волос, сходных с предъявленными для сравнительного исследования прядями волос Долгодворовой. Специально был поставлен вопрос о сравнении их с теми, которые могут быть на головном платке, которым была покрыта голова Долгодворовой в момент убийства.

Судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу, что на наволочке, изъятой у Долгодворовой, обнаружена кровь человека, относящаяся к III группе, на косынке, изъятой у Васильевой, обнаружена кровь человека, относящаяся к III группе (кровь Васильевой относилась ко II группе), на топоре обнаружена кровь человека, но ввиду незначительного количества определить группу не представилось возможным. Желтоватые пятна, обнаруженные на верхней части рубашки, принадлежащей Васильевой, оказались пятнами крови, но определить видовую принадлежность крови не удалось, так как пятна были застираны. На полупальто и халате, принадлежащих Васильевой, на лезвии топора или на других его частях волокон ткани и волос, сходных с представленными для исследования, обнаружено не было.

Когда следователь предъявил обвиняемой заключение экспертизы и спросил ее, откуда взялась на косынке кровь, Васильева заявила, что косынка принадлежит не

ей, а ее матери. Эту косынку она одела, когда побежала на место убийства Долгодворовой.

Но и это заявление Васильевой было опровергнуто. Следователь допросил мать и сестру Васильевой, которые показали, что Васильева часто одевала эту косынку. В день совершения убийства Долгодворовой она пришла к ним домой уже в этой косынке. Суприкова, кроме того, показала, что она даже предложила Васильевой взять косынку и постирать ее, но дочь от этого отказалась.

Все собранные по делу доказательства уличили Васильеву в совершении преступления. Она была предана суду и осуждена по ст. 136 «а» УК РСФСР и ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

СУДЕБНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОМОГЛА ИЗОБЛИЧИТЬ ПРЕСТУПНИКА

По материалам прокуратуры Одесской области

Уроженец с. Песчана Одесской области Кузьма Устянский, 1918 года рождения, в период войны оказался в г. Алма-Ате. Здесь в 1942 году он познакомился с Ульяной Безлуцкой, 1924 года рождения. Оставив своих родственников, у которых она росла и воспитывалась, Безлуцкая переехала к Устянскому, работавшему в Алма-Атинском областном управлении связи.

8 декабря 1943 г. Безлуцкая родила сына Валерия.

В марте 1944 года Устянский возбудил ходатайство об откомандировании его в освобожденные районы Одесской области. Это ходатайство было удовлетворено.

К месту нового назначения он собрался ехать один с вещами, чтобы потом выслать необходимые документы для выезда к нему Безлуцкой. Против этого Безлуцкая категорически возражала, настаивала на совместном выезде и 21 марта 1944 г. с мужем и сыном Валерием, которому к этому времени уже было четыре месяца, выехала из г. Алма-Аты.

В своих письмах на имя сестры Ульяны Безлуцкой — Екатерины Безлуцкой, Устянский до 1947 года сообщал о полном благополучии его и жены. Аналогичного содержания письма Устянский посылал ряду знакомых в Алма-Ате.

То обстоятельство, что на протяжении всего этого времени лично Ульяна не прислала ни одного письма (автором всех писем являлся Устянский), вызвало у Екатерины Безлуцкой беспокойство. Она обратилась с просьбой к Ульяне написать хотя бы пару слов.

На это письмо Устянский вместо ответа по существу сообщил, что еще в 1944 году при их поездке в Одесскую область осколком бомбы был смертельно ранен сын Валерий, о чем они с Ульяной длительное время не хотели писать. Вслед за этим письмом в марте 1947 года Устянский снова прислал письмо, в котором указал, что они с женой Ульяной хотят возвратиться в Алма-Ату. Для этой цели Устянский в этом письме просил выслать на дорогу денег.

2 апреля 1947 г. Устянский получил от Е. Безлуцкой денежный телеграфный перевод на 1000 руб. Спустя шесть месяцев, т. е. в октябре 1947 года, Е. Безлуцкая получила от Устянского письмо. В нем Устянский, позабыв, что в прежнем письме он писал совсем другое, сообщал, будто Ульяна при возвращении их в г. Алма-Ату в апреле 1947 года встретила на ст. Харьков, где у них была пересадка, какого-то знакомого мужчину, военнослужащего по имени «Федор», и когда он, Устянский, возвратился на вокзал после оформления железнодорожных билетов, то не застал там ни Ульяны, ни сына, ни вещей. Это заставило его возвратиться в с. Песчану.

Это было последнее письмо Устянского Екатерине Безлуцкой.

Ввиду отсутствия каких-либо сведений о сестре Безлуцкая обратилась с рядом заявлений в органы милиции и прокуратуры.

Ответы, полученные Е. Безлуцкой оттуда, по существу повторяли то, что писал Устянский в своем последнем письме — будто бы он был брошен Ульяной на ст. Харьков во время их возвращения в г. Алма-Ату в апреле 1947 года. В подтверждение своих объяснений Устянский предъявил органам милиции полученное им якобы от Ульяны письмо, датированное 10 ноября 1947 г., следующего содержания: «Кузя. Привет с Кавказа. Разрешаю жениться. Не твоя Оля Безлуцкая».

Не добившись толкового ответа на свои заявления, Е. Безлуцкая обратилась с жалобой к Генеральному Прокурору СССР. Эта жалоба поступила для разрешения по существу в прокуратуру Одесской области в марте 1951 года.

Перед разрешением вопроса о возбуждении уголовного дела областная прокуратура истребовала от Е. Безлуцкой сведения об одежде, которая была у Ульяны и ее

сына при их выезде, о вещах и ценностях, с которыми они выезжали. Одновременно были истребованы образцы свободного письма Ульяны и ее фотокарточки.

По получении этих сведений, 7 апреля 1951 г. старший следователь областной прокуратуры выехал в с. Песчана для допроса Устянского.

В архивах Песчанского отделения милиции следователь сумел разыскать ряд переписок и проверок, проводившихся органами милиции по заявлениям Е. Безлуцкой, имевших для дела существенное значение.

Изучением неоднократных объяснений, которые давал разновременно Устянский по поводу исчезновения жены и ребенка, был установлен ряд противоречий. Если в своем последнем письме к Е. Безлуцкой Устянский писал, что Ульяна его оставила в апреле 1947 года на ст. Харьков, то в других своих объяснениях он писал, что оставлен был Ульяной еще в 1944 году во время их следования из г. Алма-Аты в освобожденные районы Одесской области.

Объяснения Устянского по поводу этих противоречий сводились к тому, что разлука его с Ульяной и сыном, которых он безгранично любил, произвела на него весьма удручающее впечатление, что даже сообщать об этом кому-либо ему было очень стыдно, и, давая по этому поводу объяснения органам милиции и прокуратуры, он им серьезного значения не придавал.

Там же в с. Песчана следователь изъял телеграфный перевод от 2 апреля 1947 г., согласно которому Устянским было получено от Е. Безлуцкой 1000 руб.

По этому поводу Устянский пояснил, что имел в виду, получив деньги, поехать в Алма-Ату и рассказать сестре обо всем случившемся, т. е. о том, что Ульяна его бросила и уехала с каким-то военнослужащим. Однако от работы его не освобождали и выехать он не сумел.

Разноречивость объяснений Устянского вызывала подозрения. Почерк в предъявленном Устянским письме от 10 ноября 1947 г., полученном им якобы от Ульяны с Кавказа, по заключению экспертов не принадлежал Ульяне Безлуцкой.

Во время производства обыска в квартире Устянского внимание следователя привлекла висевшая на стене фотография двух молодых людей. На вопрос, кто эти лица, Устянский, несколько растерявшись, ответил, что это братья Ульяны — Сергей и Григорий. Устянский объ-

яснил, что этот фотоснимок находился в чемоданчике среди различных документов и некоторых лично ему принадлежавших вещей и что этот чемоданчик он, оставив Ульяну с сыном и вещами на ст. Харьков, взял с собой, отлучаясь для оформления проездных билетов.

Эти объяснения Устянского противоречили его предыдущим показаниям, в которых он указывал, что, отлучившись для оформления билетов, он абсолютно никаких вещей с собой не брал.

Устянский был арестован.

Ко времени возбуждения настоящего дела Устянский уже имел новую семью. В 1948 году он женился на односельчанке Прокопенко, у которой в 1949 году родилась дочь.

Допрошенная в качестве свидетеля по делу, жена Устянского — Прокопенко заявила, что никаких разговоров с ней Устянский о браке с Безлуцкой никогда не вел. О том, что у Устянского от совместной жизни с Безлуцкой имелся сын, ей ничего не было известно. Аналогичные показания дали родные и знакомые Устянского.

Все очевиднее становилось, что Устянский расправился с Безлуцкой и сыном еще до приезда в с. Песчана. Между тем какими-либо данными о месте и способе совершения преступления следствие не располагало. Розыск трупов Безлуцкой и сына Валерия через органы охраны Министерства внутренних дел на железных дорогах (Одесса — Алма-Ата) положительных результатов не дал. В дальнейшем Главное управление милиции Министерства внутренних дел СССР сообщило, что 21 марта 1944 г. на территории колхоза «Заря Востока» в окрестностях Алма-Аты были обнаружены два трупа — женщины лет 20—25 и ребенка мужского пола в возрасте 4—5 месяцев.

Дата обнаружения трупов, возраст и пол, а также описание одежды трупов (поверхностное) давали основания полагать, что эти трупы могли быть трупами Ульяны Безлуцкой и ее сына Валерия.

Устянский, неоднократно допрашиваемый по поводу даты его выезда с семьей из Алма-Аты, настойчиво утверждал, что выехали они с женой и сыном в ночь на 24 марта 1944 г.

Для дальнейшего расследования дела следователь был командирован в Алма-Ату.

Из допроса 12 человек свидетелей, присутствовавших у Е. Безлуцкой на вечеринке по случаю отъезда Устянского со своей женой и сыном, было установлено, что вечеринка эта состоялась в средних числах марта 1944 года, в воскресенье (точной даты свидетели назвать не могли), после чего на следующий день, в понедельник, Устянский выехал.

По календарю было установлено, что 19 марта 1944 г. был воскресный день. Следовательно, Устянский с женой и ребенком должны были выехать, с учетом отправления пассажирских поездов со ст. Алма-Ата в ночное время, в ночь на 21 марта 1944 г. Трупы были обнаружены утром 21 марта 1944 г.

Истребованная и приобщенная к делу справка начальника пассажирской службы Туркестано-Сибирской ж. д. свидетельствовала о том, что в ночь на 24 марта 1944 г. отправления пассажирского поезда со ст. Алма-Ата не было.

Таким образом, утверждения Устянского о выезде в ночь на 24 марта 1944 г. оказались явно несостоятельными.

Следствие также установило, что поведение Устянского в день выезда из г. Алма-Аты было весьма загадочным. Так, после ужина у Е. Безлуцкой Устянский обещал ей на следующий день, т. е. в день отъезда, зайти за ней и ее мужем, которые должны были провожать Устянского с женой и сыном на вокзал (вокзал в Алма-Ате находится в шести-семи километрах от центра города). Тем не менее Устянский к Безлуцким не зашел, и семья Е. Безлуцкой семью Устянского не проводила. Когда Устянских пытались проводить две подруги Ульяны, Устянский в категорической форме запретил им следовать с ними на вокзал, заявив, что их будет провожать семья Екатерины Безлуцкой и... незачем зря тратить время.

В цепи приведенных улик и это обстоятельство явилось уличающим Устянского в совершении преступления.

В отделе уголовного розыска Алма-Атинского областного управления милиции дела об обнаружении двух трупов 21 марта 1944 г. на территории колхоза «Заря Востока» не оказалось.

Не оказалось его и в архиве Управления Министерства внутренних дел Алма-Атинской области Казахской ССР. Это в значительной мере усложняло расследование.

Далее следователь стал устанавливать лиц из состава оперативных работников уголовного розыска Алма-Атинского областного управления милиции, которым был известен факт обнаружения двух трупов в марте 1944 года.

Из беседы с одним из оперативных работников следователь установил, что после обнаружения трупов женщины и ребенка последние были сфотографированы, что по этому поводу проводилось расследование, после чего дело было прекращено, что понятым при осмотре места происшествия был бывший председатель колхоза «Заря Востока» Меньянов.

Разысканный и допрошенный Меньянов заявил, что был понятым при осмотре места происшествия по поводу обнаружения двух трупов — женщины и ребенка — на территории колхоза «Заря Востока», что трупы были сфотографированы.

Повторной тщательной проверкой в архивах Алма-Атинского областного управления милиции было найдено оперативное наблюдательное производство, в котором сохранилась копия протокола осмотра места происшествия и фотокарточка обнаруженного трупа женщины.

Из протокола осмотра места происшествия устанавливалось, что в нескольких шагах от трупов находился окровавленный металлический лом. Повреждения же черепов трупов (размозжение) бесспорно свидетельствовали об убийстве.

После продолжительных и тщательных розысков в архиве Алма-Атинского морга были разысканы акты судебно-медицинского вскрытия трупов неизвестной женщины и ребенка, обнаруженных 21 марта 1944 г. на территории колхоза «Заря Востока». Описание характерных отличительных черт лица трупа женщины (бородавки на шее, цвет волос и пр.) полностью совпадало с показаниями по этому поводу свидетелей — родных Ульяны Безлуцкой.

Вслед за этим следователь приступил к производству опознания трупа женщины, предъявив фотоснимок трупа родным и близким «исчезнувшей» Ульяны. Все они опознавали Ульяну Безлуцкую.

Для большей убедительности на месте, в г. Алма-Ате, была назначена и проведена судебно-криминалистическая экспертиза. Экспертиза дала категорическое заключение о том, что на всех фотокарточках (вместе с фотокарточкой трупа в лабораторию были направлены пять фотокарточек Ульяны Безлуцкой) изображено одно и то же лицо.

Когда следователь после возвращения из командировки предъявил Устянскому фотограмму (приложение к заключению экспертизы), на которой в значительно увеличенном виде был изображен труп Ульяны Безлуцкой, Устянский признал себя виновным в убийстве своей жены Ульяны Безлуцкой и сына Валерия.

Приговором Одесского областного суда от 21—22 ноября 1951 г. Устянский был признан виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 136 «а» УК РСФСР и ч. 1 ст. 180 УК УССР [1] и осужден к лишению свободы сроком на десять лет, с последующим поражением в правах сроком на пять лет.

---

[1] Соответствует ст. 169 УК РСФСР.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ни одно убийство не должно остаться нераскрытым 3

Роль оперативности при расследовании убийства — Б. Д. Ганкин 20

Уточнение показаний способствовало изобличению преступников — В. Ф. Бухарев 35

Убийство было раскрыто благодаря внимательному изучению вещественных доказательств — А. А. Гордок 48

Изобличение преступника по косвенным уликам — Л. П. Денисов 55

Установление личности убитого содействовало раскрытию преступления, совершенного шесть лет назад — К. Ш. Кронгауз 62

Значение вещественных доказательств при расследовании убийства — П. А. Казмирук 82

Критическая оценка показаний свидетелей — С. А. Чобанян 91

Внимательный осмотр — залог успешного расследования преступления — П. Я. Сулимов 100

Важность тщательного обыска по делам об убийствах — Б. Д. Лопатин 105

Сочетание оперативной и следственной работы помогло раскрыть тяжкое преступление в короткий срок—Н. Т. Кюбчан 116

Умелое использование заключений экспертизы — С. П. Кунаков 123

Проверка показаний путем следственного эксперимента— И. М. Глазов 137

Организация оперативно-розыскных и следственных действий при расследовании убийства — И. П. Меденцов и А. П. Костенко 144

Успешному розыску убийцы способствовало обдуманное выполнение отдельного требования — В. А. Горин . . . 155

Неуклонно соблюдать требования закона о подследственности — С. В. Ковалихин и Г. И. Кочаров . . . 162

Установление места совершения убийства привело к обнаружению преступников — Е. В. Болдырев 179
Преступление раскрыто через три года после его совершения.— По материалам ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза ССР 196
Некоторые недостатки расследования убийств, сопровождавшихся инсценировкой самоубийства и разбойного нападения.— По материалам ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза ССР 208
Использование негативных обстоятельств для проверки версий.— По материалам транспортной прокуратуры Московского округа 233
Тщательный обыск уличил убийцу.— По материалам прокуратуры Грозненской области 242
Как был разоблачен ложный оговор.— По материалам прокуратуры Челябинской области 246
Судебно-криминалистическая экспертиза помогла изобличить преступника.— По материалам прокуратуры Одесской области 256

Редактор П. А. Лохов
Технический редактор Е. В. Мулин